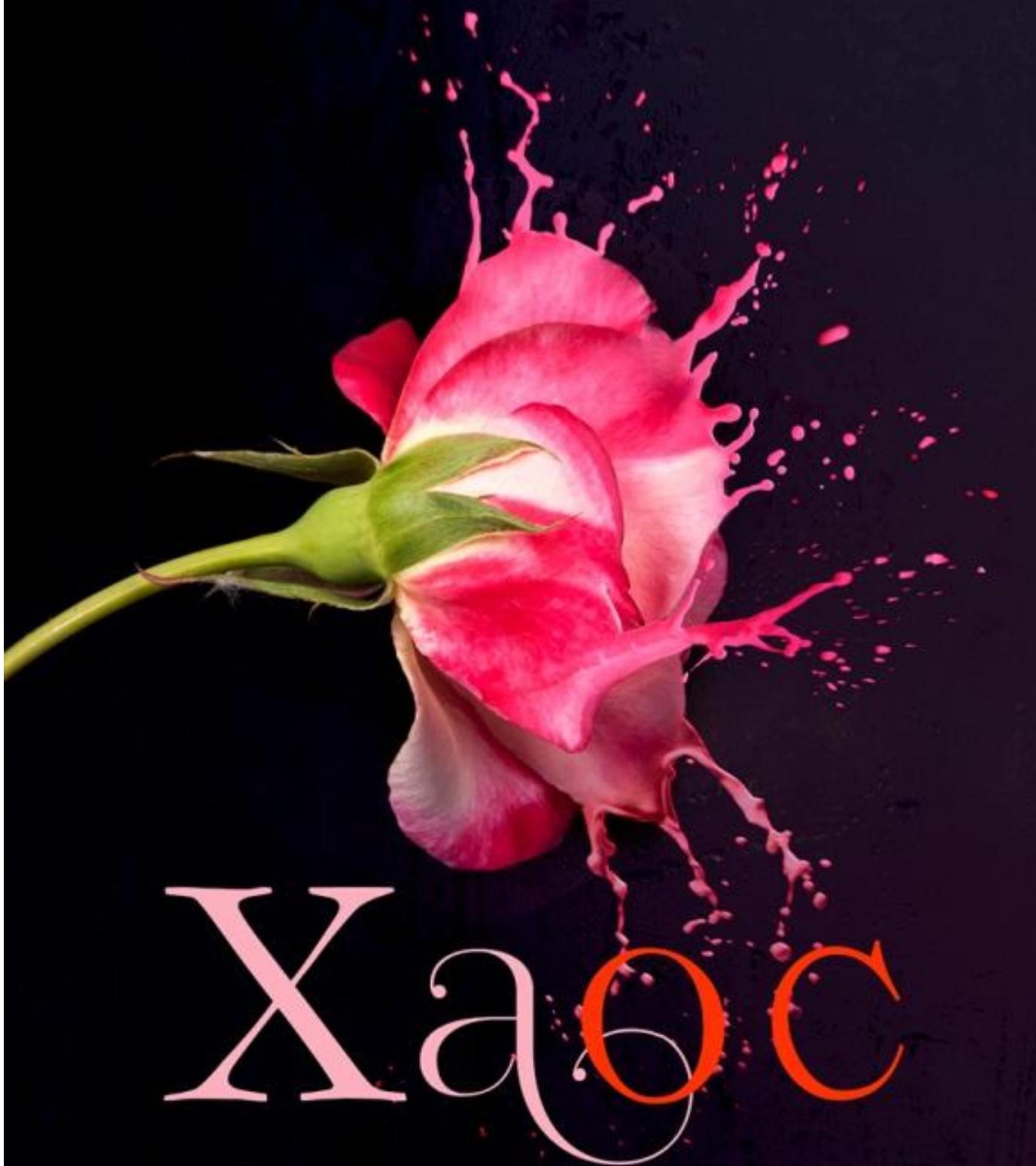

ПЕРВАЯ КНИГА СЕРИИ **Хаос**

Хаос

ОТЕМ ГРЕЙ

Отем Грей
Хаос
Хаос - книга 1

Оригинальное название: **Autumn Grey / Havoc / Havoc – book 1**
Перевод: **Solitary-angel**
Сверка: **Renka**
Редактура: **Lambda**
Обложка: **Solitary-angel**
Книга переведена специально для сайта: **World Selena:**
www.worldselena.ru

Аннотация

Селена Майклз приняла твердое решение – больше никогда и никому она не позволит себя унижать. Пройдя через болезненный развод, она берет отпуск и оказывается в Париже, надеясь использовать подвернувшуюся возможность по полной программе. Ей хочется好好енько повеселиться и, может быть, даже немножко пофлиртовать. Если, конечно, найдется тот, с кем можно приятно провести время, кто будет нормально к ней относиться и пробудит давно спящую в душе жажду жизни. Вот только Селена никак не ожидала, что судьба подкинет ей знакомство с Ремингтоном Сен-Жерменом и его прелестным сыном Эдриеном.

Ремингтон – напористый и умопомрачительно красивый мужчина. Снаружи – настоящий рыцарь в сияющих доспехах. Однако внутри, за семью замками, живет ненасытный дьявол, который не лезет за словом в карман и никогда ни перед чем не отступает.

Очень скоро Селена понимает, что жизнь с Ремингтоном не только интересна, но и полна приключений. Рискованных и опасных. Быть может, ей повезет узнать, чем она рискует... если наберется храбрости попытать счастье.

Обожаю твои сексуальные изгибы.

Гордись ими.

Ремингтон Сен-Жермен

Единственный способ избавиться от искушения – это поддаться ему.

Оскар Уайлд «Искушение»

ПРОЛОГ

Девятнадцать месяцев назад...

СЕЛЕНА МАЙКЛЗ

Проснувшись утром, я почувствовала, что моя жизнь кардинально изменится. Жаль, что я не могла даже вообразить степень катастрофы.

Окинув гостиную взглядом, я попыталась найти хоть что-то, чтобы отвлечься от конверта, лежавшего на кухонном столе.

Чувство безнадежности и горя обрушилось на меня, словно ураган, снеся всё на своем пути. Сердце словно раскололось в груди, когда я услышала наверху тяжелые шаги Джеймса – моего без пяти минут бывшего мужа. Больше не в состоянии оттягивать неизбежное, я вскрыла конверт и уставилась на бумаги.

Последняя пара лет была наполнена душевными муками для нас обоих, и я стала зависимой от Джеймса. Мне любопытно, было ли у моего доктора лекарство от разбитого сердца? Потому что она не дала мне микстуры,

способной остановить нескончаемую боль от потери единственной надежды на спасение нашего брака, которая у меня теплилась.

Я прижала руки к животу – местечку, где еще пару месяцев назад росла жизнь. Потеря снова и снова терзала меня. Всё, чего я хотела – это запереться в комнате и наглотаться таблеток, которые на пару часов или дней скрыли бы меня от этого мира. Хотя это не поможет. Никогда не помогало. Боже, о чём я только думаю? Только то, что жизнь сбила меня с ног, свалив на задницу, еще не означает, что я собираюсь забиться в угол, свернуться калачиком и умереть. Не для того я полжизни боролась за место под солнцем, чтобы в конце концов пустить всё кату под хвост. Я не собиралась признавать поражение.

Я выпрямилась, когда Джеймс спустился по лестнице, держа в руках большую коричневую коробку. Я рассматривала мужчину – моего первого во всех смыслах. Светлые волосы, тщательно зачёсанные назад, голубые, словно лёд, глаза и губы, способные, лишь коснувшись, наполнить меня неутолимой потребностью, которую мог вызвать только он.

Джеймс. Красивый Джеймс.

Пути назад нет. Он уже принял решение.

Схватив со стола ручку, я крепче сжала её, чтобы глупые пальцы не тряслись, и поставила подпись.

– Это всё? – спросила я, заставив себя встретиться с ним взглядом. Затем толкнула к нему конверт с документами.

Джеймс кивнул и нахмурил брови, словно размышляя о чём-то.

– Я договорился с агентством по недвижимости, они пришлют риэлтора для оценки дома.

Казалось, он хотел что-то добавить. Но вместо этого обогнул стол и взял бумаги, прежде чем поцеловать меня в лоб.

– Прощай, Селена.

Он повернулся и без оглядки вышел через парадную дверь, забрав с собой прошедшие шесть лет брака.

Воздух покинул легкие. Я не смогла остановить Джеймса. Появилось чувство, будто вокруг меня всё рушится, и осколки мира грудой валяются у ног. Внезапно внутри забушевала ярость, глубоко въедаясь в кожу. Моё тело словно пылало в огне. Взмахнув рукой, я сбросила со стола счета. Затем шагнула в гостиную и схватила с тумбочки у телевизора фотографию в серебряной рамке, уставившись на неё сквозь пелену обжигающих слёз. На ней я в белоснежном свадебном платье с любовью смотрела на Джеймса. Но его взгляд был устремлён не на меня. До этого момента я не замечала этой крошечной детали. Если я правильно помню, моя лучшая подруга Джена стояла сзади. Джена со своими длинными тёмно-каштановыми волосами и стройным телом была причиной того, почему Джеймс меня бросил. Он признался, когда час назад пришёл домой.

Я швырнула фотографию через всю комнату и увидела, как стекло разлетелось на миллион осколков. Я продолжала крушить всё в пределах видимости, злая на Джеймса, себя и Бога за то, что он забрал у меня ребёнка. Обозлённая на весь грёбаный мир.

Раньше я думала, будто знаю, что такое боль. Но последние два года доказали, как сильно я заблуждалась на этот счёт. Эмоции так сдавили грудь, что я уже не могла дышать. О, боже мой, я не могла вздохнуть.

Я должна дышать.

Просто обязана!

Не глядя, шагнув к ближайшему дивану, я села, притянула колени к груди и опустила на них голову. Затем сделала глубокий вдох, как меня учила врач, и почувствовала, как замедляется сердцебиение, а кровь вновь поступает в мозг.

Через несколько секунд я подняла голову и вытерла щёку рукавом свитера, чувствуя себя полностью истощённой, как эмоционально, так и физически.

Я подняла сонограмму со стола, куда положила её утром, и, глядя на неё, стала обводить пальцем крошечную фигурку.

Моя прелестная малышка Инес.

Я почувствовала, как воздух снова покидает лёгкие. Нет, я не собираюсь впадать в панику. Поднявшись с дивана, я пошла наверх, сосредоточившись на единственном, что могло сохранить мой рассудок в такие минуты.

Я переоделась в спортивные шорты и футболку, на этот раз мне не понадобился плеер. Мне хотелось, чтобы хаос, бушующий в голове, развеялся от холодного ветра, и надеялась, что тёмная ночь сможет мне в этом помочь.

Как только за спиной захлопнулась дверь, я побежала. По щекам катились жгучие слёзы, застилая глаза. Дорогу я знала как свои пять пальцев, поэтому доверились собственным ногам. В тот момент я кое-что пообещала себе.

Такова жизнь, а она не всегда мёд. Бывает, спотыкаешься и падаешь, но лишь затем, чтобы потом подняться и отряхнуть с себя пыль. Я не раз оступалась, но никогда не опускала рук, и этот случай не станет исключением.

Да, я убита горем, но не мертва. На самом деле, вероятно, мне в жизни выпал второй шанс. Начать всё с

начала. И я ни за что не позволю горечи и неприятностям управлять моей жизнью.

ГЛАВА 1

Настоящее...

СЕЛЕНА

Ах, Париж... Город любви, огней и огромных возможностей.

Улыбаясь, я рассматривала холл отеля «Л'Арк», где мне предстояло провести ближайшие три месяца. Я чувствовала себя довольною. Если взять в расчет, что со мной приключилось девятнадцать месяцев назад, то моя жизнь кардинально изменилась в лучшую сторону.

Первые месяцы после развода пронеслись как в тумане из-за беспрерывных тренировок в попытках вернуть себе былую форму, чтобы возвратиться в модельный бизнес.

Если и существует город, способный заставить меня забыть о клоаке, в которой погрязла моя жизнь - это, несомненно, Париж. Я приехала сюда и работать, и развлекаться. И серьёзно намерена повеселиться на полную катушку. Только то, что наши отношения с Джеймсом не сложились, ещё не означает, что я собираюсь махнуть рукой на романтику в целом. К тому же мы с семьёй и моим психотерапевтом очень многое сделали для того, чтобы я оказалась сегодня здесь.

Как сказала моя сестра Марли после того, как крепко обняла и со слезами на глазах подтолкнула в сторону выхода на посадку:

«Следуй за радугой, Селена. И, возможно, ты найдёшь горшочек с золотом, ну, и очень горячего лепрекона в придачу».

Вспомнив это, я вновь улыбнулась и повернулась к суетливому портье, который с решительным видом вернулся из подсобного помещения. Блаженство, в котором я пребывала с тех пор, как ступила на землю Франции, мгновенно испарилось. Я очень удачно забыла о тех идиотах, которые умудрились потерять мою бронь. Другими словами, мне негде сегодня остановиться на ночь. Я всё ещё ждала звонка от Эндрю, моего представителя из парижского модельного агентства «Сара Арден». После пары голосовых сообщений на телефон он должен перезвонить.

Я молилась, чтобы сегодня хоть кто-нибудь из посетителей не приехал, и мне смогли бы найти номер. Смена часовых поясов уже начинала давать о себе знать, а утром у меня будет дел невпроворот. И мне просто необходимо хорошенько выспаться.

– Для меня есть сообщения? – спросил глубокий голос, оторвав меня от раздумий.

Я выпрямилась, когда нотки с хрипотцой вторглись в моё сознание. Оглянувшись, я на мгновение даже забыла, что мне негде переночевать, когда взглянула на стоявшего возле меня высокого мужчину в стильном чёрном бушлате¹ и джинсах. Его глаза слегка расширились, словно он был удивлен или даже шокирован, увидев меня. Таинственное выражение на лице незнакомца почти мгновенно испарилось, но настойчивость во взгляде стала только глубже. Он нахмурился, словно пытался в чём-то разобраться. Или это было замешательство?

И всё же я не могла отвести от него глаз. Рослый с тёмными волнистыми волосами, слегка выьющимися на затылке. Высокие скулы и покрытая щетиной точёная челюсть. Тёмные брови и длинные, пушистые ресницы,

¹**Бушлат** (англ. «rea coat») имеет следующий покрой: разрез сзади, нейлоновую стёганную подкладку, два больших кармана спереди, два внутренних кармана, двубортный вариант застёжки на пуговицах.

которые обрамляли изумрудно-зелёные глаза, столь пристально глядящие на меня. По лицу непонятно, о чём он думает. И в довершении всего - полные губы. Сексуальные и жаждущие поцелуев – только это пришло в голову, когда я посмотрела на его рот.

Скользнув взглядом по его телу, я заметила, как бушлат обтягивает широкие плечи, а голубые джинсы облегают мускулистые бедра.

Боже, какой шикарный мужик.

Какого лешего он продолжает так на меня пялиться? Словно я лучшее в мире крем-брюле, но при этом ведёт себя так, будто стремится поскорее оказаться от меня подальше. Странно. Крем-брюле стараются побыстрее слопать, а не умчаться в противоположном направлении.

Как модель с сорок шестым размером² я привыкла, что люди подолгу меня разглядывают с восхищением или иногда со скрытым отвращением. На лице незнакомца я не увидела ничего подобного. Я была в курсе, что не вся кому нравятся полненькие женщины.

Не знаю, что скрывается в этих зелёных омутах, но оно кажется таким же тревожащим и странным, как и мое влечение к этому мужчине. Я частенько слышала, как некоторые рассказывали, что, встретив кого-то, у них словно почва уходила из-под ног. Ну, или упоминали о каком-то другом гравитационном деръме. Так вот, это и близко не похоже на те рассказни. Помимо влечения это, скорее, напоминало о воссоединении двух родственных душ.

РЕМИНГТОН

² Нестандартный размер, второе название модели размера плюс (plus-size model) – толерантный термин в модной индустрии для моделей с 44 по 52 размер.

Я заметил её почти мгновенно.

Она стояла у стойки регистрации. Рост от силы метр семьдесят семь. Чёрные как смоль волосы буйными кудрями ниспадали на спину. Они притягивали моё внимание, как маяк. Руки сжались в кулаки от желания пропустить эти локоны сквозь пальцы. Женщина переступила с ноги на ногу, и мой взгляд скользнул ниже, пройдясь по всей длине роскошного тела.

MonDieu³!

У Бога действительно была причина отправить этого ангела на Землю.

У неё были пышные изгибы и умопомрачительные ноги, из-за которых мой член бесстыдно напрягся. Стоя вот так, выставив чуть в сторону одно бедро, она выглядела опасно сексуальной. Уверен, что вид спереди не менее сексуален и опасен, чем сзади.

– Она прекрасна, не так ли? – раздался справа от меня голос.

Я перевел взгляд на стоявшего рядом мужчину. Им оказался один из студентов из Симпозиума Искусств. Паренёк посмотрел на меня, и от выражения моего лица его ухмылка тут же испарилась.

Откашлявшись, он нервно улыбнулся:

– Великолепный семинар, месье Сен-Жермен.

Я коротко кивнул, пробормотав:

– Спасибо.

Незадачливый студент резко развернулся и поспешил раствориться в толпе. Я снова сосредоточил внимание на незнакомке, которая теперь стояла, опираясь на столешницу, и нетерпеливо постукивала ногой. Судорожно сжав ручку портфеля, я размашистым шагом направился к стойке регистрации.

³Mon Dieu! - Мой Бог! (фр.)

Портье нервно переминался с ноги на ногу, но, едва заметив меня, с облегчением тут же поспешил в мою сторону.

– Для меня есть сообщения? – спросил я его, продолжая смотреть на женщину с аппетитными формами. Глядя на это тело, мне хотелось совершить одновременно все семь смертных грехов. Она ещё даже ни разу не посмотрела в мою сторону, а я уже страстно её желал.

Merde⁴!

Фантастическое тело этой женщины напомнило мне о том, как давно у меня не было секса.

– Нет, месье Сен-Жермен, – ответил портье по-французски.

Я кивнул, наконец-то полностью сосредоточившись на незнакомке, и в ту же секунду она повернулась и подняла голову.

Заглянув ей в лицо, я тут же застыл – каждая клеточка моего тела словно оцепенела. Огромные карие глаза. Высокие скулы. Слегка вздёрнутый прямой нос. Губы выглядели мягкими и пухлыми, и я мог с уверенностью сказать, что этот ротик с лёгкостью сведёт с ума любого мужика.

Я не мог дышать, пока во мне влечение боролось с замешательством.

Это что, какая-то шутка? Или, может, у меня галлюцинации? Как такое вообще возможно, чтобы один человек так сильно был похож на другого?

Я моргнул, и мой взгляд прояснился. И тут я увидел, что она выпрямилась, изучая меня столь же тщательно, как и я её. Наконец выдохнув, я стряхнул с себя наваждение и постарался сосредоточиться. Определённо, передо мной не призрак из прошлого.

⁴Merde! – Черт! Проклятье! (фр.)

Образ смуглой, как тёплая карамель, безупречности без грамма косметики вытеснил из мыслей бледное лицо, годами не дававшее мне покоя. Восхитительное тело было пышнее, а выражение лица – добре. Глаза же были скорее зелёные, а не карие.

Кроме того, я не верю в фантомов. Эта женщина из плоти и крови. А всех призраков я похоронил еще пять лет назад.

Это нелепо. Мой разум снова сыграл со мной злую шутку. Возможно, мне стоит обратиться к психиатру.

У незнакомки такие красивые глаза, но с лёгкой дымкой печали, хотя едва заметные морщинки у рта указывали на привычку часто улыбаться. Эта женщина – загадка.

Она облизнула губы. Ясно как день, мое столь пристальное внимание её нервировало, но, тем не менее, я не мог отвести от неё глаз.

– Могу ли я вам чем-нибудь помочь? – нахмурившись, спросила она по-французски. От знойного с придаханием голоса в жилах забурлила кровь, направившись прямиком к члену. Судя по её акценту, красотка не француженка. Но, чёрт возьми, как же мне хотелось, чтобы она ещё что-нибудь произнесла.

Как я вообще могу чувствовать что-то подобное, когда ещё пару минут назад считал её призраком из прошлого? Принял за женщину, которая принесла в мою жизнь лишь хаос и практически уничтожила.

Я откашлялся, чтобы прочистить горло, в котором словно застрял комок.

– Как вас зовут? – спросил я, приблизившись на пару шагов.

– Селена, – произнесла она своим умопомрачительным голосом. – Селена Майклз.

– Селена Майлз, – медленно, словно смакуя, повторил я имя красавицы. – Судя по вашему акценту, вы не француженка.

Ничего лучше я придумать не мог?

Преисполненный отвращения к самому себе, я тряхнул головой, списав такое поведение на то, что последние год или два ни с кем не встречался.

– Я американка.

Merde! Мне нужно успокоиться, иначе я напугаю её до чертиков.

Мой взгляд задержался на её верхней полной губе. Желание прикоснуться, попробовать на вкус и укусить эти пухлые губки подстегнуло меня наклониться к ней на пару сантиметров ближе. Бездонные глаза широко распахнулись, она опустила мимолётный взгляд на мои губы, и тут же снова подняла глаза.

Ну, что ж. Если румянец на её щеках можно считать признаком проявления чувств, то у нас двоих, кажется, неожиданно возникло взаимное влечение.

СЕЛЕНА

Мужчина выдохнул и открыл рот, словно собираясь что-то сказать, но тут прямо перед ним остановилась группа молодых ребят. Глянув на них, он поздоровался и вновь посмотрел на меня.

Месье Сен-Жермен – это загадочное имя очень ему шло. Несмотря на его явное нежелание общаться, одна из девушек с ним заговорила и прикоснулась к руке, пытаясь привлечь внимание. Но когда он не отреагировал, продолжая смотреть на меня, назойливая девица замолчала и тоже глянула в мою сторону. Группа вскоре

ушла, оставив нас с мистером Высоким-Мрачным-и-Красивым играть в гляделки.

В конечном итоге, опустив взгляд на свои чёрные модельные туфли и проведя длинными сильными пальцами по волосам, красавчик отвернулся и уверенной походкой устремился прочь. Он казался заносчивым со своей нетерпимостью, слишком уж командовал всем, что его окружало. Несколько человек перегородили ему дорогу, подняв для пожатия руки. Сен-Жермен лишь на секунду остановился, чтобы с ними поздороваться.

Стильный бушлат скрывал половину тела, но оставлял намёк на шикарную упругую задницу под джинсами.

Офигеть! Кто-нибудь, дайте мне плёточку и нагните парня.

– Кто этот человек? – спросила я у портье.

Облегчённо улыбнувшись, он был готов выдать любую информацию, раз появление Сен-Жермена отвлекло меня от проблемы с поселением. Эндрю давным-давно забронировал мне номер, но по какой-то причине меня не оказалось среди зарегистрированных.

– Вы имеете в виду месье Сен-Жермена? Он известный французский художник, – в глазах засветилось явное восхищение.

Ну и ладненько.

– Итак, вы со своим начальством проверили, что стряслось с моей бронью?

– Мне очень жаль, мадам Майклз, – повторил портье, и от его слов мой оптимизм мгновенно испарился. Он покосился в сторону подсобного помещения, словно надеясь, что начальник явится и спасет его. Но поскольку этого не случилось, он обречённо вздохнул и повернулся ко мне.

– Он всё ещё на встрече, мадам.

Эндрю, где ты, чёрт возьми?!

Мне уже доводилось работать с ним во время своих предыдущих показов, и подобное случилось впервые.

Я расстроено вздохнула.

– Не могли бы вы обзвонить ближайшие отели на предмет наличия свободных номеров на ночь?

Кивнув, он быстро подвинул к себе аппарат, который в этот момент как раз зазвонил. Он несколько минут поговорил по телефону, и на его щеках вспыхнул лёгкий румянец.

– Месье Кармайл, – сообщил он, сунул мне трубку и шмыгнул к другому концу стойки, бросив на меня обеспокоенный взгляд, словно я могла его укусить.

Умный парнишка. Я устала и раздражена. Так что вполне могла бы и цапнуть побольнее.

Ещё не успев прижать телефонную трубку к уху, я услышала, как Эндрю грязно матерится на французском. Прежде чем заговорить, я дождалась, пока он закончит свою гневную тираду.

– Селена?

– Слава богу, Эндрю, – я обернулась и, оглядев переполненный холл, заметила, что почти у всех здесь такие же портфели, как и у Сен-Жермена. – Что происходит?

Эндрю тяжело вздохнул.

– Криворукие ублюдки. Я получил твои сообщения. Меня задержали в Лионе, и, боюсь, я не смогу вернуться до утра. Ты в порядке? Как долетела?

– Хорошо. Просто очень устала, – тяжело вздохнула я. После восьми часов перелёта всё, чего мне хотелось, так это принять душ и лечь спать.

– Селена, прости за это недоразумение. Послушай. Я сейчас сделаю пару звонков и через пять минут тебе перезвоню. Хорошо, детка?

– Знаешь, я сейчас готова спать хоть в палатке. Слишком устала, чтобы привередничать.

И несколько секунд спустя я вернула телефон портъе.

– Если перезвонит мистер Кармайкл, я буду в баре. – Не в настроении продолжать разговор, я развернулась и ушла.

Заказав коктейль «Манхэттен», я откинулась на спинку стула. Всё-таки как же сильно на меня повлияли события последних месяцев. Развод, продажа нашего с Джеймсом дома и последовавший за этим переезд к родителям из-за царившего в душе полного хаоса. Как следствие, сеансы психотерапии и, наконец, эта поездка в Париж.

Покачав головой, я отбросила эти воспоминания, решив сосредоточиться на ближайших неделях. Возможно, мне понадобится некоторое время, чтобы освоиться в модельном бизнесе после столь продолжительного отсутствия. Последние пару месяцев я вкалывала как проклятая, чтобы вернуть себе былую форму. И теперь прежде чем я вернусь в Нью-Йорк, у меня в запасе есть три месяца. И я не собираюсь тратить их на постоянные сомнения. Я хочу потратить их только на себя.

– Мадам Майлз, вам звонят.

Я повернулась и увидела бармена, обслужившего меня минуту назад. Протянув мне трубку, он окинул меня оценивающим взглядом, повышая тем самым мою самооценку. Хотя я в этом совершенно не нуждалась, но всё же было довольно приятно чувствовать, когда на тебя вот так смотрит незнакомец. Жизнь в тени человека, который тебя постоянно унижает, не проходит бесследно, и в итоге ты начинаешь верить в свою никчёмность.

Джеймс был мастером унизительных, завуалированных оскорблений, которые любой услышавший мог с легкостью принять за лесть. Бывший муж ни разу не поднял на меня руку, но его слова били не хуже.

– Как успехи, Эндрю? – спросила я, подталкивая свой коктейль к середине стойки и опираясь на локти.

– Сейчас город кишит торговыми выставками и съездами. Прости, но мне не удалось найти ни одного приличного отеля.

Я прижала пальцы к глазам, чувствуя, как на меня снова накатила усталость.

– А если я остановлюсь у тебя?

– Никого нет дома. Жена с детьми навещает мать в Кале. Хотя у меня есть для тебя один вариант. – Он замолчал, словно ожидая моей реакции.

– Если бы я так сильно тебя не любила, то потребовала бы, чтобы ты притащил свою задницу обратно в Париж и лично совсем разобрался, – сказала я шутливым тоном. Он рассмеялся. – Давай рассказывай, что за вариант?

– Я переговорил со своим другом. Он живет на Монмартре и сегодня не ночует дома. Если тебя это устраивает, то можешь переночевать у него. А как только я вернусь в Париж, решу все проблемы с жильем. Что скажешь, милая?

Почувствовав, как внутри зарождается паника, я глубоко задышала. Идея провести ночь в обители мужчины выглядела довольно пугающе. После развода я избегала любых романтических отношений. Не могла смириться с тем, что человек, который был моим лучшим другом еще со школы, тот, кого я любила и с кем обменялась брачными клятвами, с легкостью оставил меня ради моей бывшей лучшей подруги. Это оказалось горьким уроком.

Ублюдок!

Успокойся, Селена. Хозяина не будет дома. Мне нужно взять себя в руки. Я независимая двадцатишестилетняя женщина и не должна закатывать истерику. Кроме того, к утру мне просто необходимо хорошенько отдохнуть. Ведь по опыту знаю, что первый день на работе всегда очень тяжелый.

— Селена? — позвал меня Эндрю, прерывая мои раздумья.

— Прости. Да, этот вариант меня устроит.

— Водитель Ремингтона заберёт тебя через несколько минут. У тебя есть мой номер. Звони, если тебе что-нибудь понадобиться. А завтра я привезу тебе мобильный телефон.

— Твоего друга зовут Ремингтон? Довольно претенциозно.

Он рассмеялся.

— Постарайся не влипнуть ещё в какие-нибудь неприятности. Увидимся утром.

— Ты же меня знаешь, — с улыбкой ответила я. — И спасибо, что смог всё устроить.

— Скоро увидимся, красавица, — сказал на прощание Эндрю и отключился.

Я отдала бармену телефон и вернулась к коктейлю. А через пять минут услышала, как за спиной кто-то кашлянул.

— Мадам Майлз?

Обернувшись, я увидела высокую женщину, одетую в чёрную строгую юбку до середины бедра, белую блузку и сапоги до колена. Её светлые волосы кудрями ниспадали вокруг лебединой шеи, а голубые глаза обрамляли длинные ресницы.

— Да?

Она протянула мне руку.

– Меня зовут Адель Дюфор. Я отвезу вас в дом Сен-Жермена, – сказала она на чистом английском без единого намека на акцент. Дыхание перехватило. Вспомнив мистера Высокого-Мрачного-и-Сексуального, которого я недавно видела у стойки регистрации, моё сердце пропустило пару ударов.

– Сен-Жермен? Его имя, случайно, не Ремингтон?

Изучая меня с молчаливым любопытством, Адель кивнула.

– Вы раньше уже встречались?

Я отрицательно покачала головой, вставая со стула.

– Официально нет. Сегодня он довольно популярен, – я быстро пожала протянутую руку.

Она улыбнулась и осмотрела холл.

– У вас есть багаж, мадам?

После того как мы с разрешения нервного портье забрали мой багаж из камеры хранения, я достала из сумки свитер и надела. И направилась за Адель к выходу из гостиницы, навстречу осеннему прохладному вечеру.

ГЛАВА 2

СЕЛЕНА

«Пежо» остановилось перед домом Ремингтона. Я выбралась из машины прежде, чем Адель успела обойти вокруг и открыть для меня дверцу. Обернувшись, я глянула на дом, и у меня отвисла челюсть.

Пресвятая Богородица!

Передо мной стояло внушительное ярко-белое здание из кирпича и стекла, с высокими окнами, отражающими свет, льющийся из близлежащих домов. Особняк был

полностью погружен во мрак, лишь на крыльце горел фонарь. А дорожку от парадной двери к парковке, рассчитанной на пять машин, освещали крошечные лампочки.

Я медленно повернулась, и меня накрыли с головой нахлынувшие воспоминания. Справа от меня, купаясь в свете прожекторов, во всём своём впечатляющем первозданном великолепии возвышалась Базилика Сакре-Кёр. Я лишь однажды была в этой части города, когда в далёком прошлом посетила вечеринку дома мод «Красивые изгибы». Ещё до того, как вышла замуж и бросила карьеру.

Главным дизайнером и владельцем «Красивых изгибов» была Грейс Деснер, одна из моих ближайших подруг. Она в шутку сказала, что не хотела бы, чтобы я - лицо её дома мод - на следующий день на фотосессии нижнего белья выглядела как зомби. Что я могла сказать? Это была вечеринка, и вино текло рекой. Моя карьера только начиналась. Я была молодой и наивно верила, что могу завоевать мир в любом состоянии - как трезвой, так и навеселе. И считала, что лишь одно это спасёт меня от похмелья. На следующий день всё, чего мне хотелось, так это вырыть тёмную норку и спрятаться в ней, и таким образом избежать любых встреч, пока мне не станет лучше. Я вздрагивала от любого, даже незначительного, звука, и щурилась от вспышек камер. Как ни странно, я довольно неплохо со всем справилась. Но тот день превратился в сущий кошмар, и я отлично усвоила урок.

Глубоко вздохнув, я наслаждалась видом Парижа под безлунным небом.

- Красиво, правда? - Рядом неожиданно раздался хриплый голос Адель.
- Бесподобно.
- У месье Сен-Жермена хороший вкус. - В её голосе слышалось нотки, напоминавшие... благовение.

Я оглянулась. Лицо девушки светилось обожанием. Но увидев, что я на неё смотрю, она быстро взяла себя в руки.

Вот это да! Кто-то, кажется, влюблён в своего босса.

– Да, это так, – ответила я, направляясь к багажнику, чтобы вытащить чемодан. – Когда месье Сен-Жермен вернётся из Прованса?

– Через неделю. – Она махнула в сторону багажа, который я начала вытаскивать, и продолжила: – Оставьте, я сама занесу всё в дом.

– В этом нет необходимости.

– Это ему не понравится, – интонация слов осталась прежней. Кем бы ни был этот парень, он точно счастливчик, что рядом есть столь преданный ему человек.

– Отлично. – Отступив на шаг, я закинула ремешок сумочки повыше на плечо и подождала, пока мне покажут дорогу.

Зевая, я остановилась на пороге, ожидая, пока Адель принесёт остальную часть багажа из машины. Она предложила приготовить мне что-нибудь перекусить, если вдруг я проголодалась, но о еде я сейчас думала в последнюю очередь. После того как она показала мне гостевые спальни наверху и объяснила, какие имеются в них удобства, я поблагодарила её за всё.

Адель кивнула и сказала, что заедет за мной утром, чтобы отвезти в офис «Сара Арден». Сразу же после её ухода я отправилась наверх. И раз утром я всё равно собиралась уезжать, то оставила багаж внизу. За годы модельной карьеры я быстро усвоила преимущества запасного комплекта одежды в своей ручной клади, особенно если багаж задержали или потеряли где-то в пути.

Включив свет, я смогла осмотреть комнату. Интерьер довольно простой и стильный. Почти такой же, как

мельком увиденный в коридоре. Белые стены, а прямо напротив кровати располагался чёрный комод, над которым висело квадратное зеркало. Постель застелена чёрным покрывалом, из-под него выглядывали белые простыни и две огромные подушки в белых наволочках. Всё на своих местах.

Здесь все комнаты похожи на эту?

Бросив сумку на кровать, я заглянула в ванную, которая оказалась настоящим шедевром дизайнера ского искусства. Просторное помещение с полом, выложенным белой мраморной плиткой, и огромной ванной возле панорамного окна. В душевой четыре насадки: две располагались на потолке и две - на стене. Похоже, Сен-Жермен - страстный ценитель роскоши.

Ополоснувшись, я вышла из душа и взяла с вешалки из красного дерева пушистое махровое полотенце. Слегка просушив волосы, я завернулась в полотенце и вышла из ванной, расчёсывая пальцами влажные локоны. Сбросив полотенце на кресло, которое стояло у окна справа от меня, я направилась к кровати в центре комнаты. Но краем глаза заметив в дверях чьи-то ноги, застыла на месте. Пронзительно вскрикнув, я отступила назад, пытаясь нашупать полотенце, но, как назло, позади ничего не было. Я рванулась вперёд и дёрнула на себя тяжёлое атласное покрывало. Ничего не вышло. Я повторила попытку. И снова безрезультатно. Сдавшись, я обернулась лицом к двери, а по щекам разлился румянец.

От босых ступней мой взгляд скользнул вверх по ногам в голубых джинсах и, задержавшись на мускулистых бедрах, двинулся выше. Сильные рельефные руки скрещены на не менее впечатляющей груди. Одним плечом он опирался о дверной косяк. Взглянув в лицо незваного гостя, я замерла под пристальным взглядом непроницаемых зелёных глаз.

– Что вы здесь делаете? – выпалила я, в голове царил хаос, мешая мыслить ясно.

Одна чёрная бровь вопросительно приподнялась.

– Никогда не ожидал, что мне зададут такой вопрос в моём собственном доме. И тем более, в моей собственной спальне, – медленно произнёс он глубоким голосом, в котором слышался смешанный британско-французский акцент.

Чёрт. Вот дерньмо! Разве он не должен находиться на полпути в Прованс? И это его спальня?!

Оглянувшись, я впервые заметила, что комната явно мужская.

Я гордились своей сильной натурой и телом, но, ради бога, кого я обманываю? От его обжигающего взгляда мне захотелось спрятаться под кроватью. Прежде чем приехать в Париж, я решила, что удовольствие станет частью этой трёхмесячной рабоче-развлекательной поездки. Немного флирта тут и там, возможно, любовной возни под простынями, чтобы вернуть себе былую уверенность. После длительного воздержания я была готова вернуться в игру, хотя сама мысль об этом пугала до чёртиков. Но судя по выражению лица Сен-Жермена и по тому, как он на меня уставился, я поняла, что на уме у него уж точно не флирт или игры.

Я нервно сглотнула. В этом нет ничего такого. А может, и есть. Я шагнула вперед, и моя грудь слегка покачнулась. И тут я сделала единственную вещь, на которую в подобной ситуации способна уверенная в себе женщина - высоко подняла голову и лицом к лицу встретила надвигающуюся катастрофу. Его взгляд всего на долю секунды опустился на мою грудь и почти сразу вновь вернулся к лицу. Он явно не был впечатлён. Лицо запыпало от смущения.

Неужели я неправильно его поняла? О боже, как унизительно.

Какой же мужик не любит пялиться на женскую грудь? Возможно, с моей стороны это прозвучало довольно самовлюблённо, но, чем дольше я стояла перед ним, тем стремительнее угасала моя уверенность.

Мысленно я отвесила себе подзатыльник. После Джеймса я поклялась, что никому не позволю втоптать себя в грязь.

Поэтому внутренне собравшись, просто протянула для приветствия руку:

– Прошу прощения за грубость. Вы застали меня врасплох. Я была уверена, что этой ночью я буду в доме совершенно одна, так как Эндрю и Адель заверили меня, что вы уехали в Прованс.

На долю секунды его глаза распахнулись, и выражение лица снова стало бесстрастным. Здорово! Наверное, он думал, что от одного только взгляда мне станет не по себе.

– Я отложил поездку.

Оттолкнувшись плечом от дверного косяка, он шагнул вперед и обхватил сильными пальцами мою руку. Его рукопожатие было крепким, мужским. Шершавая ладонь прижалась к моей коже. Сен-Жермен наклонился ко мне так, что наши глаза оказались на одном уровне, и меня окутал присущий именно ему незабываемый аромат.

– Ремингтон Сен-Жермен.

Казалось, он с трудом сдерживается, чтобы не опустить глаза ниже. Я видела, как Ремингтон скользнул взглядом по моему телу, прежде чем сосредоточил внимание на лице. Возможно, он не настолько безразличен к моим прелестям, как я решила сначала.

– Вы часто это делаете? Ходите голой, когда находитесь одни?

Я не сумела понять, он поддразнивает меня или искренне интересуется? Ох! У этого человека талант выбивать собеседника из колеи.

– Это свободная страна. – Я пожала плечами, напустив на себя равнодушный вид, когда единственное, чего мне хотелось, так это добраться до полотенца и прикрыться. Но я не желала показывать, что меня хоть как-то волнует этот оценивающий взгляд и то, как его глаза задержались на груди с таким неприкрытым вожделением.

– Вы уже знаете, как меня зовут, так что... – я замолчала и, прочистив горло, постаралась не превратиться у его ног в желейную массу. – Дайте мне одеться, и я освобожу вашу комнату.

Он тут же отпустил мою руку.

– В этом нет необходимости. – Развернувшись, Сен-Жермен вышел из комнаты. А пару секунд спустя я услышала, как захлопнулась дверь, звук эхом прокатился по дому.

Ого! Его реакция несколько сбивала с толку. В одну минуту он, казалось, был готов схватить меня в охапку и прижать к стене, а в следующее мгновение стремглав сбежал из комнаты, словно тут бушевал пожар.

Схватив сумку, я быстро надела чистое нижнее бельё и скользнула в постель. А сердце по-прежнему бешено колотилось в груди. Натянув пуховое одеяло до подбородка, я прокрутила в голове всё произошедшее. Неожиданно с моих губ сорвался смешок, сведя на нет смущение, возникшее, когда меня застукали разгуливающей по комнате в чём мать родила. За первой вспышкой веселья последовала вторая, когда вспомнила, как Ремингтон не мог оторвать глаз от моей груди. А заметив, что я застукала его за разглядыванием, так лихо изобразил безразличие.

Высокомерный осёл.

Ну что ж... Если это был знак того, я проведу время в Париже, то, можно сказать, что начало довольно-таки неплохое.

Я получше укуталась в одеяло. Но когда сон уже почти одолел меня, снова вернулись страхи. Каждую ночь после развода они теснились в голове и не давали уснуть.

Что, если у меня не получится стать такой же хорошей моделью, как раньше? Смогу ли я флиртовать и встречаться с мужчиной и при этом в него не влюбиться? И им уж точно не будет хозяин этого дома. Но, возможно, мне всё же удастся найти какого-нибудь претендента?

Когда я прижала руку к шраму на животе, то почувствовала, что ко мне вернулась уверенность. Я многое потеряла, но не собиралась позволить случившемуся управлять мной или моей жизнью. И теперь я готова двигаться дальше.

ГЛАВА 3

РЕМИНГТОН

Тяжело дыша, я прижался спиной к двери. Перешагнув порог дома, я уже знал, что Селена здесь, но совершенно не ожидал найти её в своей спальне полностью обнажённой.

Ранее этим вечером, покинув её у стойки администратора, я остановился кое с кем поздороваться и услышал их разговор с портье по поводу гостиничного номера. Задержавшись подольше, я узнал, что ей негде остановиться этой ночью. Но больше всего меня удивило то, что она говорила по телефону с моим хорошим другом Эндрю. Я просто не мог поверить в свою удачу. Каковы шансы, что именно эта женщина, которую я только что

встретил и с которой перекинулся парой фраз, окажется знакома с моим другом?

После того как она повесила трубку, я быстро набрал Эндрю, напрямик спросил о Селене и попросил предложить ей для ночлега свой дом. Я не люблю ходить вокруг да около, и если чего-то хочу, то иду и беру. Кроме того, разве я не был добрым самаритянином? Специально отложив полёт в Прованс, я поехал к частному ангару, где меня ждали моя мать с моим сыном, чтоб вместе улететь.

Сегодня утром мать прилетела из Лондона и забрала Эдриена из детского садика. Позднее во второй половине дня Адель отвезла их в ангар, где они должны были дожидаться меня.

Забрав сына, я сообщил матери, что мне необходимо срочно решить кое-какие неотложные дела. И пообещал увидеться с ней через пару дней. А потом поехал обратно в особняк. В конце концов, каким бы я был хозяином, если бы, предложив гостье остановиться у меня, оставил её в одиночестве?

Удовлетворенный собственными рассуждениями, я отошёл от двери, зарывшись пальцами в волосы.

Селена заинтриговала меня. Сначала единственное, что я заметил в отеле – это уверенную в себе, красивую и чувственную женщину. Она выглядела великолепно. Если говорить откровенно, то изгибами своего умопомрачительного тела она практически сбила меня с ног.

Я закрыл глаза, и тут же в памяти всплыл образ Колетт – матери Эдриена. Злость, сжигавшая меня изнутри после её смерти, постепенно утихла, а взамен пришло смирение. Но изредка гнев давал о себе знать.

И всё же что-то таилось в глазах Селены. Кажется, печаль. Она словно взывала ко мне, подпитывая мою собственную горечь. Уверен, Селена даже не понимала

собственной реакции. Я знаю, что такое боль, обида и печаль. И именно это я почувствовал в ней. Подобное тяготится к подобному, и, наверное, именно поэтому меня потянуло к ней так сильно.

А ее грудь. Mon Dieu, да она просто совершенна. Я был близок к тому, чтобы прижать девушку к стене, прикасаясь и целуя до потери пульса. Но когда Селена поймала меня за разглядыванием, то изобразил полное безразличие. Хотя на самом деле член стал твёрже гранита.

Так, кому-то перед сном явно понадобится холодный душ. Поэтому, приложив максимум усилий, и сосредоточился на воспоминании о рукопожатии. Судя по выражению её лица, - что у стойки администратора, что в моей комнате, - должно быть, я неосознанно посыпал ей противоречивые намеки. Просто она застигла меня врасплох, сея внутри хаос. И я словно разрывался между страстным влечением к ней и своим прошлым.

Неужели я был заинтригован не столько внешней привлекательностью Селены, сколько её схожестью с Колетт?

Вытащив из кармана телефон и пролистав список контактов до буквы «Ж», я нажал кнопку вызова.

– Мне нужно, чтобы ты для меня кое-кого проверил, – после обмена приветствиями сказал я.

Знаю, что это довольно подло с моей стороны, но если я собирался добиваться этой женщины - а это определенно входит в мои намерения - то сначала мне нужно навести кое-какие справки.

На этот раз мне необходимо предпринять все меры безопасности. А мой друг Жиль - владелец охранной фирмы. И, безусловно, надежный. Я знаю его много лет, и Жиль для меня уже почти как член семьи. Два года назад в разные дни недели мне стали приходить необычные

сообщения от неизвестного абонента. В основном с флиртом, а иногда и с очень интимными предложениями, но без единой угрозы. Жиль пробовал их отследить, но это оказалось весьма не просто. Он считал, что для отправки использовались одноразовые телефоны. Даже несмотря на то, что Жилю так и не удалось отследить отправителя, я всё равно безоговорочно ему доверял.

Закончив разговор, я улёгся на кровать, потирая рукой шею. В данную минуту я состоял из клубка противоречий. К такому состоянию я определенно не привык, и оно мне совершенно не нравилось.

Я завтра же улечу в Прованс. Расстояние поможет мне сконцентрироваться на более важных вещах. Симпозиум Искусств, который продлился неделю, отнял у меня всё время, и теперь накопилась уйма дел. И, кажется, они определённо включают в себя эту нахальную красивую американку.

ГЛАВА 4

СЕЛЕНА

Что-то укололо меня в щёку. Распахнув глаза, я увидела самые обворожительные в мире зелёные глаза на таком милом личике. Из ниоткуда появилась маленькая ручка и отбросила со лба чёрные кудри.

Малыш моргнул.

Потом ещё раз.

Я прижала руку к груди, стараясь дышать медленно, чтобы успокоить зарождавшуюся внутри боль. Глаза начало жечь.

Проклятье! Я сейчас разрыдаюсь и испугаю ребёнка.

Боже, хоть когда-нибудь станет легче?

Я глубоко вдохнула, стремясь ослабить боль потери, которая подкрадывалась ко мне всякий раз, когда я видела поблизости ребенка. Особенно такого прелестного, как этот, что сидел сейчас передо мной.

Мне удалось взять себя в руки. Хотя и с большим трудом.

Мальчик отклонился назад, хмуро глядя на меня. Могу спорить, он подумал, что я чокнутая.

Откашлявшись, я натянуто улыбнулась.

– Привет, – хрипло сказала я, надеясь не напугать малыша.

Он продолжал разглядывать меня, словно пытался решить сложную математическую задачу. Неожиданно на ангельском личике появилась широкая улыбка, демонстрируя отсутствие нижних передних зубов.

– Ты подружка моего папы? На тебе его рубашка. И ты... – он прищурился, словно подыскивая подходящее слово. – Ага! Belle⁵. Красивая.

Он развернулся и выбежал из комнаты с криком:

– Папа!

Ещё до того как стихло эхо от топота маленьких ножек по плиткам, я спустила ноги с кровати и посмотрела на чёрную шёлковую пижамную рубашку, которую натянула, замёрзнув посреди ночи.

И тут до меня вдруг дошло, что кричал мальчик. Папа? Ремингтон Сен-Жермен его отец? Серьёзно? Красивый художник никак не выглядел, как чей-либо отец. То немногое, что я видела, плюс лицо, голос... Так, если я собираюсь спуститься вниз и при этом не умереть от смущения, ежеминутно вспоминая о том, как меня застукали обнажённой, то пора прекратить о нём думать.

⁵**Belle** – красавица (фр.)

Я поискала глазами часы в комнате и, когда нашла их на прикроватной тумбочке, застонала. Я проспала дольше, чем планировала, и теперь у меня только полчаса, чтобы собраться и успеть на встречу с Эндрю в офисе «Сара Арден».

Я выбралась из кровати и пошла в душ. Быстро ополоснувшись, оделась в сливочно-жёлтый топ с открытой спиной и натянула вчерашние голубые джинсы. Последний штрих – быстренько нанесла лёгкий макияж.

Запихнув все вещи в дорожную сумку, я заправила постель, убедившись, что всё осталось так же, как и до моего приезда. Я спустилась вниз и замерла на пороге огромной гостиной, которая была частью одного большого открытого пространства. Ремингтон с мальчиком стояли тесно прижавшись друг к другу. Малыш тараторил без умолку, в то время как Ремингтон возился на кухне и что-то готовил. У меня сложилось впечатление, будто я вторглась в их ежедневную утреннюю рутину, но ничего не могла с этим поделать.

Я рассматривала огромное помещение, на которое прошлой ночью из-за усталости едва взглянула. На белых стенах нет ничего, кроме нескольких картин, висящих в гостиной друг напротив друга. На одной изображён красивый трёхлетний малыш. Судя по чёрным кучерявым волосам и восхитительным зелёным глазам, это тот кроха, что меня разбудил. На другой картине женщина лет пятидесяти со схожими с Ремингтоном чертами лица. Я не великий знаток искусства, но с уверенностью могу сказать, что портреты выполнены просто великолепно.

Также в гостиной стояли три кожаных дивана, на них в беспорядке лежали кремового цвета подушки, а парочка даже валялась на полу. В правом углу стоял ящик, полный игрушек. Над мраморным камином на полке три серебряные рамки с фотографиями. Я подошла ближе и прищурилась, чтобы лучше их рассмотреть. На всех

фотографиях Ремингтон, мальчик и женщина с картины. Вот они стоят напротив колеса обозрения или сидят на берегу реки и ловят рыбу.

Но где же мать мальчика? Они в разводе? Или она умерла?

Я снова бросила взгляд в сторону высокого длинного кухонного стола. Если вчера от вида Ремингтона захватывало дух, то сейчас, глядя на него с сыном, таинственный месье Сен-Жермен казался мне ещё красивей, чем прежде. Я нерешительно топталась в гостиной, наслаждаясь видом семейной идиллии.

Ремингтон был в чёрных шёлковых пижамных штанах, низко сидящих на бедрах, и белой футболке, выгодно подчёркивающей сильные рельефные руки, покрытые густыми тёмными волосами. Пока мужчина готовил еду, мышцы на его груди под футболкой перекатывались и играли. Мальчик что-то сказал, и Ремингтон с улыбкой взъерошил кудрявую головку сына.

О Господи! Какая улыбка!

Вокруг словно стало светлее и ярче от этой обезоруживающей белозубой улыбки. Он повернулся, открыл холодильник и что-то вытащил оттуда, закрыл дверцу и продолжил готовить. Мальчик взобрался на стул и нагнулся вперед, прижимаясь своим лбом к отцовскому, а потом поцеловал его в нос. Ремингтон схватил сынишку за талию и защекотал, а малыш пронзительно взвизгнул.

Нет, не единого сомнения. Это его сын. Было что-то ужасно очаровательное в том, как они одинаково наклоняли голову вправо, когда разговаривали, или как щурились, о чём-то думая.

Малыш снова взвизгнул, и на этот раз Ремингтон откинулся на спинку стула и рассмеялся. От этого глубокого, соблазнительного смеха у меня перехватило дыхание, и я ахнула. На меня тут же уставились две пары глаз.

– Доброе утро, – я широко улыбнулась, словно это не я последнее пару минут за ними шпионила.

Мальчик спрыгнул со стула и бросился ко мне, в то время как его отец, наоборот, замер. Лицо вновь стало непроницаемым.

О чём он думает?

Оторвав от него взгляд, я присела на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с сыном Ремингтона, и протянула ему руку. На мальчике были джинсы и миленький голубой свитер с изображением «Человека-паука» на груди.

– Я Селена. А как тебя зовут?

Он хлопнул по моей ладони.

– Эдриен. Вы красивая. Она очень красивая, правда, папа? – Он повернулся и посмотрел на отца. – Она твоя новая подружка?

Ремингтон неотрывно смотрел на меня, посылая дрожь по всему телу.

Потом ответил:

– Да, она красивая. И нет, она здесь только переночевала. Пойдём. Как я тебе уже говорил, мы сегодня останемся в Париже. Скоро приедет Адель и отвезёт тебя в садик, ты же знаешь, как она не любит опоздания, – хотя слова были сказаны очень мягко, в тоне слышались твёрдые нотки.

Не торопясь выполнять просьбу отца, Эдриен повернулся ко мне с сияющими от радости глазами.

– Ты можешь остаться с нами? Пожалуйста, скажи да. Ну, пожалуйста.

– Эдриен, – сказал Ремингтон голосом, не терпящим возражений.

Бедный малыш закрыл ротик и с напряжёнными плечиками поспешил к столу. И обратно взобрался на стул,

на котором сидел чуть раньше. Воцарилась тишина. От напряжения начал потрескивать воздух, и у меня стало покалывать кожу на голове. Ну ладно.

— Спасибо, что позволили мне у вас переночевать, мистер Сен-Жермен. Мне нужно быть в Лувре через пятнадцать минут. Можно воспользоваться вашим телефоном, чтобы вызвать такси?

Ремингтон резко поднял голову, явно удивленный.

Раздался звонок в дверь, а потом в замке повернулся ключ. Через несколько секунд на кухню вошла Адель. После обмена любезностями она оглянулась, и от увиденного у неё смягчилось выражение лица.

— Поцелуй папу перед уходом, — сказал Ремингтон Эдриену.

Я повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Эдриен обхватил своими коротенькими ручонками отца за шею и поцеловал в щёку. После того как Ремингтон дал сыну красную коробочку для ланча, малыш повернулся ко мне. Неожиданно сорвавшись с места, он побежал ко мне и обнял за ноги. Уронив сумку на пол, я обняла его в ответ.

Боже, как же замечательно держать в руках это крохотное создание.

— Au revoir⁶, Селена, — прошептал он мне на ухо, перед тем как оставить на щеке влажный поцелуй.

— Пока, милый, — ответила я и встала, а Эдриен с застенчивой улыбкой вышел из комнаты.

Как только входная дверь за ними закрылась, я повернулась к Ремингтону и увидела, что он смотрит на меня. Точнее, сверлит сердитым взглядом.

Какого чёрта он злится? Я сделала что-то не так? Он сердится, потому что я спала в его комнате?

Стиснув зубы, я скрестила руки на груди.

⁶**Au revoir** – До свидания! (фр.)

– Прошу прощения за то, что заняла вашу комнату прошлой ночью. Я очень устала и практически засыпала на ходу, поэтому неправильно поняла Адель. Спасибо, что, несмотря на эту оплошность, позволили мне остаться.

Ремингтон продолжал внимательно изучать мое лицо. И мне очень хотелось понять, что же он пытается там найти.

– Не за что. Рад был помочь.

С вежливой улыбкой я схватилась за выдвижную ручку своего чемодана и повернулась к выходу.

– Можете остаться, если хотите, – сказал он. – Я уезжаю в Прованс на несколько дней.

Я застыла на месте. Хм, что? Остаться здесь? Он был очень замкнут с момента нашей первой встречи, продолжая закидывать меня противоречивыми намеками. Хуже всего то, что я не понимала, почему он со мной так осторожничает.

– Я действительно польщена. Спасибо за столь щедрое предложение, но, тем не менее, Эндрю сегодня же уладит все мои вопросы с жильем.

– Вы не помешаете, поскольку дом всё равно будет пустовать.

Я в недоумении моргнула.

– Мы совершенно друг друга не знаем. Почему вы предлагаете мне остаться? Может, пока мы тут мило беседуем, я уже строю планы по ограблению вашего дома.

Он усмехнулся.

– Вы не похожи на воришку.

Я закатила глаза, изо всех сил стараясь не улыбнуться.

– Не стоит судить по красивой внешности. Я вполне могу быть тем, кто бьёт человека по голове и отбирает его вещи, – его губы изогнулись от явного веселья, но Ремингтон не проронил ни слова. – Спасибо, но я не могу остаться.

Он смотрел на мои губы потемневшим взглядом, словно не мог справиться с обуревавшими его чувствами. Казалось, будто противоречивые эмоции внутри него затеяли нешуточный бой. Но вспышка желания исчезла так же быстро, как и появилась, и лицо вновь стало бесстрастным.

– Хорошо, я отвезу вас, куда скажете. Позвольте мне сделать хоть это, Селена.

От того, как он произнес моё имя, по спине побежали мурашки. Словно он вдохнул буквы, а потом единым порывом выдохнул. Никогда прежде оно так хорошо не звучало.

Уф! Этот мужчина сбивал с толку как никто другой. В этом городе гораздо проще найти мужчину для флирта, чем разобраться в логике мышления и настроения Сен-Жермена.

– Буду очень благодарна.

Я прислонилась спиной к двери и наблюдала, как он с высоко поднятой головой гордо и уверенно поднимается по лестнице, вдоволь насладившись видом восхитительной задницы. Оторвав от него взгляд, я всего на несколько минут вспомнила о том, как держала Эдриена в своих объятиях. Неожиданное приятное ощущение, хотя раньше я думала, что, если когда-нибудь обниму ребенка, то почувствую глубокую боль утраты. Но Эдриен застал меня врасплох, когда подбежал и обнял.

Я улыбнулась, неустанно наслаждаясь этим чувством.

РЕМИНГТОН

Как только я закрыл за собой дверь спальни, меня тут же окутал аромат Селены, и гнев моментально утих.

Споткнувшись, я замер и глубоко вздохнул, наслаждаясь запахом. Но потом вспомнил о том, что произошло внизу.

Общество Селены одурманивало. Я не знаю, что подтолкнуло меня открыть рот и предложить ей остаться. Да нет же, прекрасно знаю. Я эгоистично хотел заполучить её для себя. Завидовал гостиничным номерам, в которых она будет проводить ночи.

Сразу три греха, но кто считает?

Покачав головой, я вспомнил, как Адриан с выражением личика, полного надежды, обнял Селену, и как моё собственное тело отреагировало на неё. Я не из тех мужиков, которые спят с женщинами только ради удовольствия. Точнее, я был таким после смерти Колетт. Но потом понял, как всё это неправильно, и возненавидел себя за такое поведение. И после этого стал избегать женщин, сосредоточившись на воспитании сына.

Я довольно долго встречался с одной женщиной, но всё закончилось два года назад.

Вот поэтому сейчас мне хотелось по чему-нибудь врезать, желательно, по стене. Я не привык находиться в противоречии со своими мыслями и убеждениями. Что-то в Селene удерживало меня от преследования. Словно невидимая неоновая табличка «продвигайся вперед очень осторожно». Хотя реакция Адриана на Селену почти поставила меня на колени.

Мне нужно пространство и, думаю, Прованс - единственное место, где я смогу собраться с мыслями.

Стянув пижаму, я подошел к гардеробу и из одного ящика вытащил белую футболку и джинсы, а из другого - белые боксеры.

Пока я одевался, в голове прояснилось. Немного расслабившись, я направился вниз. Но замер на лестничной площадке, наслаждаясь видом аппетитной попки и широких бёдер, пока Селена, стоя ко мне спиной,

разглядывала портрет Адриана. Между прочем, это одна из лучших моих работ.

– Вы готовы? – спросил я.

Обернувшись, она окинула меня взглядом с головы до ног, а потом эти бездонные карие глаза вернулись к моему лицу.

Селена облизала губы.

– Показывайте дорогу.

ГЛАВА 5

СЕЛЕНА

Это чересчур официально. Находиться рядом с Ремингтоном. Внутри бушевал хаос, разрушая всё на своем пути. Даже от незначительного изменения позы его тела или брошенного на меня взгляда мои нервы звенели от напряжения. И в любую минуту я была готова сорваться.

Как только блестящий чёрный «Ролс-Ройс Фантом» остановился возле агентства «Сара Арден», я схватилась за ручку двери, готовая пuleй выскочить из машины. Но тут Ремингтон, протянув свою большую сильную руку, положил ладонь мне на колено, и я замерла на месте. А когда через джинсовую ткань кожу опалило жаром, я вздрогнула. В конце концов, я же не каменная. Даже несмотря на перепады его настроения у меня внутри всё сжималось, а кончики пальцев покалывало от желания.

Я повернулась к нему, а мозг кричал: «Боже, парень, сначала предупреди девочку, или она погибнет в твоих руках от нехватки кислорода».

Прикосновение было очень интимным, почти собственническим, а во взгляде читался завуалированный

приказ. Сердце готово было выпрыгнуть из груди и составить компанию мчащимся по улице машинам.

Он убрал руку и, прежде чем я поняла, что происходит, обошёл вокруг машины и открыл для меня дверцу.

Ни одно прикосновение не было похоже на это.

Ни от одного я не чувствовала себя в таком смятении.

И ни одно другое не заставляло жаждать большего.

Остановись, Селена! Ради бога, у тебя за плечами уже имеется горький опыт. А для твоего рассудка его быстро меняющееся настроение слишком опасно.

Я выбралась из машины и, стоя на тротуаре, наблюдала за тем, как он без усилий вытащил из багажника мои чемоданы и поставил их на землю. *Каждое его движение было гибким и уверенным. Целеустремленным.* Я могла бы сутками, не отрываясь, смотреть на него. Но в этом случае от его переменчивости меня мог бы хватить удар.

– Пойдёмте.

Он покатил чемодан внутрь офиса «Сара Арден», и мне не оставалось ничего, кроме как закинуть на плечо ремешок сумочки и последовать за ним.

Остановившись в холле, Ремингтон положил руки на узкие бедра и принялся изучать шикарный чёрно-розовый интерьер с таким загадочным видом, словно впитывал каждую деталь окружающего мира. И лишь потом, наконец, посмотрел на меня.

– Au revoir, Селена.

Застигнутая врасплох, я выпрямилась, моя голова едва доставала до его плеча.

Его голос обязательно должен быть таким...обволакивающим?

Подавив дрожь, я скрестила руки на груди и заглянула ему в глаза.

— Спасибо вам за всё. Должна признать, было... интересно с вами познакомиться, — я поправила ремешок на плече. — Au revoir, Ремингтон.

Я протянула ему руку, но вместо пожатия он поцеловал тыльную сторону ладони и ушёл. Не оборачиваясь, вышел за дверь и направился к машине.

Боже, какая великолепная задница!

Взяв себя в руки, я схватила свои вещички и направилась к стойке администратора.

Ремингтон Сен-Жермен загадка, о которой лучше забыть. И как можно скорее.

ГЛАВА 6 СЕЛЕНА

В пять вечера, сжимая в руке записку от Ремингтона, я сидела в чёрном «Пежо-508», за рулём которого была Адель. Эндрю нашёл мне номер в шикарном отеле «Катерина» всего в пяти минутах ходьбы от реки Сены. Дела задержали его в Лионе, но Эндрю обещал заскочить в отель, как только вернётся в Париж. Нам с ним нужно многое обсудить по поводу предстоящей работы.

Я бросила взгляд на записку, написанную смелым и уверенным почерком. Стиль письма доказывал, что хозяин предпочитает контролировать всё и вся.

— Наверное, месье Сен-Жермен нуждается в вашей помощи, — заметила я, пытаясь выяснить мотивы, побудившие Ремингтона прислать за мной Адель. Ведь я могла спокойно взять такси, но нет же, мистер Высокий-Мрачный-Красавец был в очень щедром расположении духа.

Адель глянула в зеркало заднего вида и встретилась со мной взглядом, а потом снова сосредоточила внимание на пробке.

– Чаще всего месье Сен-Жермен сам водит машину.

В голове кружился вихрь вопросов, но не очень хотелось из-за своего излишнего любопытства ставить Адель в неловкое положение. Так что, не проронив ни слова, я откинула голову на спинку сиденья и прикрыла глаза, сделав мысленную пометку связаться с Ремингтоном и поблагодарить за столь щедрый жест.

Я ужасно устала после насыщенного дня, заполненного генеральными репетициями перед предстоящим показом нижнего белья, а также встречей с Грейс, владелицей «Красивых изгибов», для обсуждения предстоящей фотосессии и моей программы на ближайшие две недели. Кроме всего прочего, я ещё не совсем привыкла к смене часовых поясов. Плюс голодная как волк, что и не удивительно, ведь кроме круассана с шоколадом и двух латте на завтрак сегодня у меня во рту не было ни крошки.

Адель остановилась возле отеля и дала мне свой номер, попросив звонить в любое время, если меня нужно будет куда-нибудь отвезти, и только после этого уехала. Двое посыльных занялись моим багажом, а я вошла в холл отеля «Катерина». Интерьер был умопомрачительный: полированные стойки, огромные зеркала, медные канделябры, мраморные полы кремового цвета и мебель в стиле барокко. Разве агентство может себе позволить оплачивать такие апартаменты? Серьезно, номера здесь точно стоят не меньше двухсот пятидесяти евро за ночь. Если меня поселили сюда на три месяца, то к тому времени, как я вернусь домой, агентство определённо разорится.

Эндрю придётся подыскать мне какой-то другой отель. Этот слишком дорогой.

— Добро пожаловать в отель «Катерина», мадам Майлз, — поприветствовала меня женщина лет тридцати, напугав своим неожиданным появлением.

Улыбнувшись, я попыталась отбросить чувство вины из-за своего пребывания здесь.

После обмена любезностями я отошла, позволив ей заняться делом. Служащая отеля непрерывно бросала на меня любопытные взгляды, но когда поняла, что я заметила её внимание, быстро отвела глаза.

Неуважение и пренебрежение Джеймса глубоко меня ранили. До своего неудавшегося брака я привыкла к тому, что вслед мне оборачивались как мужчины, так и женщины, и сейчас оценивающие взгляды стали бальзамом для моей раненой гордости.

Меня очень быстро зарегистрировали. Клерк вручил мне ключ-карту и белый конверт, запечатанный красной восковой печатью.

Инициалы на печати говорили сами за себя.

«РСЖ».

Ремингтон Сен-Жермен.

Когда я направилась к лифту, мои руки предательски дрожали.

А в животе запорхали бабочки. Загадочный художник, словно тень, постоянно присутствовал рядом, да ещё и воском запечатывал письма. Вот это шик!

Вслед за посыльным я вышла из лифта на своём этаже и открыла номер четыреста четыре ключом. У меня перехватило дыхание. Шикарные апартаменты с собственным камином, хрустальной люстрой и кроватью с балдахином были выдержаны в бело-красных тонах. Тяжёлые красные бархатные шторы обрамляли французское окно на балкон с чудесным видом на Эйфелеву башню.

Пару секунд я с открытым ртом глазела на всё это великолепие. Бросив сумку на кровать, я в смятении открыла конверт, продолжая рассматривать окружающую обстановку. Мой взгляд остановился на белом туалетном столике в стиле барокко, на котором стояла замысловато гранёная хрустальная ваза с букетом благоухающих белых и красных роз.

Я посмотрела на письмо, которое держала в руке, и увидела знакомый отчетливый почерк.

«Селена.

Добро пожаловать в отель «Катерина». Надеюсь, номер Вам понравился. Если нет, сообщите портье, и он подберёт Вам другой.

Au revoir.

Ремингтон Сен-Жермен».

Так это он всё устроил?

Я тряхнула головой, чтобы избавиться от беспутных мыслей, а потом открыла одну из сумок. Я хотела найти кроссовки, спортивные штаны и футболку. После моей последней ежедневной пробежки прошло два дня. Я уже чувствовала, как мысли роятся в голове. Для меня пробежка - это способ выпустить пар и снять напряжение. Меньше всего я люблю копаться в себе, да и хаотичные размышления в итоге обернутся полной неразберихой. Поэтому я хотела выбраться на свежий воздух и поскорее развеять думы на все четыре стороны.

Захватив плеер, я закрыла за собой дверь номера. Уточнив у портье, где находится ближайшее безопасное место для пробежки, я взяла предложенную им маленькую карту и положила в карман штанов. Надев наушники, я вышла из отеля и вскоре уже медленно бежала по

тротуару, любуясь осенним убранством деревьев и опадающей листвой. Когда я пробегала мимо небольшого ресторанчика, желудок предательски заурчал, напоминая, что сегодня я практически ничего ни ела. Игнорируя жалобные намеки, я ускорила темп, решив в качестве награды заказать себе обильный ужин.

Вернувшись в гостиницу, я позвонила в обслуживание номеров и сделала заказ. Решив по-быстрому ополоснуться, я пошла в ванную, но замерла на пороге. Стены и пол были покрыты блестящей бежевой мраморной плиткой. Во всю длину дальней стены стояло старинное тёмно-красное трюмо с двумя раковинами на приличном расстоянии друг от друга. С одной стороны располагалась душевая, в которой спокойно могли бы поместиться четверо мужиков. Рядом стояла огромная квадратная ванна, в которой смело можно было плескаться втроём, и ещё бы осталось место. Возле неё на трех полках стояли книги и журналы. На стене висела плазма. В потолок было встроено большое окно, в котором виднелось беззвездное небо.

К чёрту люкс, я буду жить в этой комнате.

И прежде чем съеду, обязательно воспользуюсь ванной. Но сейчас первым делом необходимо принять душ и поесть. Скоро должен приехать Эндрю. Через десять минут я в халате вышла из душа и, прикинув разницу во времени между Парижем и Нью-Йорком, попросила портье соединить меня с домашним номером моих родителей.

Несколько секунд на линии слышались помехи, а потом связь нормализовалась. Трубку взяла моя младшая сестрёнка Марли. Боже, как я по ней скучала. Марли - моя лучшая подруга и та, кому я беспредельно доверяю. Родителей дома не оказалось, они поехали в гости к друзьям. Я попросила сестру передать им, что я добралась нормально и постараюсь перезвонить позже. Повесив

трубку, я успела быстренько переодеться, прежде чем доставили мой ужин.

Моя семья очень поддерживала меня во время курса психотерапии и после моего развода всегда была рядом. Я ненавидела собственную слабость и беспомощность. Тем не менее, позже я поняла, что для того, чтобы стать сильной, сначала нужно побыть слабой и научиться бороться со своими демонами. Это оказалось нелегкой задачей, да и помимо всего прочего мне пришлось повышать свою заниженную самооценку. И наконец, почувствовав себя вполне сносно для того, чтобы собрать свою жизнь по кусочкам, я поехала к своему агенту в Нью-Йорк. Хотя прошло уже шесть лет после моего последнего модельного показа, она с радостью помогла мне найти несколько предложений от зарубежных модельных агентств. А когда она упомянула, что в «Красивых изгибах» уволилась ведущая модель, и они ищут замену, чтобы представлять их бренд, я тут же ухватилась за этот шанс. Мне нужно было время и пространство, чтобы разобраться, что мне делать и как жить дальше по возвращении домой. Так что Марли быстренько упаковала мой багаж и отправила сюда.

Я села кушать, а через пятнадцать минут приехал Эндрю. Он притянул меня в свои медвежьи объятия и поцеловал в обе щёки. После чего снял пальто и небрежно бросил его на одно из кресел. Я вернулась к прерванному ужину. Эндрю уселся напротив и вопросительно приподнял брови. Его голубые глаза искрились весельем.

– Что, черт возьми, ты сотворила с Сен-Жерменом?

Моя рука с куриной ножкой замерла у самого рта.

– Ты о чём? Что он тебе сказал?

Эндрю рассмеялся.

– Я знаком с ним уже пять лет. Я видел, как уважительно Сен-Жермен относится к женщинам. И

чтобы осчастливить прелестниц, буквально усыпает дорогу деньгами. Но чтобы выделить одной из них драгоценный номер в своём дорогущем отеле? Не думал, что доживу до этого дня.

ГЛАВА 7

СЕЛЕНА

– Он владелец отеля?!

Эндрю кивнул.

– Проклятье, нет, – аппетит пропал, и я опустила руку, которую держала у рта. – В какие игры он играет? – пробормотала я, вытирая рот и руки мягкой хлопковой салфеткой. По ощущениям даже ткань казалась шикарной.

Эндрю приподнял брови.

– Похоже, не только Ремингтон сражен наповал и страдает от дискомфорта в штанах, – подмигнул он мне.

Я закатила глаза, поставила поднос на стол и шлётнулась на кровать.

– Он всегда такой... напористый и противоречивый?

Эндрю пожал плечами.

– Ремингтон, которого я знаю уже пять лет, обычно всегда спокойный как удав. Сгораю от нетерпения, так хочется узнать, чем всё это кончится.

Я схватила папку со своим планом мероприятий на ближайшие три недели.

– Я не могу здесь остаться. Это чересчур... дорого!

Эндрю отмахнулся от моих тревог.

- Уверен, что Сен-Жермен совсем не против.
- И всё же мне не следует здесь оставаться.
- А что тебе не нравится? – он махнул рукой, как бы охватывая жестом всю комнату. Судя по голосу Эндрю, ему казалось, будто я делаю из муhi слона.

Не то чтобы мне не нравился номер. Больше всего меня беспокоила собственная реакция на Ремингтона, то, насколько сильно он меня волновал. Просто сейчас я совсем не готова с головой окунуться в сердечные дела, а в случае с Сен-Жерменом моё сердце начинало выпрыгивать из груди.

После развода с Джеймсом во время сеансов психотерапии я твёрдо уяснила одно – что бы ни приключилось со мной, это не ставит крест на моей дальнейшей жизни и не влияет на отношения с кем-либо в будущем. И мне стоит всегда ограждать сердце и не бросаться слепо в омут с головой. Поэтому единственное, что я сейчас хотела, так это с кем-то пофлиртовать, сходить на танцы и, возможно, заняться ни к чему не обязывающим сексом. А потом вернуться домой и жить своей жизнью. У меня такое ощущение, что Ремингтон далеко не прекрасный принц и, вероятнее всего, даже представления не имеет, как стать таковым. Он словно волк, загнавший свою добычу на неизведенную территорию.

Перед поездкой во Францию я дала себе обещание, что не буду зацикливаться на своём неудачном замужестве. Какой от этого толк? Даже если я буду паинькой, это не вернёт мне Джеймса. У него уже новая жизнь. Выходит, я пожертвовала своей карьерой ради блудливой скотины.

Глубоко вдохнув, я отогнала прочь воспоминания и сосредоточилась на папке, за которую взялся Эндрю. Разобраться с Ремингтоном я могу и позже.

- Давай пройдёмся по моему графику.

– Я так понимаю, Сен-Жермена мы больше не обсуждаем? – На лице Эндрю расплылась широкая ухмылка.

– Заткнись! – Я бросила в него подушку, угодив в лицо, но Эндрю продолжал надо мной смеяться.

– Селена, ты же можешь оставить прошлое позади и жить дальше. Твой бывший - тупой ублюдок.

Я приподняла одну бровь.

– Я ведь здесь, в Париже, разве нет?

– Туше, моя прелестная подруга. – Подмигнув мне, он глянул в папку. – Готова к завтрашней презентации в лицее «Святой Бернадетты»?

Широко улыбнувшись, я кивнула. Если и было что-то, чего я ждала сильнее предстоящих дефиле, так это возможности пообщаться с подростками, пока нахожусь здесь, во Франции. Как ведущую модель «Красивых изгибов» меня пригласили проводить презентации в кружках и школах, а ещё выступать на различных мероприятиях для рекламной кампании: «Не стесняйтесь своего пышного тела, оно сексуально». Я с радостью согласилась. Когда я выступлю на сцене, это словно служит данью юной Селене, большую часть жизни подвергавшейся травле.

Пока мы с Эндрю обсуждали детали моего расписания, зазвонил телефон. Это был консьерж. Он хотел узнать, не нужно ли мне что-нибудь.

Должно быть, Ремингтон держит своих сотрудников в ежовых рукавицах.

Несмотря на то, что меня обескураживало его великодушие, глупое сердце колотилось в груди от одного сознания, что кто-то за мной приглядывает.

Серьёзное выражение лица Эндрю сменилось самодовольным, словно он догадался о моих мыслях и

чувствах. Я закатила глаза, пытаясь сдержать улыбку. Помимо сестрёнки и Грейс, Эндрю один из самых близких моих друзей. После того как пару лет назад я бросила карьеру модели, то перестала общаться почти со всеми друзьями и знакомыми. Ревность Джеймса не знала границ, и он постоянно твердил, что однажды я его брошу. Иногда я удивлялась, как можно обижать того, кому говоришь, что любишь, и кто был твоим лучшим другом всю жизнь?

Тьфу! Снова я об этом.

Заказав кофе и пирожные в кондитерской отеля, мы продолжили прорабатывать моё расписание. И сделали короткий перерыв, когда парень из обслуживающего персонала принёс наш кофе.

В следующий раз мы отвлеклись, когда на часах было уже восемь вечера. Сквозь открытое окно ворвался прохладный осенний ветерок. Он развернула бумаги в папке и растормошил меня, прогоняя сонливость. Я всё ещё не привыкла к разнице во времени и зевала каждые пять минут. Эндрю бросил папку на стол и встал, а потом вытащил телефон из кармана пиджака и протянул его мне.

– Мой номер уже в списке.

Не переставая зевать, я встала с кровати, забрала у него телефон и поцеловала в щёку, а потом проводила до двери.

– Во сколько ты завтра за мной заедешь?

– Я встречу тебя в «Святой Бернадетт».

Я нахмурилась, но прежде чем успела сказать хоть слово, Эндрю добавил:

– В восемь за тобой заедет водитель Сен-Жермена.

– Но, я думала, мы...

– Он попросил передать, что тебя отвезёт Адель. Кроме того, мне надо будет выполнить несколько поручений перед началом презентации, – уголки губ Эндрю приподнялись, он явно забавлялся происходящим. – Ремингтон просто не знает, как на тебя реагировать, а такое с ним впервые. Но он определённо тебя хочет. Ему просто необходимо пару дней, чтобы собраться с мыслями. Поверь мне, решимость, которую я видел в его глазах... Ну, скажем так, она выглядит весьма пугающе.

Я фыркнула.

– Ну да, конечно. Он хочет меня так же, как получить пулю между глаз.

Эндрю наклонился поцеловать меня в лоб, который горел после сказанных им слов. Я лишь надеялась, что моя кожа не обожжёт приятелю губы.

– Спокойной ночи, Лени.

Да, он выбрал просто отличное слово. Эндрю знал, что я смягчаюсь, когда он называет меня ласковым прозвищем.

Через несколько минут раздался стук в дверь. Это был тот же парень из обслуживающего персонала, который пару часов назад приносил кофе. Теперь он прикатил тележку, на которой стояла бутылка вина.

– В подарок от месье Сен-Жермена. – Он улыбнулся мальчишеской улыбкой, словно знал какой-то грязный секрет.

– Спасибо, – я покосилась на бейджик, – Эрик. И когда месье Сен-Жермен сделал заказ?

– Несколько минут назад. Он передает вам свои наилучшие пожелания, – ответил парень и вручил мне белый конверт, который так же, как и предыдущий, был запечатан красной восковой печатью с инициалами Ремингтона.

Как только Эрик ушел, я подцепила печать ногтем и, покачав головой, аккуратно вскрыла конверт.

«Добрый вечер, Селена.

Надеюсь, роскошное французское вино доставит Вам удовольствие. Адель будет ждать Вас внизу завтра утром в 7:30.

Bonne nuit⁷.

Ремингтон Сен-Жермен».

Положив письмо на стол, я взяла с тележки бутылку красного вина, чтобы прочитать этикетку. «Шато Арман Сен-Жермен», а под названием вина надпись «Только самое лучшее для леди», и чуть ниже затейливо выведена буква «Р».

Да кто, чёрт возьми, такой этот Сен-Жермен? Отец, художник, владелец отеля или, может быть, винодел? Кем ещё он был? Похоже, я его заинтриговала, но не представляю, как и почему я вообще привлекла его внимание.

Цвет вина привел меня в восторг. Я сделала мысленную заметку завтра после презентации расспросить Эндрю о Ремингтоне.

ГЛАВА 8 СЕЛЕНА

Я проснулась в пять утра. После интенсивной тренировки в ультрасовременном тренажерном зале отеля я приняла душ и заказала завтрак в номер. Поев, быстро надела чёрную юбку-карандаш длиной чуть выше колен и

⁷**Bonne nuit** – Спокойный夜里! (фр.)

разгладила рукой мягкую эластичную ткань. Потом надела тёмно-фиолетовую блузку с кружевным воротничком и завязала ленту на поясе. После этого спустилась вниз и вышла из отеля, где меня уже ожидала Адель.

– Мадам Майклз.

– Bonjour⁸, Адель. И, пожалуйста, зовите меня Селена, – я улыбнулась и скользнула на заднее сиденье автомобиля, испытывая облегчение, что за мной приехала Адель, а не какой-нибудь незнакомец.

Покопавшись в сумке, я вытащила письмо, которое написала прошлой ночью.

– Не могли бы вы передать это месье Сен-Жермену?

Адель кивнула, взяла письмо и аккуратно убрала его в карман чёрного пиджака.

Мы приехали в лицей «Святой Бернадетты», расположенный в третьем округе, и в запасе у нас оставалось всего лишь пять минут.

Эндрю топтался возле дверей лицея и болтал с Грейс. Он бросил взгляд в нашу сторону, когда машина остановилась прямо напротив них, и хмурое выражение на его лице сменилось широкой улыбкой.

– Ты едва успела, Лени, – сказал он, спускаясь быстрым шагом вниз по лестнице мне навстречу, когда я открыла дверцу машины.

– Ужасные пробки, – объяснила я и, встав на носочки, поцеловала гладко выбритую щеку.

– Я думал, ты решила больше не пользоваться щедростью Сен-Жермена? – спросил он, приподнимая брови.

– Разве твой друг не настойчивый малый?

– Только когда чего-то очень хочет.

⁸**Bonjour** – Добрый день! (фр.)

– Кто-то упомянул Сен-Жермена? Речь идёт, случайно, не о Ремингтоне Сен-Жермене? – спросила Грейс и заключила меня в крепкие объятия. – Очень рада снова тебя видеть, Селена.

– Боже, а я как рада тебя видеть, Грейс. И, конечно же, снова оказаться в Париже.

Грейс улыбнулась, ярко-голубые глаза, как обычно,искрились весельем.

– Выглядишь хорошо отдохнувшей. А я вчера упоминала, как здорово, что ты опять с нами?

Она взяла меня под руку и подтолкнула нас с Эндрю к дверям лицея.

С улыбкой я кивнула.

– Да, но я не прочь услышать это ещё раз.

Она толкнула меня плечом и рассмеялась.

Несмотря на рост всего в метр семьдесят, Грейс представляла собой значительную фигуру в индустрии моды. Ей так же, как и мне, ничего не досталось на блюдечке с голубой каёмочкой. Она основала свою компанию более десяти лет назад и первые три года работала в Европе. Два года спустя, через своего агента в Нью-Йорке я попала на модельный показ в Милане, где мы с ней впервые и встретились. Позднее, в том же году, мне оказали честь, выбрав лицом компании. Мы с Грейс стали хорошими друзьями и тесно сотрудничали, пока я не бросила всё ради Джеймса. А когда я рассказала Грейс, что планирую вернуться в модельный бизнес, она сразу же предложила мне моё прежнее место. Предыдущую девушку уволили за нарушения принципов «Красивых изгибов»: «Уважай окружающих, уважай свое тело, а самое главное - подбадривай других».

– Значит, Сен-Жермен? Что, этот красивый дьявол быстро действует, да? – спросила Грейс, прерывая мои размышления.

– Ты его знаешь? – спросила я, бросив взгляд в сторону Эндрю, когда у того в руке зазвонил телефон. Он извинился и отошёл в сторону.

Грейс рассмеялась.

– Только то, что он друг Эндрю, и что какая-то газета назвала его «одним из самых сексуальных отцов-одиночек Франции». Не помешает упомянуть, что он очень близок к Микеланджело, когда речь заходит о живописи.

Есть в этом мире хоть что-то, что Ремингтон сделал неправильно? У такого идеального парня должна быть припрятана пара скелетов в шкафу.

– Он проявил огромную щедрость и предоставил мне номер в своём отеле. И своего водителя.

– О, гляньте-ка на неё, подцепила Сексуального Папочку, – посмеиваясь, мы направились к дверям в актовый зал лицея.

Как только я поднялась на подиум, сразу же оказалась в своей стихии.

Настоящая Селена не та, которую всегда обрабатывали в «Фотошопе» для глянцевых журналов, слаживая пышные изгибы, а женщина из плоти и крови с небольшим животиком, который не исчезал, сколько бы она не пропадала в тренажёрном зале. И, если честно, мне это очень нравилось.

– Жила-была девушка. Обычная девчонка, из Нью-Йорка, которая всё детство и юность боролась за место под солнцем и жаждала признания общества. Девочка, сбросившая вес, следя настойчивым рекомендациям школьного тренера по физкультуре, в глупом стремлении похудеть, чтобы открыть для себя мир моды. Девушка, которая регулярно покупала журналы «Вог» и мечтала волшебным образом превратиться в одну из высоких, стройных моделей, украшавших глянцевые снимки. А в итоге осознав, что стать «худышкой» ей не суждено,

приняла себя такой, какая она есть. И после этого начала периодически принимать участие в модельных показах одежды «размера плюс». Стала питаться только здоровой пищей и много времени уделять физическим нагрузкам. И главное – научилась любить свое тело и фигуру, и гордиться тем, что имела. Меня переполняет гордость, потому что той девушкой была я.

Закончив речь, я глубоко вздохнула, учащенный пульс отдавался эхом в ушах. Такое всегда случалось, когда я воскрешала в памяти своё далекое прошлое. Выражение на лицах присутствующих изменилось, но в комнате стояла гробовая тишина. Я уже начала волноваться, что, возможно, сказала что-то не так, но тут с сиденья на заднем ряду поднялся высокий мужчина и зааплодировал. Спустя пару секунд к нему присоединились все присутствующие. Но я могла поклясться, что моё сердце стучало громче аплодисментов.

Ремингтон Сен-Жермен. На его губах играла крошечная улыбка, а зелёные глаза полны одобрения, и будь всё проклято, но я не могла оторвать от него глаз. Моё глупое сердце было готово вырваться из груди и, скатившись с подиума, запрыгнуть к нему на колени.

Что он здесь делает?

Эндрю. Я повернулась в его сторону, но Эндрю лишь пожал плечами и развел руками, словно говоря: «У меня не было выбора».

Я глубоко вздохнула и бросила быстрый взгляд на Ремингтона, отметив, насколько шикарно он выглядел в чёрном пальто и тонком белом пуловере с V-образным вырезом, обтягивающим мускулистую грудь.

Ремингтон стоял там, такой высокий и сексапильный, идеальный образ утонченности. Если бы я не видела, как он хохотал вместе с Эдриеном, то подумала бы, что он практически никогда не смеется.

Я отвела взгляд. Мне пришлось это сделать, иначе не смогла бы собраться с мыслями, которые разбежались в разные стороны.

Повернувшись, я вышла из зала и зашла в одну из классных комнат, которую оборудовали для интервью. Группа девочек уже собралась внутри, ожидая начала. Мне нужно было прийти в себя, прежде чем я снова встречусь с Ремингтоном лицом к лицу.

ГЛАВА 9

СЕЛЕНА

– Если бы я не знал, то решил бы, что ты меня избегаешь, Селена.

От звука его голоса равновесие, обретённое во время беседы с девочками, разлетелось на тысячи осколков.

С резким вздохом я замерла на полу шаге и обернулась, столкнувшись лицом к лицу с Ремингтоном. Он стоял за моей спиной, прислонившись к стене, в позе человека, привыкшего твёрдо стоять на земле. Я подняла голову и обнаружила, что он меня разглядывает. Если Сен-Жермен и заметил, что я пожирала его глазами, то не подал виду.

– Я тебя не избегаю.

Хотя, на самом деле, именно так и было.

С его губ сорвался тихий смешок, такой мрачный и порочный.

– И, тем не менее, это я подстерёг тебя в холле, в десяти метрах от туалетов. Кстати, прекрасное выступление.

– Рада, что тебе понравилось, – улыбнулась я. – И как долго ты тут пробыл?

– Достаточно долго.

Он шагнул ко мне. Я не отступила. По непонятным причинам мне было очень любопытно узнать, что он собирается делать. Ремингтон засунул руку в карман и вытащил письмо, которое утром я отдала Адель.

– Адель передала мне твою записку. Я сделал так, потому что захотел. И мне бы хотелось, чтобы ты жила в этом номере всё время, пока будешь во Франции.

– Это слишком...

– Селена, пожалуйста, – он оказался прямо передо мной меньше, чем за секунду. – Давай не будем из-за этого устраивать спор.

Его взгляд был очень напряжённым, от тела исходил жар, опаляющий меня. Такое простое слово напрочь разрушило моё сопротивление. У меня создалось впечатление, что слово «пожалуйста» было для него большой редкостью. Кроме того, у меня ещё назначено свидание с ванной.

– Хорошо, я останусь. Но только ради ванны, – сказала я, поддразнивая его. Я с удивлением осознала, с какой легкостью подшучиваю над ним, особенно когда Ремингтон вёл себя так приветливо. – Спасибо.

Он рассмеялся. Ничего себе! Уж что-что, а смеяться ему следовало почаще.

– Очень красивая вещица, не правда ли?

Ремингтон протянул руку к моему лицу, но замер в миллиметре от щеки. Он смотрел на меня, будто ожидая одобрения. А я не могла произнести ни слова, пока ждала, как он поступит дальше. Сначала его пальцы скользнули по моей коже, а потом медленно погрузились в волосы, развязывая шарф, которым я их завязала, чтобы не лезли в лицо. Шелковистые локоны рассыпались каскадом по спине и плечам. А на его лице заиграла искренняя и счастливая улыбка, которую я видела вчера, когда он общался с сыном.

- Выпей со мной кофе.
- Ч-что?! – заикаясь, спросила я. Его предложение застало меня врасплох.
- Ты же хотела меня отблагодарить. Выпей со мной кофе.

Ремингтон смотрел на меня как-то по-особому, и если бы сейчас он попросил меня взбежать на Эверест в одном только лифчике, я бы, пожалуй, не раздумывая согласилась.

Да уж, Селена, занесло тебя капитально. Такие мысли до добра не доведут.

Наконец мне удалось отвлечься от его мощной энергии, и я отступила на шаг назад.

- Каким это образом кофе может расцениваться как способ отблагодарить тебя? В этом нет никакого смысла.
- Если, конечно, ты не боишься остаться со мной наедине, – ухмыльнулся он, с вызовом приподнимая бровь.

О, так он в игривом настроении. Эта сторона его натуры была для меня в новинку, но мне она понравилась даже больше, чем следовало.

– Кроме того, я хочу показать тебе, что вовсе не такой придурок, с которым ты познакомилась два дня назад. Давай начнём всё сначала.

– Сначала?! И ты уверен, что это изменит моё мнение о тебе?

Он склонил голову набок.

– Да.

Такой весь самоуверенный, но это почему-то казалось довольно привлекательным.

– Сегодня ночью мы с Эдриеном улетаем в Прованс. И я бы чувствовал себя гораздо спокойнее, если бы знал, что

не оставил о себе плохого впечатления. Конечно, если у тебя нет других намерений.

Я собиралась съездить в город, посмотреть кое-какие достопримечательности или посетить один или парочку музеев. Но мне хватило секунды, чтобы изменить свои планы. Ремингтон раздразнил мое любопытство.

– Хорошо, я выпью с тобой кофе.

В ответ его глаза загорелись, и, несмотря на краткую улыбку, напряжение в плечах заметно ослабло.

– Я подожду тебя снаружи, – он развернулся и ушёл.

Я зашла в туалет, а когда вернулась в холл, Ремингтон тихонько беседовал с Эндрю и высоким грузным мужчиной, которого я никогда раньше не встречала. Ремингтон передал Эндрю какие-то бумаги. Тот нахмурился, а, глянув на содержимое таинственных документов, стал ещё мрачнее. Оторвав взгляд от бумаг, Эндрю что-то сказал Ремингтону и вернул их ему. А потом, словно почувствовав моё присутствие, оглянулся через плечо в мою сторону.

И тут случилось сразу три вещи. Эндрю засунул руки в карманы брюк и откашлялся. Незнакомый мужчина потоптался на месте и, что-то пробормотав, ушёл. Глаза Ремингтона сузились, словно он обдумывал, сколько я успела услышать.

Что за чертовщина здесь творится?

Сделав вид, что ничего не заметила, я разгладила руками юбку и направилась к ним.

Уголок рта Сен-Жермена приподнялся в очаровательной улыбке.

– Эндрю, с твоего позволения?

Ремингтон сложил документы и засунул их во внутренний карман пальто. Но одна маленькая бумажка выскользнула и приземлилась на пол.

– Повеселитесь, детишки, – подмигнув мне, сказал Эндрю и протянул сумочку.

– Признавайся, это ты всё спланировал? – обняв его, пробормотала я ему в ухо. Он слегка отстранился и положил руку на сердце, скривившись так, словно я нанесла смертельную рану. – О, прекрати паясничать. И хватит ломать комедию, Эндрю. Актёр из тебя никудышный.

Он рассмеялся.

Отступив на шаг, я уронила сумочку туда, где валялся крошечный листок.

– Ох, я такая неуклюжая, – смущённо сказала я и наклонилась, подняв сумочку вместе с бумажкой, которую быстро затолкала в боковой карманчик.

– Я подброшу Селену до отеля, – пообещал Ремингтон и взял меня под руку.

С самодовольной улыбкой Эндрю повернулся к приближающейся Грейс. Она беззвучно произнесла: «Позвони мне», и помахала на прощание.

Пока мы спускалась по ступеням, рука Ремингтона легонько сжимала мою руку, направляя к «Ролс-Ройсу Фантому», припаркованному неподалеку. Он дождался, пока я сяду и пристегну ремень, а потом обошёл машину и сел за руль.

Мои пальцы горели от желания прикоснуться к волоскам на его руке. Боже, это выглядит просто потрясающе. Большинство мужчин, которых я знаю, сбивали большую часть растительности на теле, и то, что Ремингтон не избавлялся от своей, доказывало его невероятную сексуальность. Я перевела взгляд на его пальцы, сжимающие руль. Такие длинные, сильные и ухоженные. Я представила, как эти пальцы обхватывают мой подбородок и притягивают для поцелуя. От

промелькнувшей в голове картины мне пришлось посильней сжать бёдра.

Ремингтон привлекал меня. Я не могла этого отрицать. И дело тут не только в его внешности. Меня притягивала его непостижимая загадочная личность. Я хотела узнать, что же им движет.

Хм, возможно, прекрасный принц мне совсем и не нужен.

ГЛАВА 10

СЕЛЕНА

– Хочешь, поедим на воздухе?

– Конечно. – Я огляделась по сторонам, наслаждаясь тёплой осенней погодой. – Я думала, мы собирались выпить кофе.

Подняв руку, Ремингтон посмотрел часы.

– Мы вполне можем съесть ранний ланч, – и кивнул головой в сторону улицы.

Он припарковался неподалеку от отелей «Хаятт» и «Дю Лувр», и мы направились в сторону площади Каррузель.

Именно в этот момент желудок предательски заурчал, выдав тем самым, насколько я голодна. Щёки залил густой румянец, и я схватилась за живот, когда справа раздался мрачный смешок.

– Пойдём, – позвал Сен-Жермен, указывая на небольшой ресторан слева от нас.

Мой спутник вёл себя вежливо и держал руки при себе. Создавалось впечатление, что он не желает ко мне прикасаться, как делал раньше, когда мы покидали «Святую Бернадетту».

Через двадцать минут мы шли по дорожке в саду Тюильри. В руках Ремингтон нёс наш упакованный обед. Пока мы брели к свободной скамейке возле фонтана, под нашими ногами шелестела красно-оранжевая листва. Сегодня такой прекрасный день, и я была рада, что Ремингтон предложил поесть на свежем воздухе. И если честно, пока не уверена, что готова находиться с ним в тесном помещении.

Сен-Жермен отдал мне пакет с едой, а сам направился к знаменитому восьмиугольному фонтану, возле которого стояли стулья, и вернулся с тремя. После этого забрал у меня пакет и разложил тарелки на одном стуле, а я стояла позади него и наслаждалась видом того, как он сервировал наш ланч.

– Ну, и как я пока справляюсь? – спросил Ремингтон, как только мы сели.

Наклонившись вперед, он облокотился локтями о колени.

– Хмм, давай-ка посмотрим. Я сижу в одном из самых красивых мест в мире, и ты меня угощаешь. Пока всё идет отлично. Ты заработал положительные очки, – я улыбнулась и положила кусочек курицы гриль в рот, а потом попробовала немного запечённых овощей. – Пока ты меня кормишь, мы точно будем друзьями.

Ремингтон рассмеялся, его взгляд задержался на моих губах дольше, чем следовало, и только после этого он посмотрел на еду.

– А вот это, Селена, я обязательно запомню.

И вот снова. То, как он произносит моё имя. Эта интонация на последних слогах. Его колено коснулось моего, и, несмотря на слои одежды, разделяющие нас, по моей коже пробежала дрожь. Она спустилась вниз живота и обосновалась между бёдер страстным томлением. В Ремингтоне было что-то опьяняющее и волнующее. Всего

от одного его взгляда или прикосновения я уже чувствовала желание. Если задуматься, то в моей жизни очень давно не было заигрываний и кокетства. Мы с Джеймсом были вместе ещё со школы, и ни с кем, кроме него, я больше никогда не встречалась. Я не учла этот факт, когда решила окунуться в мир беззаботного флирта.

Желудок свело, и я поёрзала на стуле. А что, если я ляпну что-нибудь не то? С другой стороны, я взрослая одинокая женщина, у которой целую вечность не было секса, и которая теперь хочет хорошенько развлечься. Я перестала себя накручивать и приступила к трапезе.

В основном мы ели молча, но иногда нарушали тишину, задавая друг другу различные вопросы. Я поделилась, как весело проводила время в Париже, будучи моделью. Мы говорили об Эдриене, удачно избегая всего, связанного с матерью малыша.

Сен-Жермен рассказал, что его сын ходит в детский садик здесь, в Париже, и в Провансе, всё зависит от того, где в данный момент он живет. И что, как минимум, одну неделю в месяц Эдриен обязательно проводит с бабушкой.

Я наблюдала за Ремингтоном, очарованная тем, насколько смягчалось его лицо всякий раз, когда речь заходила о малыше.

– Эндрю сказал, что ты художник. Кто же тебя вдохновляет?

От этих слов в глубине его глаз вспыхнул огонек. Сделав глоток вина, Ремингтон поставил пластиковый стаканчик обратно на стул.

– Караваджо.

По-видимому, у меня на лице было написано полное недоумение, потому что Ремингтон вытащил из кармана телефон и, нажав на экране несколько кнопок, передал его мне. И продолжил говорить, ни на миг не отрывая от меня взгляда, заставив тем самым почувствовать себя в центре

внимания. В какой-то момент я окончательно забыла, где нахожусь.

Боже, этот мужчина такой милый и сногсшибательно красивый, особенно сейчас, с расслабленными чертами лица.

Я вернула телефон и отвела взгляд, вдруг нахлынуло чувство, будто он может заглянуть и увидеть, что твориться у меня в глубине души. Как так вышло, что моя защита начала рушиться, и от одной мысли об очаровательном сынишке Ремингтона сердце болезненно заныло в груди. Неожиданно на меня обрушилась боль утраты, которую я давно не ощущала. Месяцы терапии не помогли ни уменьшить, ни притупить её. Фактически, она всегда была рядом, кипела и клубилась под поверхностью, ожидая удобного момента, чтобы вырваться на свободу. И бац!

Часто моргая, я отложила пластиковые столовые приборы на бумажную тарелку. Схватив стакан с вином, я сделала несколько больших глотков с надеждой, что это поможет стереть боль, скручивающую внутренности.

– Селена?

Я не могла поднять голову. Боже милостивый, просто не могла. А если бы решилась, то уж точно бы разрыдалась.

Ох! Как же я ненавидела подобные моменты. Резкие перепады настроения у меня случались крайне редко, но всё же иногда накатывали.

Сильные пальцы обхватили мой подбородок и нежно приподняли. На меня глядели яркие зелёные глаза, потемневшие от волнения. То, с какой легкостью он предугадывал любые изменения моего настроения, было весьма пугающе.

– Я слишком быстро выпила вино, – со смехом объяснила я, аккуратно смахнув слезы с уголков глаз.

– Значит, вино, да? – он недоверчиво склонил голову набок, и от его изучающего взгляда мне захотелось куда-нибудь спрятаться.

Неподалеку что-то завибрировало, и, желая отвлечься, я потянулась к сумочке, но Ремингтон убрал руку с моего подбородка и вытащил из кармана брюк свой телефон.

– Мама.

Пока он слушал, выражение его лица слегка смягчилось. Разговор то и дело пересkакивал с английского на французский и обратно. Ремингтон выглядел таким счастливым, иногда посмеиваясь над тем, что говорила ему мать.

– Я сейчас обедаю. Давай перезвоню позже, когда вернусь домой? – Он откинулся на спинку стула и встретился со мной взглядом. – Да, мама, с женщиной. Её зовут Селена, – секундная заминка... – Да... Нет, ты не можешь с ней поговорить... Да, не вовремя. – Он закатил глаза, и неожиданно стал казаться таким молодым, беспечным и полным жизни.

Через несколько минут Сен-Жермен повесил трубку и убрал телефон в карман. А потом взъерошил волосы, и его рука замерла на затылке.

– Мамочка замучила вопросами? – подразнила я.

Он усмехнулся.

– Она уже некоторое время уговаривает меня с кем-нибудь сойтись. И всякий раз, когда слышит, что я обедаю с женщиной, воображение у неё начинает работать во всю. Она прямо спит и видит, как я надеваю кольцо на пальчик своей избранницы.

Я рассмеялась. Передо мной предстал совсем не тот Ремингтон, с которым я встретилась вначале. Этот мужчина больше напоминал того, о ком рассказывал мне Эндрю.

– Ты вообще ни с кем не встречаешься? – А где же мать Эдриена? Я сдержалась и не стала спрашивать об этом вслух. Мы так хорошо проводили время, и мне не хотелось портить настроение подобными вопросами.

Вдруг на его лице промелькнула тень, но прежде чем я смогла понять, что это, всё исчезло.

– Время от времени. Ну что, пойдём? – он сменил тему. Потом встал, собрал тарелки и выбросил их в ближайшую урну, а после этого закупорил бутылку с вином и протянул мне руку. Я сидела и глазела на раскрытую ладонь до тех пор, пока Ремингтон не приподнял вопросительно одну бровь. Возможно, это был вызов.

Я собиралась прикоснуться к нему. На самом деле дотронуться до него.

Пульс барабанной дробью отдавался в ушах. Я схватила свою сумочку и потянулась к нему. Когда наши руки соприкоснулись, я прикрыла глаза, наслаждаясь контактом кожи к коже. Он крепко сжал мою ладонь, и я почувствовала себя в полной безопасности. Глупо, конечно, но это правда.

Как только я встала, Ремингтон нежно сжал мою руку, а потом отпустил. Мне хотелось, чтобы он снова взял меня за руку и не отпускал, но я не решалась сделать первый шаг.

– Так мать Эдриена где-то поблизости? – Не удержавшись, наконец, спросила я.

– Нет, – ледяным тоном ответил он, остужая мой пыл. – Она умерла.

Я замерла на полу шаге и, повернувшись, посмотрела ему в глаза.

– О боже, прости.

Он какое-то время изучал моё лицо, а потом покачал головой и горько рассмеялся.

– Не стоит извиняться.

Вот чёрт! Мне не нравилось, что именно из-за меня он так помрачнел.

Мы молча шли назад к машине, я нервно покусывала губу, а Ремингтон размышлял о чём-то.

– Я снова потерял несколько очков, да? – спросил он, нарушая тишину.

Я покачала головой.

– Боюсь, это я потеряла свои. Спасибо за ланч. И я очень сожалею, что спросила тебя о ней.

Отмахнувшись от моих слов, Ремингтон засунул руки в карманы.

Впереди я заметила лавку со сладостями, и мне вдруг нестерпимо захотелось чего-то вкусненького. Надеюсь, смогу найти там что-нибудь лакомство.

– Ты не мог бы немного подождать? Мне нужно кое-что купить.

Он кивнул, и я оставила его стоять в тени дерева.

Я заказала сладкую вату и отошла в сторонку, ожидая заказ. А потом вспомнила о крохотной бумажке, которую подобрала с пола в лицее. Вытащив клочок, я нахмурилась, увидев вырезанную из газеты букву «К».

Что за чертовщина? И что означает эта буква?

Я обернулась и посмотрела на Ремингтона, а потом убрала листочек обратно в сумку. Эндрю и тот крупный мужчина выглядели взволнованными, а заметив меня, вообще прекратили разговор.

– Нашла то, что хотела? – прямо возле моего уха раздался сексуальный голос Ремингтона, ворвавшись в мои мысли. Щетина слегка царапнула по коже, когда он заглянул мне через плечо.

Я кивнула и указала на сладкую вату, которую наматывали в огромный шар.

– Сладкая вата – решение всех проблем.

Я забрала у продавца лакомство и расплатилась за покупку. А потом оторвала кусочек и положила себе в рот. Глаза Ремингтона проследили за моими пальцами, как только вата исчезла у меня во рту.

Он отвел взгляд от моих губ и рассмеялся.

– Это касается и мировых проблем тоже?

– Особенно мировых. Если бы кто-нибудь выделил время и меня послушал, мир мог бы стать гораздо лучше, – я улыбнулась и, оторвав кусочек, протянула Ремингтону угощение. – Хочешь немножко?

И не успела убрать руку, как его губы, тёплые и влажные, сомкнулись на моих пальцах. Он облизывал их языком, а в потемневших глазах блестел лукавый огонек.

О господи!

– Вкусно? – поинтересовалась я хриплым голосом, когда он освободил из восхитительной темницы мои пальцы.

– Пища богов, – Ремингтон облизнул губы, не отрывая взгляда от моего рта. Сейчас его лицо находилось гораздо ближе, чем раньше. Я могла разглядеть каждую золотую крапинку в его глазах.

Я машинально наклонила голову к нему. Мы собирались поцеловаться? Не слишком ли рано для этого? Господи! Почему вечно я во всём сомневаюсь? Почему продолжаю раздумывать, когда знайный парень выглядит так, словно готов проглотить меня целиком?

Мысленно я отвесила себе подзатыльник, когда он немного отстранился, изучая меня. Я опустила взгляд на его подбородок, пытаясь собраться с мыслями. Я была так поглощена им, что чуть не пропустила то, что скрывалось за этой сексапильной щетиной.

– Это что...ямочка? – мой палец неожиданно оказался прямо на ней.

Я заметила, что рядом с Ремингтоном совершаю необдуманные поступки. И прежде чем я успела одернуть руку, он схватил её и поднёс ко рту.

Снова.

– Если одна маленькая ямочка сводит тебя с ума, то тебе стоит увидеть вторую, – и он повернул голову.

Господи, кажется, я только что кончила.

Сен-Жермен кружил языком вокруг моего пальца и нежно покусывал зубами подушечку. Я застонала и попыталась вырвать руку, прежде чем поставлю себя в неловкое положение перед всеми этими людьми, которые наводнили кондитерскую.

Сердце бешено колотилось в груди, и я задыхалась. А он всего лишь показал мне свои ямочки и пососал палец.

Вот чёрт! Кажется, я конкретно влипла.

– А ты очень опасный мужчина, Ремингтон Сен-Жермен.

Он рассмеялся, и мир снова обрел краски и вернулся на круги своя.

– Разве это плохо?

– Нет, – ответила я. В голове мелькнула мысль: как, должно быть, замечательно хоть разок в жизни рискнуть. И наплевать на то, что думают окружающие. – Очень даже хорошо.

Пока мы шли к машине, нас словно магнитом тянуло друг к другу. Даже плечи и пальцы случайно соприкасались на ходу.

В отеле он остановился перед лифтом.

– Ну что, сегодня я заработал максимальное количество очков?

Я покачала головой, наслаждаясь искорками в его глазах.

– Почти. Могу я спросить тебя кое о чём? Только обещай сказать мне правду.

– Всё, что угодно. Я всегда буду стараться говорить тебе только правду.

– Мне показалось, что ты очень удивился, увидев меня в первый раз.

Выражение его лица стало замкнутым.

– Это вопрос или утверждение?

– Думаю, и то, и другое.

– Да. Ты напомнила мне кое-кого из прошлого.

Из прошлого? Кого? Подружку? Жену?

– А теперь? – спросила я. – Что изменилось?

– Я понял, что вы разные, как день и ночь. В тебе много света и доброты. Да любая другая девушка на твоём месте давно бы послала меня куда подальше, если бы я обращался с ней так же, как с тобой. Но ты... ты меня просто поражаешь.

– А вы, сэр, хорошо влияете на мою самооценку, – я рассмеялась, но его лицо оставалось невероятно серьёзным.

– Я искренне сожалею, что вёл себя так с тобой, Селена. Ты меня простишь?

Я кивнула, размышляя о том, что же на самом деле случилось с матерью Эдриена. И почему лишь от одного моего вопроса хорошее настроение Ремингтона вдруг куда-то улетучилось. Он стал отчужденным и равнодушным.

Естественным, словно дыхание, движением его пальцы обхватили меня за затылок, притягивая ближе. Мой рот

приоткрылся. Я предвкушала поцелуй, но он всего лишь поцеловал меня в обе щеки.

– Bonne nuit, Селена, – прошептал он возле моего уха, после чего развернулся и быстро ушёл.

– Спокойной ночи, Ремингтон, – пробормотала я, потирая пальцами местечко, где только что были его губы.

ГЛАВА 11

СЕЛЕНА

В следующие несколько дней не происходило ничего особенного. После нашего ланча в парке я Ремингтона не видела и ничего о нём не слышала. Тем не менее, он сделал так, что я постоянно ощущала его незримое присутствие. Сен-Жермен выполнил своё обещание и заранее позаботился о том, чтобы меня хорошо кормили. Только вчера кто-то из персонала принес мне огромный пакет со сладкой ватой и уже привычное письмо, запечатанное красной восковой печатью. В некоторой степени я по нему скучала, хотя немного бессмысленно тосковать о том, с кем едва знаком.

Следующий пункт в моём расписании - фотосессия нижнего белья, а до тех пор я была свободна как ветер. Мой агент в Нью-Йорке составила расписание так, чтобы у меня оставалось немного свободного времени. Я очень сильно скучала по матери, отцу и сестре, но всё ещё совершенно не готова была вернуться домой. А чтобы в голове окончательно прояснилось, мне стоило развеяться и побывать какое-то время вдали от дома. Пожить, прежде чем вступлю в новую жизненную фазу. Я скопила уже предостаточно денег для открытия собственного бизнеса по дизайну нижнего белья «размера плюс». Но это будет потом, а пока я в Париже.

Эндрю был занят планированием предстоящих мероприятий, а Грейс по работе уехала в Германию. Так что по утрам я занималась в тренажерном зале, прогуливалась по городу или бегала, а еще иногда позволяла себе понежиться в СПА-салоне отеля. Откровенно говоря, я уже очень давно не чувствовала себя такой беззаботной и изнеженной.

В один из вечеров я решила сходить в клуб «Арена 31», который мне посоветовал Эрик, тот самый парень из обслуживающего персонала. Ни за что на свете я не собиралась оставаться в гостинице, когда за её стенами Париж искрился жизнью. Поэтому, когда Эндрю позвонил узнать, как у меня дела, мы поболтали немного и договорились встретиться в клубе.

Подбирая наряд, я хотела выглядеть элегантно, но кокетливо. Поэтому выбрала чёрное платье без рукавов с коротким широким подолом и золотым кружевом на лифе. А также надела чулки и золотистые туфли на каблуках. А чтобы защититься от вечерней прохлады, сверху накинула плащ длиной до колена. Зажав под мышкой золотистый клатч, я вышла из номера. Адель по-прежнему была в моем распоряжении, но сегодня мне хотелось чего-то другого, поэтому я просто вызвала такси. Двадцать минут спустя я стояла у входа в клуб напротив высокого, знакомого голубоглазого мужчины в костюме.

– Эрик?

На его губах расположилась ленивая улыбка.

– Мадам Майклз.

Он раскинул руки, словно собирался меня обнять, потом, словно опомнившись, протянул одну для пожатия. Парень был слишком взволнован.

Я сморщила нос.

– Ты видел меня в... эээ... пижаме и с засохшей слюной в уголках рта. После такого, думаю, будет вполне уместно называть меня Селена, – сказала я.

Он покраснел, очевидно, вспомнив, как два дня назад в десять часов доставил в мой номер ужин, оплаченный моим Сексуальным Рыцарем, облачённым в непроницаемую броню. Такое чувство, будто Ремингтон не спускает с меня глаз и следит, чтобы я всегда была накормлена. Тем вечером я задремала в шесть, но прежде чем провалиться в сон, решила чуть позже позвонить в обслуживание номеров. Меня разбудил стук в дверь. Испуганно подскочив, я бросилась открывать, даже не задумавшись о том, как выгляжу. И слишком поздно поняла, что одна сторона неглиже сдвинулась, обнажая грудь. С тех пор мы осторожно обходили тот эпизод стороной.

– Так, значит, ты подрабатываешь вышибалой? – спросила я и, нахмурившись, окинула взглядом вход и окрестности. Мимо меня профилировала женщина в высоких сапогах и коротком кожаном платье, едва прикрывавшем задницу. Следом шла компания ребят, тоже в довольно откровенных нарядах. Я что, слишком принарядилась?

Эрик кивнул и, судя по широкой ухмылке, почувствовал мое смущение.

– Сегодня «Пятница Фантазий». Все одеваются в наряды из своих фантазий, в то, что не подходит для общественных мест.

– Ясно. – По-видимому, все местные тусовщики мечтают выставить напоказ как можно больше голой кожи.

Мой телефон зазвонил. Это был Эндрю, он хотел узнать, где я. Помахав Эрику, я лёгкой походкой направилась внутрь, стараясь не задеть снующие повсюду обнажённые участки тел. Но план с треском провалился. Пока я добралась до столика, где со своей женой Мари сидел

Эндрю, толпа успела потолкаться и потереться об меня. Мало того, я умудрилась прикоснуться к незнакомцам там, где совершенно не хотела.

– Значит, вас тоже не предупредили? – спросила я, после того как обняла Эндрю и Мари.

На нём были брюки строгого покроя и белая рубашка, а на ней – милое коротенькое белое кружевное платье.

– Я здесь впервые. Но теперь мы точно знаем, что надеть в следующий раз, не так ли, красавица? – он притянул Мари к себе и быстро завладел её губами в глубоком поцелуе. Даже после почти восьми лет брака и рождения трех детей они вели себя так же, как при нашей первой встрече.

– Блин, это же ночь фантазий, когда народ наряжается, кто во что горазд. Я не хочу даже думать, что это ваша прелюдия в духе поцелую-её-так-как-хочу-трахнуть-ночью, – смеясь, сказала я.

Голубки немного отстранились друг от друга.

– Не стоит подавать ему таких идей, Селена, – ответила Мари со смешком, прижимаясь поближе к мужу.

В груди сдавило от того, как легко им вместе. Как сильно они влюблены. Не поймите меня неправильно, если кто и заслуживает счастья, так это Эндрю. У него было просто паршивое детство. Он переезжал из дома в дом, и ни одна из семей не хотела его усыновить. Родители Эндрю погибли в автомобильной катастрофе, а из-за того, что они не общались со своими родителями, никто не захотел взять на себя заботу о мальчике. В конце концов, одна пара забрала его к себе и подарила всю любовь, которую он заслуживал. А также обеспечила медицинский уход, в котором на тот момент так нуждался Эндрю.

В душе зашевелилась зависть, и я ничего не могла с этим поделать.

Мы с Мари заказали вино, а Эндрю - пиво, а потом пили и болтали, наблюдая за полуобнаженной толпой. Одна быстрая мелодия сменяла другую. Я не очень сильна во всех этих выкрутасах, которые выделявали на танцполе, поэтому просто медленно покачивалась, пока не заметила, как ко мне приближается Эрик с улыбкой на лице. Он был довольно привлекательным с этими своими тёмно-русыми волосами и сексуальными льдисто-голубыми глазами.

– Ты нравишься мальчику, – сказал Эндрю, прижав бутылку к губам и пристально глядя из-под ресниц.

Я закатила глаза.

– Да я ему в матери гожусь.

Неужели я действительно нравлюсь Эрику? Я заметила, как его глаза задержались на моей груди, но вполне возможно, что это потому, что тогда он увидел больше, чем следовало.

Боже правый, я тогда чуть не ослепила парня.

– Да он у тебя на крючке, Селена, – поддержала мужа Мари. – Хватай мальчишку, пока его не увела другая девчонка. Между вами всего лет шесть разницы. Это не так уж плохо.

– Вы оба чокнутые, – рассмеялась я. Как только мелодия сменилась на более медленную и обольстительную, я встала и начала покачиваться в её ритме. Потом схватила друзей за руки и потащила на танцпол.

– Давайте, пошли веселиться.

Мы с Мари танцевали вокруг Эндрю, пока не закончилась песня. Когда началась следующая, Эндрю схватил жену в охапку, а меня подтолкнул в объятия проходящего мимо Эрика. И парень оказался замечательным танцором.

– Тебя не уволят?

– Оно того стоит, – улыбаясь, прошептал он мне в шею.

Неужели я и впрямь стою такой жертвы?

– Ладно, одна песня, и ты возвращаешься к работе. Не хочу, чтобы у тебя были неприятности. – Он посмотрел на меня взглядом щенка, которого пнули по ребрам. Твою ж мать! – Ты ведь вышибала, – напомнила я, пытаясь найти тему для разговора, пока мы подстраивались под движения друг друга.

– **Oui**⁹. Преимущества этой работы просто удивительны.

Господи, он высокий и такой милый, особенно, когда вот так улыбается. Когда-нибудь какой-то женщине с ним очень повезёт.

– Преимущества, правда? – я приподняла бровь. – Ты планируешь всегда работать в отеле? Мне кажется, что твоя стихия - музыка.

– Мне нравится общаться с людьми, а работа в отеле «Катерина» предоставляет мне такую возможность. Я прошёл боевую подготовку, чтобы вступить в Вооруженные силы, но, к сожалению, из-за травмы мне пришлось уйти. Я вернулся в университет на курс гостиничного менеджмента, а всё остальное уже история. Сейчас по ночам я работаю в клубах и знакомлюсь там с красивыми женщинами, – он одарил меня кривой улыбкой, выразительно пошевелив бровями.

Я рассмеялась, когда Эрик меня закружил. Его руки сомкнулись на моей талии, а потом скользнули вниз по ногам. Ахнув, я обернулась, чтобы посмотреть ему в лицо, но, не удержав равновесие, оступилась, а когда выпрямилась, оказалась в руках Ремингтона.

– **Bonsoir**¹⁰, Селена.

– Ремингтон?

⁹**Oui** – Да. (фр.)

¹⁰**Bonsoir** – Добрый вечер! (фр.)

Сердце учащённо забилось. Не поверив собственным глазам, я пару раз моргнула, чтобы удостовериться, что обнимавший меня бог реален.

Я скучала по нему. В какой-то мере. Я снова задумалась, логично ли скучать по человеку, которого знаешь всего пару дней.

– Что ты здесь делаешь? Где Эрик?

Он притянул мою спину вплотную к своей груди и прижался щекой к моей щеке. Его руки обхватили меня, будто стальные канаты. Он держал меня так, словно не хотел отпускать.

– У тебя с ним свидание?

Боже, его голос разил наповал.

– Нет, он посоветовал мне прийти в этот клуб. Как ты узнал, что я здесь?

Не то, чтобы я имела что-то против.

Ремингтон неожиданно развернул меня лицом к себе, его объятия дарили уют и безопасность. Надёжность. Твёрдую уверенность и непоколебимость. И когда он притянул меня ближе, моя грудь плотно прижалась к его сильной, мускулистой груди, а его руки машинально легли на мои бёдра, словно там им самое место.

– Эндрю сказал. Но ты уже и так об этом догадалась. Мне нужен твой номер телефона, а то надоело постоянно угрозами выпытывать у Эндрю, где тебе найти. Ты по мне скучала?

С улыбкой я уткнулась лицом в его плечо.

– А ты?

Ремингтон вздохнул.

– Да. Скучал. У меня не получается подолгу держаться от тебя на расстоянии.

Сен-Жермен ещё крепче прижал меня к себе. Ладонь с бедра поползла вверх, скользя по моей руке, пока он не добрался до моих пальцев, переплетая их со своими. Вторая рука также покинула моё бедро и скользнула на поясницу, притягивая туда, где под брюками явственно чувствовалась твёрдая выпуклость. Задрожав, я прижалась ближе, наслаждаясь ощущением его рук на моём теле, наверное, гораздо больше, чем следовало. Вокруг нас продолжала греметь музыка. Я придвигнулась ещё на миллиметр и вдохнула его едва ощутимый аромат мяты и лёгкими нотками леса.

Не зная, что делать со свободной рукой, я обхватила Ремингтона за шею и зарылась пальцами в мягкие, шелковистые волосы на затылке. Чем дольше мы танцевали, тем теснее он прижимал меня к себе, пока между нашими телами нельзя было просунуть даже лист бумаги. Я почувствовала, как рука на пояснице несколько раз сжалась, а потом обхватила меня ещё крепче.

– Mon Dieu, твоя попка. Я хочу играть грязно. Укусить, лизнуть и снова укусить.

Я хихикнула, чувствуя себя счастливой, свободной и опьянённой его присутствием.

– Что случилось с задумчивым Ремингтоном?

– Задумчивый? – повторил он мои слова и отстранился, окинув меня взглядом, его губы слегка подрагивали. – Ничего подобного. Сколько ты выпила?

– Один или два бокала вина. О да, тебе нет равных по части задумчивости, – ответила я, пожимая плечами. Я не привыкла много пить, особенно на вечеринках с большим скоплением народа. Слишком боялась, что кто-то может подсыпать мне в напиток какой-нибудь наркотик и изнасиловать. Или же я сама утрачу контроль над происходящим.

Ремингтон притянул меня ближе. Я почувствовала, как эрекция сильнее вжалась мне в живот. Меня накрыло безудержное чувство эйфории от того, что я произвожу на него такой эффект. Он что, только что стал ещё больше?

– Расскажи, что ещё ты собираешься сделать с моей попкой.

Склонив голову набок, Ремингтон посмотрел на меня, прищурив глаза.

– Вместо того чтобы описывать, я лучше покажу.

Он не сводил с меня глаз. Пожирал ненасытным взглядом. Отчего моё дыхание стало прерывистым и хаотичным. Я растворилась в его прикосновениях. Потерялась в этих зелёных омутах. Среди множества людей вокруг для меня в эту минуту он был единственным. Мы стояли так близко друг к другу, что я чувствовала, как неистово бьётся его сердце или, возможно, это моё. Но, мама дорогая! Ремингтон Сен-Жермен был таким невероятно сильным, сексуальным и обворожительным, что аж дух захватывало. Он действовал на меня как мой личный наркотик.

– Поужинай со мной, – пробормотал он мне на ушко.

Я не ответила ему сразу же. Не могла. Мой разум всё ещё пытался собраться и перегруппироваться. Я бесцельно блуждала взглядом по помещению, битком набитому кружящихся телами. Ремингтон не давил на меня, словно чувствовал моё нежелание отвечать. Просто прижимал к себе, покачиваясь со мной в такт музыки, больше ни чем не тревожа мой покой, позволив окончательно собраться с мыслями.

– Да, я поужинаю с тобой, – наконец выдохнула я.

Огляделась, я вдруг заметила мужчину, стоявшего недалеко от нас. Холодным беспощадным взглядом он окинул зал, а потом снова посмотрел туда, где стояли мы с Ремингтоном. Незнакомец надел тёмные солнцезащитные

очки и, развернувшись, ушёл. Хм, он показался мне до боли знакомым.

– Ремингтон, кто вон тот мужчина?

Руки, обнимавшие меня, неожиданно напряглись.

– Какой мужчина?

– Там. Клянусь, я уже не раз видела его за последние несколько дней.

– Вероятно, это один из охранников клуба.

Я фыркнула. Ведь чувствовала, как от моего вопроса он весь напрягся. К тому же существовало таинственное письмо и крошечный клочок бумаги, который я подобрала с пола. Мне нужна ясная голова, чтобы всё это обдумать.

Когда закончилась песня, я потянулась к уху Ремингтона и сказала, что мне нужен перерыв. Каблуки просто убивали, и ноги очень нуждались в отдыхе. Как только я скользнула на своё место за столиком, Сен-Жермен последовал за мной. Но, несмотря на то, что во время танца мы чуть ли не терлись друг о друга, сейчас он держал дистанцию и сел на приличном расстоянии от меня. А потом положил мои ноги себе на колени и снял туфли.

Боже, его прикосновения столь же прекрасны и возбуждающи, как и сам мужчина.

Массируя мои ноги, он позвал проходившего мимо официанта. На этот раз я попросила воды, а он заказал себе пиво. Ремингтон здесь, а учитывая мою реакцию на него, мне хотелось думать трезво. На танцполе я была смелой и шокирующей кокетливой, но сейчас боялась того, что могу натворить, если напьюсь.

Следующие два часа мы провели, болтая и смеясь вместе с Эндрю и Мари, а ещё периодически танцевали, меняясь партнерами. Чем дольше я наблюдала за ним, особенно, когда он танцевал с Мари или, казалось, был

погружен в глубокие раздумья, тем сильнее он мне нравился. Всякий раз, когда Ремингтон брал Мари за руку и вёл на танцпол, мне хотелось вернуть его обратно ко мне. Конечно, они всего лишь друзья, и я прекрасно осознаю, что Ремингтон Сен-Жермен мне на самом деле не принадлежит. Так какое право я имею ревновать?

Но меня это не останавливало.

После того как мы попрощались с Эндрю и Мари, Ремингтон отвёз меня обратно в отель и так же, как в прошлый раз, довёл до лифта и остановился.

— Я заеду за тобой завтра в семь. Надень что-нибудь, подчёркивающее эти великолепные изгибы, и уложи волосы так же, как и сейчас. Они мне нравятся, — он наклонился вперёд и провёл большим пальцем по моим губам. А потом склонился ко мне и, едва касаясь губами уха, прошептал: — Чертовски сильно нравятся.

Я почувствовала, как от этого по позвоночнику пробежала дрожь.

Ох! Этот мужчина собирается уничтожить меня своими словами и низким обольстительным голосом. Он невероятно очаровательный и столь же пугающе задумчивый.

— Хорошо, — ответ слетел с моих губ ещё до того, как до меня дошёл смысл слов. — Кажется, удовлетворить вас будет и в моих интересах, сэр.

С его лица напрочь испарились веселье. И на какую-то долю секунды я решила, что ляпнула что-то не то, пока не заметила, как потемнели его глаза под пушистыми и длинными ресницами. Его взгляд упал на мои губы и какое-то время он не отрывал от них взгляд.

Ремингтон сделал глубокий вдох. Казалось, будто ему потребовалась вся энергия, чтобы втянуть воздух в легкие.

— До завтра, Селена, — он провёл костяшками пальцев по моему подбородку вверх, едва касаясь губ кончиками

пальцев и оставляя на коже жаркую дорожку. Всё, что я могла, это просто стоять, как загипнотизированная, и смотреть в его глаза. Наслаждаясь лёгкой дрожью его пальцев. – У меня непреодолимая потребность узнать, каково это – целовать тебя.

И прежде чем я успела сказать: «Заткнись и поцелуй меня», Ремингтон отстранился и на пару секунд закрыл глаза. А когда открыл их, они по-прежнему пылали голodom. Он тряхнул головой, словно пытаясь прояснить мысли, а потом развернулся и ушёл. А я осталась и любовалась прекрасным видом упругой задницы, которую столь выгодно подчёркивали чёрные брюки. Неожиданно я поняла, что испытываю к ней слабость. Да и как я могу сопротивляться, когда она так и кричит: «Укуси меня и отшлёпай!»

Я чувствую непреодолимую потребность делать с твоим ртом и задницей всевозможные вещи, Ремингтон Сен-Жермен. Такие вещи, часть из которых, вероятно, запрещена в некоторых странах.

Покачав головой, я улыбнулась, когда в моей голове начала зарождаться одна идея, и когда я зашла в свой номер, она расцвела во что-то ужасно волнующее.

Теперь завтра для меня вряд ли наступит слишком быстро.

ГЛАВА 12

СЕЛЕНА

Если бы пару дней назад кто-нибудь сказал мне, что я пойду на свидание с Ремингтоном Сен-Жерменом, я бы решила, что он спятил. И, тем не менее, вот она я – стою и раздумываю над тем, что бы надеть.

Выйдя из душа, я вытерла полотенцем волосы и направилась к кровати, на которой аккуратно были разложены вещи. Надев белые шёлковые бесшовные трусики с кружевами на талии, лифчик в тон и такие же чулки на подвязках, я уселась за туалетный столик у окна и принялась за макияж.

Ровно в семь в мою дверь постучал Ремингтон. Если в джинсах, свитере крупной вязки и спортивной куртке он выглядел сексуально, то в смокинге просто разил наповал. Но все грязные мыслишки вылетели у меня из головы, как только взгляд скользнул вверх.

Что-то было не так. Его грудь часто вздымалась и опадала, словно каждый вздох давался ему с трудом. Лоб покрыт испариной. Лицо лишено всяких красок. Пальцы дрожали. Мне показалось, что Ремингтон напуган.

– Привет, – сказала я, отступив в сторону и позволяя ему зайти в комнату.

Даже не успев подумать, я машинально коснулась рукой его лба. Ремингтон прижался тесней к моей ладони и прикрыл глаза.

Температуры нет. Я опустила руку, а он распахнул глаза, и я ясно увидела царящую там панику. Что его так потрясло? Боже, это вызвало у меня нешупточное беспокойство. На какую-то долю секунды я подумала, будто Ремингтон Сен-Жермен страдает раздвоением личности. Неужели Эндрю забыл меня об этом предупредить?

– Проходи и посиди немного, – я взяла его за руку, когда увидела, что он даже не подумал пойти за мной следом.

А когда я подвела Ремингтона к креслу, он сел и, упершись локтями в колени, закрыл лицо руками. Отвернувшись, я пошла принести ему бутылку воды.

Как только живительная влага оказалась в его руках, он выпил залпом больше половины. И лишь после этого сел

нормально, а к побледневшему лицу стали возвращаться краски.

Не зная, что сказать и сделать, я присела в кресло рядом с ним и стала ждать. Интересно, ужин всё ещё в силе? Или лучше всё отменить?

– Еще никто и никогда так настойчиво не приглашал меня на ужин, – я бросила на него взгляд.

Ремингтон посмотрел на меня. В невероятных глазах не было ни тени страха. Несколько долгих минут, показавшихся мне вечностью, он пристально изучал меня с бесстрастным выражением лица. Потом усмехнулся, а еще секунду спустя рассмеялся. Лучше этого смеха я никогда не слышала. Тем более этот рот – самый восхитительный на свете.

– Я пришел к тебе и повёл себя как какой-то чокнутый, а ты берёшь и просто превращаешь это в шутку?!

С улыбкой я пожала плечами.

– У меня чёрный пояс по karate. Я надеру тебе задницу раньше, чем ты даже успеешь ко мне прикоснуться.

Он моргнул.

– Серьёзно?

Я рассмеялась.

– Нет, конечно. Но мне всегда было интересно, что почувствуешь, когда произнесешь эти слова с беззаботным видом.

– Ну, и какие ощущения?

– Просто чудесные. Словно я и впрямь могу надрать кому-нибудь задницу.

– Боже, да ты же и правда маленькое сокровище, – сказал он, перестав смеяться.

– Не уверена, что «маленькая» – подходящее для меня описание. А вот насчет «сокровище» полностью согласна, –

ухмыльнулась я, наслаждаясь тем, как от веселья искрятся его глаза.

– Ты смелая и потрясающая, – он взял мои руки в свои, потирая большими пальцами запястья. – Меня ужасно пугают маленькие замкнутые пространства.

Ничего себе! Этот мужчина такой многогранный. И, кажется, я только начинаю узнавать все эти новые стороны.

Ремингтон рассказал о своей фобии столь небрежно, словно это ничего не значащая ерунда. Но лёгкая дрожь его тела говорила об обратном.

Стремясь успокоить и утешить, я легонько сжала его руку.

Встав с кресла, он помог мне подняться, и только тогда понял, что я уже полностью одета. Его взгляд медленно скользнул по моему телу, изучая каждую мельчайшую деталь. А потом Ремингтон вновь посмотрел мне в лицо и сглотнул. С трудом.

– Нас впереди ещё ждет ужин, *ma belle*, – он выпустил мои руки.

Я удивлённо приподняла брови.

– С чего вдруг ты называешь меня своей красавицей?

Этот человек полон сюрпризов.

– Потому что, во-первых, сегодня вечером ты моя, а во-вторых, ты действительно красивая, – он оглядел комнату, словно что-то искал. – Ты их обуешь? – Сен-Жермен кивнул в сторону туфлей от Лабутена на шпильках с красной подошвой, которые стояли под туалетным столиком.

Я кивнула и уже развернулась, собираясь пойти за обувью, но Ремингтон схватил меня за запястье.

– Садись, – мягко приказал он. Властно?

Я села в кресло, наслаждаясь видом чёрных брюк, так выгодно обтягивающих бёдра, когда Ремингтон пересёк комнату. Вернувшись с туфлями, он опустился передо мной на колени.

Я замерла, эмоции в груди бушевали, словно торнадо, грозящее в любую секунду вырваться на волю. Кожу начало покалывать, когда Ремингтон склонил голову.

Господи, как же хорошо он пахнет! Сильные длинные пальцы обернулись вокруг моей щиколотки, и я зажмурилась от удовольствия. Стыла и горела, пока легкое дыхание ласкало мне кожу. И вдруг все прекратилось. Я открыла глаза и увидела, как он облизывает нижнюю губу. И улыбается.

Он же только, что поцеловал мою ногу! Откуда такое вожделение?

Ремингтон поднялся на ноги и отошел как ни в чем не бывало. Словно его мир никак не изменился, а мой мир вращался вокруг одно, но безмерно горячего поцелуя.

– Нам пора идти, пока заказ не отменили.

У Ремингтона Сен-Жермена очень красивые губы, которые так и хочется целовать до потери сознания. Такие... желанные. Я отбросила все похотливые мысли и встала, одернув тёмно-лиловое платье и разгладив ладонями ткань на заднице. А потом подошла к кровати, взяла чёрный клатч, серёжки и колье.

Я кожей чувствовала обжигающий взгляд и широко улыбнулась, зная, что Ремингтон не видит моего лица. Так и знала, что платье с глубоким вырезом на спине свое дело сделает. Как всегда.

ГЛАВА 13

СЕЛЕНА

Мы уже подошли к лифтам, когда Ремингтон замешкался и украдкой бросил взгляд вправо на дверь к лестничной площадке. Засунув руки в карманы брюк, он посмотрел на меня, а потом перевёл взгляд на крошечное электронное табло с бегущими вверх красными цифрами.

Что могло нанести такой непоправимый вред, что его настолько пугает сама мысль зайти в лифт?

– Мы можем спуститься по лестнице.

Его лицо стремительно бледнело.

– Нет, – Ремингтон посмотрел на мою обувь. Закатив глаза, я наклонилась, сняла туфли и взяла их в руки.

Нахмутившись, Ремингтон отобрал у меня обувь, присел на корточки и с упрямым выражением на красивом лице вновь одел её мне на ноги. В конце коридора открылась дверь, и из номера, хихикая и целуясь, вышла молодая парочка. На нас они не обращали никакого внимания. И в этот момент приехал лифт.

– Поедете на следующем, – заявил Ремингтон безапелляционным тоном, потом схватил меня за руку и затащил в отделанную бархатом кабину.

Отпустив руку, он повернулся ко мне спиной и прижался лбом к стенке лифта. С каждой секундой его дыхание становилось всё более прерывистым.

Господи, у него началась гипервентиляция, и, вероятно, прямо у моих ног он свалится в обморок.

– Почему ты такой упрямый? – пробормотала я. Бросив на пол клатч, я втиснулась между Ремингтоном и стенкой лифта.

Подняв голову, он медленно приоткрыл глаза и посмотрел на меня в замешательстве.

– Обними меня.

Без колебаний Сен-Жермен притянул меня к себе. Я начала поглаживать его по спине, иногда пропуская

сквозь пальцы мягкие шелковистые волосы на затылке. Господи, какие же они приятные на ощупь. А его запах... Так, наверное, пахнет в раю. Куда бы моя рука не скользнула, везде одни твердые мышцы. Я не совсем была уверена, что делаю, но это, кажется, помогало. Ремингтон опустил голову мне на плечо и уткнулся носом в шею. Затруднённое дыхание медленно выровнялось, и хватка рук на моей талии ослабла.

Через несколько секунд, звякнув, открылись двери лифта. Ремингтон отстранился и посмотрел на меня так, словно видел впервые.

– Спасибо, – опустив руки, он наклонился, поднял мой клатч и вышел из лифта.

– Не за что, обращайся в любое время, – тихо ответила я и пошла следом за ним.

На его лице вспыхнула улыбка.

– Я ведь могу принять твоё предложение. Откуда ты знала, что нужно делать?

– Я не знала. Если честно, просто хотела, чтобы тебе стало легче.

Он отвёл взгляд, когда кто-то окликнул его по имени.

– Подожди секундочку, сейчас вернусь, – Ремингтон подошёл к стойке администратора, по-хозяйски зажав мою сумочку под мышкой, словно клатч мог куда-то сбежать.

Через несколько минут он вернулся и, положив руку мне на поясницу, вывел через двери отеля «Катерина» к «Ролс-Ройс Фантому», припаркованному у входа.

В ресторане за столиком мы сидели друг напротив друга. И с каждым словом, произнесённым Ремингтоном, вечер из увлекательного всё больше превращался в

волшебный. Или может всему виной вино, которое я беззаботно потягивала, позволив Ремингтону Сен-Жермену очаровать меня своим акцентом. Боже милостивый! Он – это будоражащая кровь смесь идеального британского и совершенного французского. Это самое сексуальное, что я когда-либо слышала.

Ремингтон засыпал меня вопросами о моей семье и работе. Неожиданно я поняла, что отвечаю без колебаний. С ним было так легко болтать. Не могу объяснить, почему меня к нему так сильно тянет.

– Выходит, ты собираешься открыть собственную дизайнерскую линию нижнего белья? – спросил Ремингтон, задумчиво водя пальцем по кромке бокала.

Я кивнула.

– У меня степень бакалавра по изобразительным искусствам. Но сразу не было стартового капитала, поэтому, увидев объявление о наборе моделей «размера плюс», я сразу же ухватилась за этот шанс. Сейчас я планирую проработать моделью весь следующий год или чуть дольше, а потом уже открою свою линию.

– Как по мне, отличный план, – мне показалось, что в его глазах засветилось восхищение. – Уже есть какие-нибудь готовые эскизы?

Я опять кивнула.

– Обычно я всегда ношу с собой блокнот на случай, если меня посетит вдохновение. А как насчёт тебя? Я заметила на винной этикетке твою фамилию. За этим кроется какая-нибудь история?

– Да.

Ремингтон откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на меня.

– И что за история?

– Хмм, если расскажу, то перестану казаться тебе таким загадочным.

Я рассмеялась.

– Это прозвучало так самовлюблённо.

Он приподнял бровь.

– Мои уста запечатаны.

Улыбаясь, я покачала головой.

– Ладно. Так когда ты понял, что хочешь стать художником?

– Сколько себя помню, я всегда об этом знал. А мама поддерживала мои стремления и раз за разом покупала мне холсты и кисти. – Мы неотрывно смотрели друг на друга, пока я первой не отвела взгляд, смущившись миллиона вопросов, так явно читавшихся в его глазах.

Между нами повисла напряжённая тишина, изредка прерываемая отголосками разговоров других посетителей и звоном столовых приборов. Наконец Ремингтон наклонился вперёд, обхватил мои ладони своими и принял их рассматривать.

– У тебя красивые руки, – он сделал мне комплимент, полностью проигнорировав то, что ногти сейчас обломаны по краям. Каждый раз, когда речь заходила о доме, а Ремингтон засыпал меня кучей вопросов, я так жутко волновалась, что в итоге страдали ногти. После этого вечера мне точно придётся заняться маникюром. – Расскажи мне о своём бывшем муже.

Я резко выдохнула и попыталась вырвать руки, но его хватка оказалась очень крепкой, а глаза были переполнены состраданием. Поэтому я сдалась. Если хочу справиться с пережитой болью и отвращением, то рано или поздно мне придется столкнуться с прошлым лицом к лицу.

– Его зовут Джеймс. И я его знаю почти всю свою жизнь. Мы ходили в одну школу, и он был моим первым парнем. В семнадцать Джеймс сделал мне предложение. И вполне логично, что я вышла за него замуж, – с улыбкой я вспомнила, с каким нетерпением Джеймс сидел перед моим отцом, пытаясь достойно показать себя и правильно попросить моей руки. Что ж, ему удалось впечатлить отца.

– Я его любила. Сейчас мы в разводе уже почти два года, – я ждала боли, которая обычно появлялась от этих слов, но в этот раз не почувствовала ничего.

Совершенно ничего! Значит ли это, что я наконец-то свободна?!

От этой мысли я улыбнулась.

– Тебе стоит почаще улыбаться, – заметил Ремингтон, и его взгляд в сотый раз за этот вечер задержался на моих губах.

Да поцелуй же меня, чёрт подери!

Мы снова замолчали, но в этот раз тишина дарила комфорт. Сколько ни старалась, я не могла вспомнить, когда рядом с Джеймсом чувствовала такой покой, и это несмотря на все прожитые вместе года. Комфорт, когда без лишних слов понимаешь друг друга с полувзгляда. По крайней мере, мне так показалось.

– Не хочу, чтобы ты решил, будто я мечтательница, или что мои слова звучат как избитое клише, но как ты считаешь, всё в жизни происходит не без причины? Люди ведь не просто так встречаются? – спросила я, запинаясь на каждом слове.

Нас тянуло друг к другу, но это не повод говорить о том, что может быть неверно истолковано, словно я отчаянно пытаюсь убедить его в своей правоте.

Ремингтон задумчиво изучал меня этими невероятными зелёными глазами, а потом поднёс мою руку к губам и

поцеловал ладонь. От этого у меня перехватило дыхание, и закружились голова.

– Мне кажется, что люди никогда не появляются в нашей жизни без какой-либо причины. Мы могли бы встретиться пять лет назад или два года, но это случилось именно сейчас. Возможно, это некий знак свыше – принять всё плохое, что с нами произошло, и научиться ценить то хорошее, что к нам грядёт. Не знаю, Селена, – он накрыл мою руку второй ладонью. – Я не верю в сказки. Хотя у меня такое чувство, будто я знаю тебя целую вечность.

Я сглотнула, заметив, каким взглядом смотрит на меня Ремингтон.

– Вот это да!

С улыбкой он положил мою ладонь на стол и откинулся на спинку стула.

– У меня талант шокировать людей и заставлять их замолчать, – он улыбнулся. – Итак, по поводу твоего имени. Знаешь, я размышлял о нём. Селена – это ведь французское имя? – спросил Ремингтон, слегка нахмурившись.

– Моя мать француженка. Отец родом с Ямайки. Они познакомились в кулинарной школе здесь, в Париже, влюбились, а потом переехали жить в Соединённые Штаты. Это случилось лет тридцать назад. Вот как-то так, – я пожала плечами.

– Тебе идёт это имя.

Я снова, как дурочка, улыбнулась. И делала это весь вечер. Этот мужчина замечательно влияет на мою самооценку.

Наклонившись вперед, я наслаждалась тем, как его взгляд скользнул вниз по моему платью. Спереди у него был сложный покрой. Когда я наклонялась, декольте

слегка распахивалось, являя лишь намёк на обнажённую кожу, но ничего чересчур откровенного.

– А я слышала, что ты самый сексуальный отец-одиночка Франции.

Казалось, ему ой как непросто оторвать взгляд от моей груди.

– Знаешь, а мне правда очень интересно узнать, что ты думаешь по этому поводу.

Я вопросительно приподняла бровь.

– Тебя действительно это интересует? Почему?

Его лицо посерёзнело, из глаз ушла вся игриость.

– Не знаю. Но, думаю, это важно.

Хмм. Еще один факт, подтверждающий, что Ремингтон далеко не идеал. И это очень мило.

– Уверена, ты замечательный отец. Но что касается сексуальности, пожалуй, пока воздержусь от окончательного вердикта.

Он расхохотался.

– Разве я уже не доказал свою сексуальность?

О, давно доказал, и даже с лихвой.

– Может, тебе следует стараться получше. – Мы дружно засмеялись. Я откинулась на спинку стула, пожирая его глазами и обдумывая свой следующий шаг. Боже, я чувствовала себя такой смелой и привлекательной. Мне хотелось рискнуть. – Знаешь, мы уже столько времени болтаем, а я всё ещё не знаю, сколько тебе лет.

– А это имеет какое-то значение? Это совсем не важно, пока мы наслаждаемся компанией друг друга, разве нет?

Мне не хотелось портить вечер, поэтому я лишь пожала плечами, но потом, не удержавшись, поддразнила:

– Просто хотела убедиться, что не нарушаю какой-либо закон или что-то подобное.

Ремингтон рассмеялся.

– Мне тридцать три. А тебе двадцать шесть.

Закатив глаза, я улыбнулась. Похоже, Эндрю не удержался и разболтал ему всё обо мне.

Потягивая вино, я изучала своего визави.

– Что случилось в лифте?

Вот чёрт! Я не это хотела сказать.

Он напрягся, от явного недовольства его губы сжались в тонкую линию.

– В одиннадцать лет я приезжал навестить отца в его офисе в Лондоне и застрял в лифте. Прошёл почти час, прежде чем меня оттуда вытащили. Как оказалось, отец посчитал нужным меня наказать и приказал подчинённым ничего не предпринимать без его распоряжения, – губы Ремингтона скривились, как мне показалось, от ненависти. – Что ж, за непослушание он преподал мне отличный урок. После того случая я больше никогда к нему не приезжал.

Матерь божья, какая жестокость. Неудивительно, что в лифте с ним такое творится.

Настроение изменилось, и во всем виновата я. Мне не следовало спрашивать об этом. И теперь я отчаянно хотела вернуть назад беззаботного Ремингтона.

– У меня к тебе предложение, – выпалила я первое, что пришло в голову. – Назовем это соглашением.

Он удивлённо приподнял бровь и поудобнее устроился на своём стуле. В глазах сверкнуло любопытство.

– Соглашение, – повторил он, проведя указательным пальцем по нижней губе. Ох, держите меня семеро! – Ну, давай послушаем.

Я облизнула губы, пытаясь собраться с мыслями, но каждый раз, когда Ремингтон смотрел на меня так, сделать это было очень непросто.

Где змей-искуситель, когда он так нужен? И словно услышав мой призыв, на плече появился чертёнок, и ангелу меня не удержать. Я моментально почувствовала себя смелой.

– Уехав из Нью-Йорка, я дала себе обещание, что если чего-нибудь захочу, то не буду сдерживаться. И в течение этих трех месяцев, которые я проведу здесь, мне хотелось окунуться с головой в новые приключения и... – Ремингтон продолжал неотрывно смотреть на меня. – Я хочу сказать что...

– Заведя интрижку с другим мужчиной, ты хочешь забыть бывшего мужа? – спросил он. Без осуждения, укора или даже любопытства.

Я покачала головой.

– Нет, не поэтому.

Менеджер ресторана, который время от времени проверял, не нужно ли нам чего-нибудь, появился у нашего стола, сложив перед собой руки. Он посмотрел на меня с лёгкой улыбкой, а потом, сосредоточив внимание на Ремингтоне, спросил, подавать ли десерт. В потоке французских слов я потеряла нить их разговора. Спустя пару минут менеджер ушел с довольным видом.

– Так почему, Селена? Зачем тебе это нужно? – Ремингтон посмотрел на меня непроницаемым взглядом. И я не могла понять, он и вправду злится на мои слова или проверяет, насколько я серьёзна.

За весёлым разговором последние несколько часов пролетели незаметно, и с каждым мгновением у меня росла решимость спросить его. Раньше сама мысль о Ремингтоне как моей французской интрижке заставила бы меня бежать в противоположную сторону, но, как оказалось, Сен-Жермен не настолько плох, как мне показалось вначале.

– Потому что хочу чего-нибудь для себя. Я устала всецело отдавать себя, и теперь хочу получать желаемое, не только отдавая, но и получая взамен.

Ну, вот. Я сказала это.

Ремингтон наклонился вперёд и, прикусив нижнюю губу, посмотрел на меня из-под ресниц.

– А что если одного флирта мне недостаточно?

Сердце заколотилось в груди, но я тоже наклонилась, повторив движения Ремингтона. Его глаза слегка расширились, а губы немного изогнулись. По-видимому, мой смелый поступок его удивил. Как это замечательно, хоть раз в жизни быть ответственной за что-то столь восхитительное. Распутное и такое невероятно приятное.

– И чего же ты хочешь?

– Секса. Горячего, грязного, бурного. – Он вопросительно приподнял одну бровь. В открытом вызове.

ГЛАВА 14

СЕЛЕНА

Жар опалил щёки, а в животе словно кружили миллионы бабочек.

– Что-то ещё? – спросила я его.

Мама дорогая! Я это сделала!

– Я буду прикасаться к тебе, когда и где захочу. – Пальцы, вздрогнув, сквали скатерть, словно Ремингтон едва поборол желание немедленно выполнить сказанное.

– Договорились.

Супер! Да здравствует новая я!

Один уголок его губ изогнулся в слабой усмешке.

– Селена, каждый раз, когда я начинаю думать, что раскусил тебя, ты выкидываешь очередной фокус.

– Я так понимаю, ты согласен на мою сделку? – я вопросительно приподняла бровь. Так чертовски весело бросать ему вызов.

Откинув голову, Сен-Жермен расхохотался, а потом протянул ко мне эти сильные руки художника и прикоснулся к вискам, отбрасывая волосы с лица.

– Да.

– Хорошо, – я изучала его лицо, задержавшись на покрытом щетиной подбородке.

К нашему столику подошел официант и поставил перед нами две тарелки с эклерами и кофе, но Ремингтон продолжал неотрывно смотреть на меня. Я поняла, что он становится очень настойчивым, если наметит какую-то цель.

Нуждаясь в передышке от этого пронзительного взгляда, я схватила со стола вилку с ножом и жадно накинулась на десерт.

– Боже, мне так нравится, что ты ешь с таким наслаждением, – заявил Ремингтон, потягивая кофе и наблюдая за мной поверх чашки. А потом поставил её обратно на блюдце и принялся за своё пирожное. Меня никогда так сильно не заводил вид мужчины, слизывающего шоколадный крем с ложечки.

– Я не ограничиваю себя в еде.

Под полным восхищения взглядом я быстро слопала десерт. Покончив со своим лакомством, Ремингтон отодвинул тарелку в сторону, а потом встал и без особых усилий поставил свой стул рядом с моим. И сел так, чтобы наши колени соприкасались.

«Остынь!» - самое подходящее слово, Селена.

С трудом сглотнув, я наблюдала, как мужчина слегка наклоняется вперед. Он провёл пальцем по моей шее, задержавшись там, где жемчужное ожерелье соприкасалось с кожей. А потом намотал нитку жемчуга на палец и легонько потянул. Придвинувшись ещё ближе, Ремингтон смотрел так, словно впитывал каждую чёрточку моего лица. Он склонил голову набок.

– У меня к тебе есть встречное предложение.

– И почему я не удивлена?

Он поднял глаза и посмотрел на меня.

– Я хочу тебя написать.

Я попыталась отстраниться, но крепкая хватка на ожерелье не позволила мне этого.

– Написать меня?! Почему ты этого хочешь?

Он приблизился ещё на пару сантиметров, и мои губы обдало его тёплым дыханием.

– Всё очень просто, ты чувственная и красивая. И ты гордишься своей фигурой. Это так сексуально и просто захватывает дух.

Боже, он думал об этом всерьёз?

Я прикусила нижнюю губу, одновременно чувствуя легкую нервозность и любопытство. Я привыкла находиться в центре внимания фотографа, но в каком-то смысле рисование будет более интимно. Каково находиться в центре его внимания? Я заметила, насколько сосредоточенным Ремингтон был во время ужина, но мне кажется, в живописи во сто крат всё усугубится.

Я кивнула и, не в силах больше сдерживаться, сделала именно то, что безумно хотела с той самой минуты, как мы сели за столик друг напротив друга. Провела губами по его губам. Рука, сжимавшая ожерелье, расслабилась. Ремингтон прижал мозолистую подушечку большого

пальца к моей верхней губе, обхватив ладонью подбородок.

— Я так понимаю, твой ответ «да»? — спросил он, и низкий тембр голоса послал волну жара между бёдер.

Разве?!

Жизнь не всегда предоставляет второй шанс. Мы постоянно твердим себе, что нуждаемся в передышке. И стремимся к размеренной и монотонной жизни. Чёртовой скуке. А мне хочется безрассудного флирта, крышесносящего, горячего, грязного, бурногоекса. Да и остальных всевозможных безумств. Я до одури желала как мрачного, так и беззаботного Ремингтона Сен-Жермена.

Кивнув, я затаила дыхание от мысли, что этот великолепный мужчина своими красивыми сильными руками увековечит меня на холсте. И будет прикасаться к моей шее, груди, бёдрам.

Боже!

Я посильнее сжала бёдра, судорожно выдохнув от возникшего в голове образа.

Он меня хочет. Меня, Селену. Девушку, с детства страдающую от избыточного веса, лицо модельного дома «Красивы изгибы», ту, что по крохам отвоёвывала своё место под солнцем. И именно я сейчас всецело нахожусь в центре его внимания.

Сдерживаясь, Ремингтон медленно выдохнул, потом повернулся и пробежался взглядом по ресторану. А найдя то, что искал, отрывисто кивнул. В считанные секунды перед нами появился тот самый официант, который обслуживал нас в течение всего вечера. Они очень тихо поговорили на французском. Я едва могла их расслышать. А потом официант ушёл, даже не взглянув на меня. Ремингтон вновь сосредоточился на мне, обжигающий взгляд блуждал по моему платью.

Что он задумал? Ну, помимо этого ненасытного взгляда, скользящего по мне, словно он собирается с наслаждением меня съесть, как поступил перед этим со своим десертом.

Несколько минут спустя вернулся официант и, вручив Ремингтону связку ключей, снова ушёл.

Когда Сен-Жермен встал, мышцы под белой рубашкой напряглись. Ремингтон наклонился, и его губы оказались рядом с моим ухом, язык скользнул по мочке, а потом он прикусил её зубами. Моё тело сжалось как пружина, и я едва не подпрыгнула от этого прикосновения.

– Вставай, ma belle.

– Куда мы идем?

– В комнаты отдыха.

– Что?! Подожди, зачем? – прошептала я, пульс эхом отдавался в ушах, а жар растекался по всему телу. Остатки здравого рассудка, которые ещё оставались после нашего пикантного разговора за ужином, напрочь испарились от вида озорства и намёка на вызов в его глазах.

– Для тебя это три месяца разгула, наслаждений и всевозможных утех. Для меня – возможность прикасаться к тебе и рисовать. В любое время. Когда и где захочу, – брови медленно приподнялись в лёгком вызове, к которому я уже начала привыкать. – Согласись, звучит как сделка, которую стоит скрепить тет-а-тет, разве нет?

– Мы можем сделать это здесь, – я махнула рукой.

Рядом с ним наедине я себе совершенно не доверяла. Весь вечер мне приходилось сопротивляться странному неуёмному желанию прижаться к его телу. А если вспомнить, что у меня очень давно никого не было, то я волновалась о том, что могу к чертям сорвать с него смокинг и проделать всякие грязные штучки. Хотя, учитывая то, как он смотрел на меня весь вечер, уверена, что Ремингтон не будет ни капли возражать.

– Предпочитаю сделать это с глазу на глаз. Ты же не боишься маленького поцелоя? Или я ошибаюсь?

Я расправила плечи и выпрямилась. Все мысли о том, что я себе не доверяю, развеялись как дым.

Боюсь?!

– Где комнаты?

Ремингтон улыбнулся, и на секунду мне стало интересно, во что я, собственно, впуталась.

– Третий этаж. Chambre trois¹¹. Лифт прямо по коридору, – подбородком, покрытым щетиной, он махнул в нужном направлении.

– Встретимся там через две минуты, – произнесла я.

Боюсь? Чёрта с два!

– Селена, не заставляй меня ждать, – порочно улыбнувшись, он развернулся и беззаботной походкой направился прочь. Его шаги были размытыми, уверенными и целенаправленными.

И тут меня осенило, что Ремингтону удаётся заставить меня делать то, на что я никогда раньше бы не решилась. Словно он может прочитать мои мысли, увидеть страхи и тайные желания. И без сомнения точно знает, когда, а главное, как бросить мне вызов.

Старая «я» начала бы возиться с клатчем, изводя себя сомнениями, насколько безопасно встречаться с Ремингтоном в уединённой комнате. Новая «я» смаковала безрассудность ситуации, а затем сотворить с ним на людях что-то скандальное казалась такой чуждой и интригующей, как и сам мужчина. Кроме всего прочего, та порочная улыбка затронула все нужные струны, вынуждая вскочить со своего стула и последовать за ним. В предвкушении и желании я ускорила шаг.

¹¹**Chambre trois** – Комната три (фр.)

ГЛАВА 15

СЕЛЕНА

Я стояла в коридоре с красной ковровой дорожкой и, глядя на золотистую табличку с номером три, пыталась утихомирить учащённое дыхание. Тело находилось в противоречии с разумом. Я хотела того, что ждало меня внутри, но боялась этого.

Там всего лишь Ремингтон.

Вот именно! Мужчина, чьё настроение меняется подобно ветру, и по каким-то причинам я хотела узнать, что же им движет. Или причина в том, что моё тело всегда оживает рядом с ним.

«Не заставляй меня ждать, Селена».

Мысленно повторяя эти слова, я быстро оглянулась, а потом повернула ручку и слегка приоткрыла дверь.

– Ремингтон? – позвала я, затаив дыхание.

– Входи, Селена.

Переступив порог, я осмотрела комнату, освещённую тремя подвесными люстрами, равномерно развешанными на потолке. Овальный стол с шестью стульями возле panoramicного окна. За раздвинутыми шторами мерцают тысячи звёзд и пустынная тёмная ночная улица. Посреди комнаты бильярдный стол, а в дальнем углу стеклянный шкаф, вероятно, заполненный напитками. Белоснежные стены украшала лишь одна картина. Обычная комната для посетителей ресторана. Скорей всего, для мужчин, которые хотели в уединённой обстановке задержаться подольше.

Наконец обернувшись, я посмотрела на Сен-Жермена и с трудом сглотнула. Он стоял в дальнем конце комнаты. Высокий, сильный, широкоплечий. Подбородок вздёрнут, а руки сложены за спиной. Игравый и весёлый Ремингтон

бесследно исчез. Вместо него появился мужчина, излучающий мощную сексуальность и власть, который господствовал в этой немаленькой комнате. На долю секунды я в нерешительности замерла и крепче сжала дверную ручку. Нас разделяло огромное пространство комнаты, но мы не сводили друг с друга глаз.

О чём он думает?

Ремингтон опустил руки и неторопливыми шагами двинулся ко мне. Он неотрывно смотрел на меня слегка прищуренными потемневшими глазами. Облизнув неожиданно пересохшие губы, я сглотнула подкативший к горлу нервный ком. Не в силах даже пошевелиться, я замерла в ожидании. Дыхание стало поверхностным, и меня накрыла томительная слабость.

Боже, я уже сгораю от бесстыдного желания, а Ремингтон ко мне ещё даже не прикоснулся.

Он остановился возле меня, наклонился и прижался своей щекой к моей. А потом накрыл руку, лежавшую на дверной ручке и, толкнув дверь, запер её ключом. В тишине комнаты щелчок замка казался оглушительным, и я испуганно вздрогнула. Отобрав у меня клатч, Ремингтон швырнул его на маленький столик справа от нас. Его рука скользнула вниз по обнажённой коже моей спины, пальцы зарылись в волосы и легонько потянули их.

Ремингтон провёл кончиком носа по моей скуле и глубоко вдохнул.

– Ты меня боишься? – спросил он низким хриплым голосом.

Мама дорогая!

– Ты довольно напорист.

– Тебе не нравится напористость? – он слегка отстранился, заглянув мне в глаза.

– В моей жизни её просто не было, – ответила я, задыхаясь и млея. Конечно же, всё это подобно сладкой пытке.

– Тогда привыкай. Для меня это единственная известная манера поведения. А я очень хочу, чтобы тебе со мной было комфортно.

В следующую секунду он приник губами к моей шее. На секунду я вообще перестала дышать и замерла в ожидании. Ремингтон выпустил мою руку, скользнул пальцами по моему бедру и слегка сжал задницу. Тихий стон вырвался из его груди. Выдохнув, я прикрыла глаза, голова шла кругом.

Боже, только Ремингтон Сен-Жермен на меня так действовал.

– Я мечтал это сделать ещё с той минуты, когда увидел тебя обнажённой в своей комнате, – пробормотал он, и я почувствовала, как губы, касаясь моей кожи, изогнулись в улыбке.

Я распахнула глаза.

– Правда? – Ремингтон кивнул, не отрывая губ от моей шеи, в то время как его рука медленно двигалась под платьем. Большим пальцем он рисовал круги на моём бедре, затянутом в чулок. – А мне тем вечером показалось, что мой вид тебя ни капли не впечатлил.

– Наоборот, почти сразил наповал. Впервые за долгое время мои голова, тело и член были в полном согласии друг с другом. Если бы я тогда не ушёл, то швырнул бы тебя на кровать и трахнул. Жёстко. Чтобы остыть, мне пришлось принять два холодных душа, и это после нескольких неудачных попыток самоудовлетворить себя.

– А меня тогда совершенно не порадовало твоё поведение. И даже если бы ты попытался ко мне прикоснуться, я бы тебя покалечила.

– Я хочу за это извиниться.

Без предупреждения Ремингтон обхватил меня рукой под колени и поднял на руки, а потом направился к овальному столу. Я ахнула, шокированная его невероятной силой. Скользнув руками по спине, я вцепилась в его плечи и прижалась теснее.

Сейчас я была под огромным впечатлением. Передо мной мужчина, способный нести меня на руках, не боясь при этом надорваться. Не могу припомнить никого, способного с такой легкой беззаботностью поднять меня, словно я весила не больше пушинки. Ремингтон всецело завладел моим вниманием.

Опустив меня на гладкую поверхность стола, Сен-Жермен раздвинул мои ноги и втиснулся между ними. Сжав руками бёдра, он потянул меня на себя, вплотную прижимаясь эрекцией к моей возбужденной плоти. Я обернула ноги вокруг его талии. У него снова вырвался стон.

– Я должен прикоснуться к тебе, Селена, – пробормотал он.

Рука скользнула под платье и замерла на краю подвязок. Ремингтон отстранился, взгляд сосредоточился на пальцах, теребящих кружево. Наконец посмотрев мне в глаза, он с трудом сглотнул.

– Я думала, мы здесь собирались скрепить нашу сделку поцелуем. Не то чтобы я возражала, – я зарылась пальцами в волосы на его затылке.

– Никогда не верь мужчине, если он говорит, что хочет тебя только поцеловать, – сильные пальцы медленно скользили вверх между моих бёдер, поглаживали кружево трусиков. Он замер, вопросительно взглянув на меня, а мне лишь хотелось ощутить, как эти удивительные длинные пальцы проникают внутрь.

– Тебе тоже?

– Мне в особенности, – хрипло ответил он. Прижавшись губами к моему рту и захватив верхнюю губу, он стал посасывать. – Если я целую тебя, значит, я тебя трахаю. Без разницы, членом, пальцами или ртом. Я всё равно медленно и основательно подвожу тебя к главному. И когда, наконец, ты голая будешь лежать передо мной, я буду поклоняться каждой крошечной клеточке твоего тела. Пока руки будут ласкать, рот – целовать, лизать и сосать. И я буду кусать, *ma belle*, сильно и не очень. Но без покусываний никак. И когда, в конце концов, я скользну глубоко в жар твоего тела, всё, о чём ты сможешь думать – это о моих губах и члене.

Он провел зубами по моей верхней губе, кончик языка скользнул между приоткрытых губ. Мой язык ринулся навстречу, стремясь прикоснуться к нему.

От его слов всё тело горело. Ремингтон первый мужчина, говорящий мне такие греховные непристойности. Проклятье, это так возбуждало. Он знал, что делает. Словами и прикосновениями сводя меня с ума. Мои бёдры задрожали. Я, как и Ремингтон, дышала прерывисто. Но, в любом случае, мне хватило сил обхватить ногами его бёдра, притянуть к себе ещё ближе. Желая большего. Нуждаясь в этом. Я провела руками по его груди, наслаждаясь твёрдостью мышц под ладонями. А потом сделала то, чего никогда не делала раньше. Удивив не только себя, но и Ремингтона, если судить по потемневшим и расширенным глазам. Я схватила и намотала на кулак его галстук. Потянула на себя, скользя губами по его скуле, медленно опускаясь к сильной шее, а добравшись до цели, нежно пососала кожу.

Со стоном он запустил пальцы в мои волосы, сжав их в кулак, и потянул назад, прижимаясь губами к моему уху.

– Селена, Селена, Селена. Ты такая чертовски красивая.
– Моё имя слетело с губ, как молитва доведённого до отчаяния человека.

Через мгновение его рот обрушился на мой. В этом поцелуе не было ни капли благопристойности. Ремингтон целовал меня агрессивно, властно, целиком и полностью заявляя свои права. Наши языки переплетались, пробуя, исследуя, дразня друг друга. Ремингтон отодвинулся, я неотрывно следовала за ним, скользя кончиком языка по его нижней губе. А потом укусила, именно так, как мечтала сделать уже не раз. Из его горла вырвалось рычание, и моё тело в ответ задрожало. Я толкнулась бёдрами к нему навстречу. Бесстыдно тёрлась об него. И мне было мало его ответных толчков.

– Ты околдовала меня своим телом, ртом, всем этим.

Выпустив волосы, он одной рукой обхватил грудь в лифчике, а другой скользнул вниз по моему телу. Добравшись до мягкой и влажной ткани трусиков, стал ласкать через материал. Большим пальцем Ремингтон потёр сосок, такой чувствительный и твёрдый. Наклонив голову, он прижался ко второму губами и прямо через ткань втянул в рот, а потом стал нежно теребить и посасывать.

– Ремингтон. Боже, Ремингтон, – с моих губ сорвался хриплый стон. Я чувствовала себя распутной, ни с чем не сравнимое желание закрутилось и бушевало внутри.

– Mon Dieu, я чувствую запах твоего возбуждения. Такой замечательный. Ты такая мокрая. Расскажи, что ты хочешь. Чего жаждешь, моя красавица?

Каждой клеточкой тела я чувствовала его. Меня захватил и унёс ураган ощущений, которых я никогда в своей жизни не испытывала. Ремингтон не просто целовал, не просто прикасался ко мне. Он вдыхал в меня жизнь и насыщался мной. Одним своим дыханием проникал в укромные уголки души и растворял все страхи и опасения вместе с давно живущей там болью и хаосом, заменив их безудержной страстью. Я не могла найти слов,

чтобы описать все свои желания. Пожалуй, я и сама точно не знала, чего хотела.

Пытаясь перевести дыхание, я отстранилась, но Ремингтон снова притянул меня к себе. И поцеловал, намекая, что никуда меня не пустит.

Понятное дело, я и не собиралась покидать его объятий. Наоборот, стремилась заполучить всё, что он предлагал. Не передать словами, насколько сильно я этого хотела.

Ремингтон прижался лицом к изгибу моей шеи.

– Чего ты хочешь?

Я склонила голову набок, открыв ему больший доступ. Чем он и воспользовался. Лизнул кожу, пробуя её на вкус, а потом провёл носом по подбородку. Когда я не ответила, рука между моих ног замерла, прекратив свою сладкую восхитительную пытку.

– Произнеси вслух. Скажи мне, что тебе нужно.

Какого это, ощущать его губы не только на шее, губах и груди, но и на всём остальном теле? Будет ли лучше и ещё неистовой?

Неожиданно он отодвинулся, и меня окутал холод.

Ремингтон схватил меня за руку и потащил мимо бильярдного стола к окну. Там он отпустил меня и прижал к прохладному стеклу, а потом отступил на шаг, изучая потемневшим ненасытным взглядом. В ожидании я затаила дыхание. Я дрожала от соприкосновения разгорячённого тела с холодным окном.

– Положи руки на стекло и не убирай их оттуда.

Я выполнила его просьбу.

Ремингтон шагнул ко мне и положил руки на плечи.

– Не спускай с меня глаз.

Быстро кивнув, я в предвкушении облизнула губы. Как только его руки опустились на мою грудь, я со вздохом

закрыла глаза. В молчаливом предупреждении он легонько их сжал. Я быстро открыла глаза и увидела, как его пальцы скользнули вниз по моему телу, вызывая дрожь.

– Боже, Ремингтон. Твои прикосновения просто невероятны. Мне так нравится чувствовать твои руки на себе.

Он посмотрел на меня с лёгкой улыбкой на губах.

– А мне так нравится чувствовать тебя в своих руках. Полностью захватывает дух.

Проведя пальцами по подолу платья, он поднял ткань, лаская внутреннюю сторону бедра. Одной рукой Ремингтон сдвинул в сторону трусики и начал дразнить клитор. Не сводя с меня внимательного взгляда, другую руку просунул между моей спиной и стеклом, сжав ягодицу, притягивая ближе к себе.

Я бросила взгляд через плечо на тёмную улицу за окном.

– Ремингтон, я не думаю...

– И не думай, просто чувствуй. Расставь ножки пошире. Я хочу тебя попробовать.

Мои бёдра самопроизвольно сжались.

– Что?!

По его широко распахнутым глазам я поняла, что он обо всём догадался. Вытащив палец из трусиков, Ремингтон положил обе руки мне на талию.

– Ты никогда раньше этим не занималась?

Густо покраснев, я покачала головой. Джеймс не был любителем орального секса. Если уж на то пошло, то он вообще редко ко мне прикасался чем-то, помимо члена. Но Ремингтон, казалось, упивался самой идеей.

От этого открытия его глаза ещё сильнее потемнели, и рука на талии задрожала.

– Я у тебя первый?

Я кивнула. По выражению лица было не понятно, о чём он думает. Я почувствовала, как ослабла хватка на моей талии. Вот в чём дело. Возможно, он и не так заинтересован заходить со мной дальше поцелуев. Я приготовилась к отказу, который, знала, скоро услышу. Внезапно Ремингтон опустился на колени, задрал мне юбку вверх и стал покрывать поцелуями кожу. Щетина щекотала внутреннюю поверхность бедра, и на добрых десять секунд я забыла, как дышать.

Обалдеть! Впервые меня ласкали ртом, и кто? Этот умопомрачительный мужчина!

Его руки переместились от платья к трусикам. Просунув пальцы под резинку, Ремингтон спустил их до лодыжек. Потом руки вновь легли на мои бёдра, широко раздвинув их. Бросив на меня последний взгляд, Ремингтон зарылся лицом между моих ног. С прикосновением языка я забыла о пешеходах за окном, которые с лёгкостью могли насладиться бесплатным шоу. Я затерялась в вихре самых приятных и неизведанных ощущений. И не могла отвести глаз от копны чёрных волос Ремингтона, пока он дарил мне неземное наслаждение, в котором мне всю жизнь отказывали.

Его жаркое дыхание ласкало кожу. Все мысли разлетелись, тело в ожидании напряглось, как тетива. Ремингтон целовал меня так неторопливо, словно в его распоряжении целая ночь. А потом к языку присоединились пальцы, заполняя и поглаживая. Движения языка были то яростными, то нежными. Он знал, как заставить меня стонать.

Руки соскользнули со стекла. Отчаянно нуждаясь в опоре, я ухватилась за мягкие волосы Ремингтона и сжала их в кулак. Он застонал. Звук отзывался дрожью во всём моём теле, ноги стали ватными.

– Селена, руки.

– Но мне так хочется к тебе прикоснуться.

– Нет, – прорычал он. От его ответа дрожь прошла по телу. Боже, Ремингтон такой властный, и мне это безумно нравится.

Я прижала руки обратно к стеклу, слишком боясь того, что он остановится, если я не подчинюсь приказу.

Его губы ласкали внутреннюю сторону бедра, слегка прикусывая. Я стонала и дрожала, тело переполняло мучительное наслаждение, а колени подгибались. Ремингтон сильнее сжал меня руками и прижал к стеклу, даря поддержку. Он вытворял языком невероятные вещи и, наконец, скользнул по особо чувствительному комочку нервов. Со стоном я выгнула спину. Зарычав от наслаждения, Ремингтон обхватил губами клитор и стал посасывать, то ускоряя, то замедляя темп. Палец проник внутрь, а язык неустанно услаждал меня. Это было уже выше моих сил.

– Я... я сейчас кончу!

– Все в порядке, Селена. Кончи мне на язык. – Руками он обхватил мою задницу, прижимая ко рту, и ни на миг не прерывая свою сладострастную атаку. Ремингтон одобрительно заворчал, и звук дрожью отзывался в клиторе. – Ты такая вкусная. Я мог бы заниматься этим весь день напролет и всё равно жаждал бы продолжения ночью.

Эти слова стали моей погибелью. Когда на меня обрушился оргазм, я всхлипывала, кричала и мотала головой из стороны в сторону. Я прикрыла глаза, не в силах держать их открытыми, и увидела фейерверк сверкающих звёзд. Ослабевшие руки соскользнули со стекла. Потеряв опору, я начала оседать на пол, но всё же не упала. Вместо этого почувствовала, как меня подхватили сильные руки, крепко удерживая и прижимая к тёплой твёрдой груди. Пока моё дыхание приходило в норму, я позволила себе раствориться в аромате и силе Ремингтона.

Едва вырвавшись из пучины оргазма, я почувствовала, как он поцеловал плечо, а потом стал водить носом по шее, целуя и шепча всякие нежности на французском. Пальцем он гладил мои скулы.

– Ты в порядке?

Я открыла глаза и увидела, что он смотрит на меня с неприкрытой нежностью.

– Я... всё прекрасно. Спасибо, что не позволил упасть.

– Я готов делать это постоянно, – он сжал мои волосы одной рукой, а другой скользнул вокруг шеи и обхватил за подбородок. Потянул голову назад и впился в мои губы жгучим поцелуем. Я застонала, почувствовав свой вкус на его языке, и углубила поцелуй, который закончился так же резко, как и начался. Ремингтон выпустил волосы и откинулся назад, а потом поцеловал ямку между шеей и плечом.

– Повернись и посмотри на меня, Селена, – хрипло потребовал он. Я подчинилась, и мы уставились друг на друга. Хотя я и наслаждалась тем, что его рот вытворял со мной, но почему-то всё равно испытывала неловкость. И это было весьма странно.

– Ты такая невероятно отзывчивая, – сказал он, пропуская между пальцев мои волосы.

Если бы он только знал, насколько!

Последний раз в интимном плане ко мне прикасался муж. И то, всего лишь потискал грудь и пару раз засунул член, а закончив, развернулся и без оглядки вышел из спальни.

А теперь, в объятьях другого мужчины я распадалась на части, словно это мой первый секс. Лишь поэтому от пережитой феерии ощущений мне стало ещё более неловко. Как надо вести себя с мужчиной, подарившим такое неземное удовольствие?

Что мне делать?

— Эй, ты точно в порядке? — он приподнял мой подбородок, чтобы заглянуть в глаза. Я почувствовала, как начинают гореть щёки. Ремингтон прищурился. — У тебя такие выразительные глаза. На долю секунды мне показалось, что я потерял тебя. Где ты была, Селена?

— Здесь, — ответила я, когда Ремингтон помог мне твёрдо встать на ноги. — Я просто... Ты кончил?

С хриплым смешком он поцеловал мои волосы.

— Я безумно хотел тебя трахнуть. Когда мы сюда прокрались, именно это я и собирался сделать. До этого момента я никогда не сдерживал своих порывов, — Ремингтон покачал головой, будто и сам не понимал, почему так поступил. — Впервые, когда мы это сделаем, я хочу кончить внутри тебя. Ты из-за этого так встревожилась?

Я открыла рот, но, не произнеся ни слова, снова закрыла его и покачала головой. Туман в голове не рассеялся, и мысли по-прежнему хаотично путались. Я побоялась, что могу сказать что-то, о чём позже могу пожалеть.

— Нам надо идти.

Я повернулась, намереваясь уйти, но Ремингтон удержал меня за локоть и развернул к себе.

— Поверь, Селена, мне необходимо оказаться внутри тебя так же, как дышать. Но, — он махнул рукой, — не здесь.

Не в силах вымолвить ни слова, я опять кивнула. Не уверена, что беспокоило меня больше. То, что он мне нравился сильнее, чем я предполагала, или моё потрясение тем, насколько быстро я к нему привыкла.

Мы вышли из комнаты и прошли мимо группы мужчин, направляющихся к одной из комнат отдыха. Когда

несколько пар глаз посмотрели на меня и потрясающего мужчину рядом со мной, на щеках вспыхнул румянец.

Интересно, я выгляжу такой же сексуально удовлетворенной, как и чувствую себя?

Ремингтон хотя и нежно обнимал меня за талию, но теснее притянул меня к себе. Заявляя свои права. Даря безопасность.

Расплатившись за обед, Ремингтон взял меня за руку и вывел из ресторана. Парковщик подогнал машину, и мы быстро забрались внутрь. Я была слишком возбуждена, и мне очень не хотелось, чтобы этот вечер заканчивался.

Ремингтон положил свою руку мне на колено и легонько сжал.

– О чём ты задумалась, Селена?

– Сегодня был просто замечательный вечер, спасибо тебе.

– А он ещё не закончился, – Ремингтон улыбнулся и при этом выглядел таким молодым и беззаботным. Только сейчас я поняла, насколько сильно он отличался от того мужчины, который пришёл за мной в отель. Ремингтон снова сосредоточился на дороге. – Тебе хотелось приключений. И я именно тот, кто тебе их обеспечит.

Покинув ресторан, минут через пятнадцать мы припарковались у здания, очень похожего на склад. Ремингтон вышел и, обойдя машину, открыл мне дверь. Потом подал руку и, не выпуская моей ладони, повёл к зданию. Бросив на меня игривый взгляд, он повернулся, достал что-то из кармана и направил эту штуку перед собой. В ту же секунду медленно стали подниматься металлические двери, и я увидела блестящую чёрную спортивную машину. Она напоминала пантеру.

– Что мы собираемся делать, Ремингтон? – спросила я. Смесь страха и возбуждения просто зашкаливали.

– Ты никогда не ездила в спортивных машинах?

Всё ещё разглядывая машину, я покачала головой.

– Считай это своим первым разом, – Ремингтон обхватил меня за талию и притянул к себе. – Похоже, впереди у нас ещё много «первых раз».

Жадный поцелуй привёл меня в чувства. Я бы могла всю жизнь целовать этого мужчину.

– Готова? – спросил он, как только мы сели и пристегнулись.

Даже просто находиться внутри, ощущать запах кожи... Это было невероятно! С широкой улыбкой я кивнула и крепко вцепилась в сиденье.

Мотор заревел, по венам побежал адреналин, а между бёдер нарастало возбуждение.

Мама дорогая! Вот это да!

Ремингтон нажал на газ, машина рванула вперёд, и меня отбросило на спинку сиденья. Пока мы носились по улицам на окраинах Парижа, я кричала и смеялась. В какой-то момент я даже не знала, где мы находимся, но была уверена, что с Ремингтоном я в полной безопасности.

Когда он на «Фантоме» привёз меня обратно в отель, я едва дышала после наших невероятных гонок. Мы остановились возле лифтов, и Ремингтон настороженно посмотрел на металлические двери. А потом он перевёл на меня свой ненасытный взгляд, возбуждение переросло в острое желание.

Ремингтон склонил голову набок и, облизнув губы, наклонился ко мне. Он обхватил ладонями моё лицо, и я почувствовала, как дрожат его руки, не знаю, виной тому гонка или желание.

Прикрыл глаза, он нежно поцеловал меня, словно исследовал, пробовал на вкус. Неторопливо втянув мою верхнюю губу в рот, Ремингтон мягко пососал. Хотя он никогда не упускал случая поцеловать меня, сейчас был самый нежный и эротичный поцелуй в моей жизни. Я хотела видеть, как он меня целует, поэтому не стала закрывать глаза. И наградой мне стал вид неимоверного блаженства, который я когда-либо видела на чём-то лице.

– Bonne nuit, Селена, – прошептал он у моих губ. Ремингтон открыл глаза и наблюдал за тем, как я смотрю на него.

– Bonne nuit, Ремингтон.

Он отстранился и зашагал прочь, оставив меня подпирать стену возле лифтов.

Теперь поцелуи других мужчин никогда не сравнятся с поцелуем Ремингтона Сен-Жермена.

ГЛАВА 16

СЕЛЕНА

Вчерашний вечер – один из самых чудесных за долгое время. Конечно, когда я ещё встречалась с моим бывшим мужем, то мы тоже ходили в рестораны, и после свадьбы тоже, но со временем мы всё реже и реже куда-нибудь выбирались, а потом и вовсе перестали. В большинстве случаев по вечерам я ужинала в одиночестве или ездила к родителям. Так что последние несколько дней теперь были надежно спрятаны в моей сокровищнице «Лучших Воспоминаний». Может быть, всё потому, что я наконец отпустила прошлое. Или, возможно, причина в Ремингтоне. Я не слепая и вижу, что увлекаюсь им всё сильнее. И, если честно, то не знаю, как к этому относиться. Но понимаю одно: мне следует действовать

осторожно – развлекаться, но держать сердце за семью замками.

Я сидела на скамейке в престижном закрытом бассейне отеля «Катерина». Лежащий рядом на полотенце телефон неожиданно завибрировал, а потом раздалась классическая музыка. Нахмутившись, я поёрзала и потянулась к телефону. Жар опалил щёки, когда я увидела имя на экране. Не припоминаю, чтобы устанавливала на него эту мелодию. Наверное, Ремингтон сам всё выставил, когда вчера добавлял мне в список контактов свой номер.

– Только не говори, что ты один из парней, помешанных на классической музыке, тех, кто и дня без неё не может прожить.

В ответ раздался тихий и, как обычно, обольстительный смех Ремингтона. Как это у него так легко получается? Уверена, что Сен-Жермен даже не представляет, насколько чувственно смеётся.

– Да, я один из таких парней. Обожаю классику. Не хочешь приехать ко мне?

Улыбаясь, я подтянула ноги к груди и прижалась подбородком к коленям.

– Хмм. А что я буду с этого иметь?

– К Эдриену в гости приехали несколько друзей, и мне нужна компания.

От одного упоминания о его сыночке я, как дурочка, расплылась в улыбке. Он такой смышлённый и...

Я замерла, резко оборвав поток собственных мыслей. Мне нельзя так думать. Это чужой ребенок, а я уже привязалась к нему, хотя через три месяца уеду.

Интересно, что сказал бы на это мой психотерапевт.

– Селена?

Голос Ремингтона вернул меня к разговору.

– Прости, мmm... я на минутку отвлеклась.

Он молчал несколько секунд.

– Ты в порядке? – спросил он севшим взволнованным голосом.

– Да. Это моя дурная привычка. Просто не обращай внимания. – Я нервно рассмеялась. – Так что ты говорил?

– Что ты будешь из этого иметь. Я тебя накормлю. Ведь я не только один из самых сексуальных отцов во всей Франции, но и великолепный повар.

– Поосторожнее с этим, Сен-Жермен. А то если будешь так задирать нос, не сможешь вписаться в дверной проём.

Ремингтон рассмеялся.

– Так что скажешь?

– Думаю, я в настроении для того, чтобы меня накормили и побаловали.

– Ты даже не представляешь, насколько сильно я хочу тебя баловать, Селена.

От низкого и сексуального тона по телу побежали тысячи мурашек.

Я зажмурилась и прикусила губу.

– Ты умело пользуешься словами, Ремингтон.

– Я хорош не только в этом, но и во многом другом.

Выдохнув, я открыла глаза и осмотрелась. На всей территории бассейна несколько рассеянных посетителей.

– Через двадцать минут я пришлю за тобой кого-нибудь.

Уже через десять минут я ждала в холле отеля. В обтягивающих джинсах, шифоновой блузке и тоненьком свитере. С лёгким макияжем, как ни как середина дня, и в доме будут играть дети. Да и кто знает, может, в итоге у меня на лице окажется еда или ещё чёрт знает что.

Но даже эта мысль не уменьшила волнения от предстоящей встречи с Ремингтоном и Эдриеном. Если честно, то я ждала этого с огромным нетерпением.

В отель вошёл мужчина, который выглядел так, словно с лёгкостью мог поднять полвагона, и снял очки. Я тут же его узнала. Именно с ним в колледже «Святой Бернадетты» разговаривали Ремингтон с Эндрю. Впившись в меня взглядом, незнакомец направился – а если точнее, решительно зашагал – в мою сторону. Я выпрямилась, когда он остановился передо мной.

– Мадам Майклз?

– Да.

– Меня прислал месье Сен-Жермен. Следуйте за мной, пожалуйста.

– А где Адель? – выпалила я. От этого мужика мороз шёл по коже. Да и бесстрастный холодный взгляд не добавлял приветливости.

Зыркнув на меня, он кивнул в сторону выхода и отвернулся. Я поспешно достала телефон.

«Кого ты за мной прислал? Что это за тип, похожий на Вина Дизеля?»

Поднявшись, я поправила ремешок сумочки на плече и поспешила за мужчиной, сжимая в руке телефон, но когда тот завибрировал, остановилась.

«У Адель сегодня выходной. Прости, забыл предупредить, что тебя заберет Жиль. Он мой хороший друг. С ним ты в безопасности».

Я замерла на полу шаге.

«В безопасности?!»

Я нажала кнопку отправить и сразу же получила ответ.

«Я имею в виду, что он хороший водитель. Почти такой же великолепный, как и я.;)»

Рассмеявшись, я последовала за Жилем к машине. Как только доберусь до Ремингтона, нужно не забыть слегка опустить его взлетевшую до небес самооценку.

Мы ехали где-то минут десять по направлению к дому Ремингтона на Монмартре, когда я заметила, что Жиль постоянно поглядывает в зеркало заднего вида. Его глаза были надёжно скрыты за тёмными стёклами очков. Повернувшись на сиденье, я посмотрела в окно, пытаясь понять, что же его там так беспокоит, но ничего необычного не увидела. В такое время дорога почти пустая.

Я откинулась на спинку сиденья. Живот скрутило от беспокойства, одолевавшего меня последнюю неделю. Я настолько сильно ушла в себя, что, когда Жиль неожиданно развернул машину и рванул по объездному пути, закричала и съехала с сиденья. Со всех сторон послышались визги колёс и гудки клаксонов.

– Что происходит? – спросила я, прижимая руки к груди. Взгляд метался от заднего окна к Жилю и обратно.

– Просто объезжаем стороной сумасшедших водителей.
– Его голос отлично ему подходил. Очень грубый, глубокий и отрывистый.

Я снова бросила взгляд в окно. Жиль ехал по узкой улице, часто посматривая в зеркало заднего вида. Когда «Пежо» притормозил на светофоре, машину неожиданно

сильно тряхнуло. Закричав, я закрыла голову руками и опустила её между колен.

Боже милостивый, только не это! Господи, спаси и сохрани!

Наступила тишина. Единственное, что я слышала, так это грохот пульса в ушах и собственное затруднённое дыхание.

– Жиль? – позвала я, немного приподнимая голову и оглядываясь.

– Всё в порядке, мадам Майклз, – напряжённо ответил он. Я осторожно опустила руки и заглянула через спинку сидения. – Всё в порядке, – повторил он, набирая номер на телефоне.

И уже через несколько секунд с кем-то тихо разговаривал. Мой французский оставляет желать лучшего. Хотя мама настаивала, чтобы мы с сестрой общались на её родном языке. Жаль, что я не сильно старалась. Но слова «опасность» и «машина» я всё же понять смогла. Потом Жиль заговорил ещё тише, и я наклонилась вперёд. Может, это с моей стороны чересчур любопытно или даже грубо, но если речь шла обо мне, я должна знать, что происходит.

– Я не видел лица, – говорил Жиль. – Идиот умчался, прежде чем я успел разглядеть номерной знак. Она в порядке. Да, спросила, но я промолчал.

Внезапно на меня накатила ярость. Руки на коленях сжались в кулаки, и меня затрясло от пережитого страха. Беспокойство, которое одолевало меня раньше, распространялось в груди. К тому моменту, когда мы приехали к Ремингтону, я готова была взорваться.

Что если... А может...

Я покачала головой, меня одолевала куча мыслей и вариантов происходящего.

Если именно я была целью того человека, кто бы он там ни был... Хотя опять же, вряд ли, я ведь не настолько знаменита. Я слышала, что иногда моделей преследуют, но по сравнению с другими в мире моды я всего лишь мелкая сошка.

Мне просто необходимо поговорить с Ремингтоном, пока я совсем не извелась.

Оторвавшись от разглядывания рук, я поняла, что возле двери стоит Жиль, смотрит на меня и ждёт. На нём всё ещё были солнцезащитные очки, поэтому я не могла понять, о чём он думает. Закинув сумочку на плечо, я вложила свою ладонь в его и позволила помочь мне вылезти из машины. Каким-то непостижимым образом мои нервы слегка успокоились.

ГЛАВА 17

СЕЛЕНА

Когда я вошла в дом, Ремингтона не было ни в гостиной, ни на кухне, но из какой-то комнаты доносились голоса.

В поисках ванной комнаты я поспешила на второй этаж. Побрызгав себе на лицо холодной водой, я схватила несколько бумажных полотенец и уселась на крышку унитаза. Отдышавшись, я попыталась успокоиться. А потом быстро освежила макияж. Карандашом скользнула по контуру глаз, а на губы нанесла блеск. Побросав всю косметику обратно в сумочку, я вышла из ванной.

У двери, прислонившись спиной к стене и скрестив руки на груди, меня ждал Ремингтон. Белая футболка плотно облегала руки и грудь, а голубые джинсы подчёркивали мускулистые бёдра.

Снизу доносились голоса и детские визги, а когда раздался заразительный смех, мне захотелось побежать вниз и присоединиться к веселью.

Но Ремингтон снова стал мистером Чрезмерная-Настороженность.

– Ты в порядке?

Скользнув мимо него, я прислонилась к стене рядом с ним и откинула назад голову.

– В порядке ли я? Хм... Нет. Не совсем. – Повернув голову, я посмотрела на Ремингтона с наигранным спокойствием. Хотя внутренне содрогалась при одном воспоминании о том, что произошло по дороге сюда. – Ремингтон, что вообще происходит?

Опустив руки, он встал передо мной и опёрся одной ладонью о стену возле моей головы. Наклонившись вперёд, Ремингтон провёл носом по моему подбородку.

– Ничего, о чём бы тебе стоило волноваться.

Я сделала глубокий вдох и задержала дыхание, сопротивляясь дрожи, пробегающей по спине.

– Это имеет ко мне какое-то отношение?

Ремингтон опёрся второй рукой с другой стороны от моей головы, тем самым заключив в плен, а потом приник губами к шее.

Со стоном я повернула голову набок.

– Боже мой, Ремингтон, – я зарылась пальцами в его волосы. – Ты пытаешься меня отвлечь, Сен-Жермен. – Я приникла губами к его губам в глубоком поцелуе, а потом отстранилась. – Я хочу знать.

Он прижался лицом к изгибу моей шеи. Тёплое дыхание согревало кожу.

– Давай поговорим об этом позже, хорошо?

– Нет.

Отстранившись, он посмотрел на меня.

– Не сейчас. Позже, когда разойдутся дети.

Раздражённо фыркнув, я отвела взгляд и посмотрела в сторону лестницы.

– Отлично. Никаких увиливаний от разговора?

Обхватив мой подбородок рукой, Ремингтон снова повернул меня к себе.

– Ни единого.

Когда мы спускались по лестнице, нас увидел Эдриен. Он побежал навстречу, остановившись только возле нижних ступенек.

– Селена! – закричал он. На его личике заиграла ангельская улыбка, в которую я мгновенно влюбилась, увидев эти зелёные глаза.

Сбросив с плеча руку Ремингтона, я стремглав спустилась и подхватила малыша на руки, нежно прижав к себе его подвижное и переполненное энергией тельце.

– Как дела, тигрёнок?

Отстранившись, он прикрыл ротик ладошкой и захихикал.

– Хорошо. Papa¹², мы можем поплавать в бассейне?

– На улице холодно...

Не дав отцу договорить, Эдриен стал умолять его, быстро тараторя на французском. Рассмеявшись, я поставила его обратно на пол, а потом положила сумочку на столик у стены и пошла на кухню глянуть, смогу ли чем-нибудь помочь.

– Ты всё это приготовил? – спросила я, рассматривая изобилие блюд на столе.

¹² **Papa** – Папа (фр.)

– Я же сказал, что отличный повар, – Ремингтон подмигнул мне, и я рассмеялась. Он выглядел таким беззаботным и красивым, и ещё мне очень нравилась его уверенность в собственной мужественности. Это так заводило.

– Ты в одиночку справляешься со всей этой детворой?

С мимолетной улыбкой Ремингтон кивнул:

– Многолетняя практика. К нам часто в гости приходят друзья Эдриана. Когда ты неожиданно становишься одновременно и отцом, и матерью годовалого ребенка, то быстро всему учишься. Иногда помогает Адель, а порой, когда у меня завал на работе, я нанимаю домработницу. Но в основном я делаю всё сам. Ради него я готов на всё.

Вот это да! Немыслимо, как этому мужчине удается словами и поступками отнять у меня способность дышать?

Я подошла к Ремингтону, положила руку ему на затылок, притянула к себе и поцеловала. А потом, отстранившись, взглянула на Сен-Жермена и увидела голодный блеск в его глазах.

– За что, ma belle?

– За то, что ты такой... – он наклонил голову набок, пока я пыталась подобрать правильное слово. А потом вспомнила, что собиралась преподать урок его зарвавшейся самооценке. – Милый, – наконец сказала я и, убрав руки, направилась к кухонному столу. Я чувствовала, как его взгляд прожигает мне спину. Обернувшись, я дерзко улыбнулась и едва не оступилась.

По округлившимся в недоумении глазам было видно, что Ремингтон не может поверить, что я выбрала именно это слово. А потом его глаза сузились.

– Это кошки милые. Собачки милые. Эдриен и остальные малыши в какой-то мере милые.

Он стал подкрадываться ко мне с опасным выражением лица. Хихикая, я обежала вокруг стола и, сбросив балетки, заняла выгодную позицию. Сердце бешено колотилось в груди.

– Милый.

– Забери свои слова назад, пока я тебя не поймал, иначе я не буду нежным.

Покачав головой, я побежала к другому краю стола, но его длинные ноги сократили расстояние между нами.

– Не дождёшься. Мы должны немного опустить тебя с небес на землю. У тебя слишком раздутое самомнение.

– У меня... – зарычал он, притворяясь, что поворачивает влево. Я сделала рывок вправо, но слишком поздно, Ремингтон схватил меня и прижал спиной к своей груди, – нормальное самомнение. Значит, ты говоришь, милый? Знай, я сделаю всё от меня зависящее, чтобы ты уяснила: это слово ни в коей мере мне не подходит. Ни капли.

Я поёрзала попкой по выпуклости на его джинсах, прекрасно зная о жаре и желании, которые волнами исходили от Ремингтона. А также я слышала крики и взрывы смеха из игровой комнаты, чуть дальше по коридору.

– Ладно. Тогда назови мне подходящее для тебя слово, которое не будет повышать твою и так завышенную самооценку.

Проведя носом по моей щеке, он наклонил голову и прикусил кожу на изгибе скулы. Рука бесцеремонно скользнула под блузку, лаская круговыми движениями кожу. От его прикосновений у меня перехватило дыхание, а между бёдер зародилось безудержное желание.

– Я, мать его, Ремингтон чёртов Сен-Жермен. И нет таких слов, которые способны меня описать.

Повернув голову, я заглянула ему в глаза и не смогла сдержать смешок. А увидев в зелёных омутах искорки веселья и желания, расхохоталась.

– По-твоему, это смешно?

Но прежде чем я успела ответить, его рот обрушился на мой, крадя дыхание и смех. Ремингтон целовал меня так жадно, словно это наш первый поцелуй, которого он ждал всю жизнь. Он делал это с такой неудержимой страстью, что, когда оторвался от моих губ, мы оба задыхались и улыбались.

– Я могу всю жизнь слушать твой смех, Селена.

– А я – целовать тебя, и мне всегда будет мало. Ты великолепно целуешься, Сен-Жермен.

– Только потому, что я целую твои губы. Такие восхитительные и просто идеальные.

Его слова согрели мне душу.

Я надолго запомню день, проведённый с Ремингтоном и шестью мальчишками. Он изображал лошадку, ржал и пускался в галоп. А мне досталась роль чего-то среднего между королевой и ведьмой. Притворяясь драконом, Ремингтон позволил детям заколоть себя пластиковыми мечами, а потом переворачивался, хватал малышей и по очереди щекотал.

Сразу после ужина приехали родители и забрали детей. Эдриен зевал, потирая глазки.

– Рара, а можно она мне сегодня почитает сказку? – спросил Эдриен, указывая на меня пальчиком.

– Эдриен, у неё есть имя, – сказал Ремингтон с лёгким укором. К этому времени мы закончили споласкивать тарелки и загрузили их в посудомоечную машину.

– Селена! – выкрикнул Эдриен, когда я бросила полотенце, завернула за угол и погналась за ним. А когда догнала, весело захихикал.

Мой смех оборвался, когда я обернулась и взглянула на Ремингтона. Он стоял, прислонившись к столу, и как заворожённый смотрел на нас. Руки упирались в бока, а на лице вихрь эмоций, сменяющих друг друга, словно он боролся сам с собой. Наконец, приняв какое-то решение, он нам кивнул.

– Ты уверен? – спросила его я. Мне не хотелось врываться в их жизнь и нарушать привычный уклад.

– Да, – одними губами ответил он, когда Эдриен снова зевнул.

Почистив зубы и переодевшись в пижаму, малыш забрался под одеяло, уютно и выжидающе посмотрел на меня.

– И какую книгу тебе почитать, тигренок?

Он взял с прикроватной тумбочки детскую книжечку с картинками.

Это... это такое непередаваемое ощущение. Глубоко вздохнув, я начала читать. Сначала было сложно вернуться к чтению на французском, но после нескольких страниц стало легче.

Через двадцать минут, улыбаясь, я вышла из комнаты Эдриена.

Когда я вернулась в гостиную, Ремингтон вольготно сидел на диване без рубашки и с бокалом вина в руке. Я замерла на месте, любуясь красивым мужчиной, который задумался о чём-то настолько сильно, что даже не услышал, как я вошла в комнату. Я скользнула взглядом по его телу. Идеальный пресс, как раз в меру мускулистые руки. Тёмные волосы на груди сужались на животе в тонкую полоску и исчезали в джинсах. Верхняя пуговица была расстёгнута.

Мама дорогая!

Словно услышав мои мысли, Ремингтон повернул голову и посмотрел на меня. На его губах расплылась кривоватая улыбка, взгляд скользнул по моим ногам, а потом вернулся и замер на груди. Соски мгновенно затвердели, когда я вспомнила о том, что произошло в chambre trois.

Господи, насколько же сильно я им очарована.

— Готова? — слово эхом рознеслось по комнате, увеличивая напряжение между нами.

Прочистив горло, я скрестила руки на груди и только после этого подошла, став перед ним. Ремингтон поднялся и поднёс бокал с вином к моим губам, а потом немножко наклонил. Я сделала жадный глоток, а между бёдер нарастало мучительное томление.

И к чему, собственно, я должна быть готова? К сексу? Или к разговору? Ещё с нашего ужина я пыталась представить, какого будет чувствовать на себе полностью обнажённого Ремингтона. Во мне. Но меня не отпускали мысли о пережитом страхе, когда по пути к дому Ремингтона та машина попыталась столкнуть нас с дороги.

— Я хочу тебя написать.

ГЛАВА 18

СЕЛЕНА

— А я хочу поговорить.

Настороженно Ремингтон провёл рукой по лицу, а потом поставил бокал на столик и начал метаться по комнате.

— Давай на время забудем об этом. Позволь мне написать твой портрет.

Я грозно взглянула на него.

– Почему забудем?

Ремингтон резко остановился, повернулся и подошёл ко мне.

– Потому что я не хочу, чтобы этот человек встал между нами. Сегодня был такой замечательный день. И больше всего мне хочется как можно дольше растянуть удовольствие. Жиль уже занимается этой проблемой. Пожалуйста, пойдём со мной. Обещаю, мы позже об этом поговорим. – Голос был полон настойчивости. Ремингтон протянул мне руку. – Давай ещё хоть немного насладимся компанией друг друга.

– Ты же понимаешь, я всё равно не отступлю и заставлю тебя сдержать обещание?

Он кивнул. Я взяла его за руку, и Ремингтон заметно расслабился. Так или иначе, для разговоров у нас впереди целая ночь.

Ремингтон повёл меня мимо кухни по коридору, белые стены которого были увешены картинами.

– Какую живопись ты предпочитаешь? – спросила я и, оглянувшись на Ремингтона, застукала, как он пялится на мою задницу. – Кажется, у кого-то слабость к моей попке, я права?

– Хм... У меня слабость к каждой, даже самой крошечной, клеточке твоего тела. – Неожиданно его рука скользнула вниз по моей спине. Растропырив пальцы, Ремингтон обхватил мою ягодицу и нежно сжал. – Мне близок реализм.

– Ладно. Считай, что на сегодня ты получил мою попку в полное своё распоряжение. Чего не сделаешь ради искусства.

Без предупреждения он резко развернул меня и прижал к стене. Обхватив запястья обеими руками, Ремингтон наклонился ко мне.

– Только сегодня?

– Да. И, кстати, ты отвлекаешь меня. Насколько я помню, Сен-Жермен, мы должны были поговорить о случившемся.

– Знаю. – Прижавшись своим лбом к моему, Ремингтон закрыл глаза. – Просто мне так хочется, чтобы этот вечер закончился на приятной ноте. Ведь мы же можем это сделать? Обсудить всё позже?

– Для начала ответь мне на один вопрос. Это имеет ко мне какое-то отношение?

Медленно открыв глаза, он закусил нижнюю губу и посмотрел на меня из-под длинных загнутых ресниц.

– Я пообещал всегда говорить тебе только правду, поэтому отвечу на твой вопрос. И да. И нет.

Выдохнув, я слегка пошатнулась.

– И как, чёрт, возьми, я должна это понимать? Ты знаешь, кто это делает?

Он покачал головой.

– Меня вряд ли кто-то посчитает такой важной и знаменитой. Что им от меня надо? – я на секунду замолчала, кое-что вспомнив. – Письмо. Ты с Эндрю читал какое-то письмо в лицее «Святой Бернадетт». Его прислали... мне?

Ремингтон отрывисто вздохнул.

– Нет.

Несколько минут я смотрела ему в глаза. Он говорил правду. Тогда что же было в том письме?

– Давай сейчас не станем об этом думать, ладно? Мы великолепно провели день, давай не будем его портить, – Ремингтон провёл ладонью вниз по моей руке и переплёл наши пальцы вместе. – Пойдём со мной, *ma belle*.

От такой нежности по моему телу разлилось тепло. Ремингтон повёл меня в какую-то комнату и, прежде чем мы вошли, включил свет. Отпустив мою руку, он пошёл вправо, к шкафам. Повернувшись, я осмотрелась.

Эта комната полностью отличалось от любой другой в этом доме. На терракотовых стенах с одной стороны были брызги красок разных цветов: синей, зелёной и красной. В дальнем конце комнаты возле кушетки-рекамье стоял табурет. Напротив него с другой стороны - мольберт, а за ним - столик с кучей разнообразных кисточек, красок и чего-то, очень похожего на уголь.

- Для натурщицы на тебе слишком много одежды, Селена.

Встав передо мной, Ремингтон с вопросительным взглядом потянулся к верхней пуговице моей блузки. Как только я кивнула, он медленно расстегнул пуговки, снянул с плеч шифоновую вещицу и позволил ей соскользнуть на пол. Рука поползла ниже и замерла на поясе джинсов. Только в этот раз он ни мгновения не колебался.

Через пару секунд на мне ничего не осталось, кроме кружевного бюстгальтера и трусиков. Он неторопливо скользнул по мне взглядом, чуть дольше задержавшись на груди. С трудом сглотнул, а потом снова посмотрел мне в лицо. Расширенные зрачки казались бездонными. Никогда в своей жизни я не видела у мужчины такого ненасытного взгляда. У меня перехватило дыхание, когда, посмотрев на тонкую полоску волос на его прессе, я увидела внушительную выпуклость на джинсах.

Ничего себе! Просто нет слов!

Когда я наконец подняла глаза, то поняла, что Ремингтон как заворожённый смотрит на мой живот и краешек татуировки, видневшейся из-под трусиков. Почувствовав себя слишком беззащитной и уязвимой, я замялась на месте. Но стоило Ремингтону обезоруживающе

улыбнуться, как у меня словно выросли крылья. И внезапно я осмелела.

– У нас с тобой много общего. Мы оба любим искусство, – заявил он самодовольно.

Если бы он только знал! Татуировку я сделала не из любви к искусству, а в попытке спрятать за ней болезненные воспоминания.

– У нас? – переспросила я, скрывая затаившуюся в груди боль. – И что же ещё общего у нас с тобой есть?

– Мы умеем рассмешить друг друга, а сексуальное притяжение между нами просто зашкаливает.

С этим не поспоришь.

Я уверенно завела руки за спину, но, взявшись за застёжку бюстгальтера, замерла. Прекрасно поняв, почему я мешкаю, Ремингтон кивнул. Он хотел, чтобы я полностью обнажилась. Бросив бюстик на пол, я опустила руку к кружевам трусиков. Но Ремингтон меня остановил, накрыв мою руку своей.

– Позволь мне, – он опустился на колени, спуская кружева и покрывая бёдра и ноги лёгкими поцелуями. А потом, склонившись выше, поцеловал пальчики ног и снова посмотрел на татуировку, которая теперь предсталась перед ним во всей красе.

Прижавшись губами к пупку, Ремингтон сначала лизнул край татуировки, а потом добрался до середины. Тяжело дыша, я опустила руки и, зарывшись пальцами в его волосы, стала нежно перебирать мягкие локоны. Когда его язык прикоснулся к шраму, я вздрогнула и зажмурилась. Я меньше всего хотела, чтобы он заметил, насколько сильно это влияет на меня.

Его рот одновременно дарил боль и наслаждение, убивал и воскрешал. Я окончательно и бесповоротно пропала.

Отстранившись, Ремингтон поднялся и, взяв за руку, повёл к кушетке, обитой красным бархатом. Присев на кушетку, я неуверенно посмотрела на него.

– Ложись.– Беззаботный Ремингтон исчез. Передо мной стоял мужчина, сводивший меня с ума во время нашего ужина. Тот, кто контролировал всё и вся.

– Селена, как ты относишься к расширению границ допустимого?

Я нахмурилась.

– О чём ты?

Ремингтон провёл костяшками пальцев вниз по моей щеке, его глаза светились нежностью.

– Ты когда-нибудь делала что-нибудь тебе не свойственное?

Я не представляла, о чём он. Если о сексе, то у нас с Джеймсом не было ничего, кроме классики. Поза миссионера, или же он брал меня сзади.

– Если я сделаю что-то, что тебе не понравится, ты мне скажешь, договорились?

Кивнув, я наблюдала, как он направился к встроенному справа шкафу. Меня одолевало предвкушение и желание. А ещё страх. Я снова задумалась о сегодняшнем инциденте и о нашем с Ремингтоном разговоре до того, как мы зашли в студию. Положив голову на мягкую поверхность кушетки, я уставилась на квадратные плитки на потолке. В голове хаотично кружились мысли.

– Селена? – Я повернула голову набок и увидела Ремингтона с длинным красным шёлковым материалом в руках. – Где ты была?

Покачав головой, я отпустила прикушенную губу.

– Ты слишком много думаешь, а сейчас последнее, чего я хочу, это чтобы тебя одолевали мысли. Мне надо, чтобы

ты была здесь, со мной. Пережила со мной эти мгновения, договорились?

Я тяжело вздохнула.

– Не уверена, что сегодня подходящий день для написания портрета. Я слишком рассеянна.

– Что ж, тогда сейчас я просто должен об этом позаботиться.

Когда он снова опустился на колени и сжал мои бёдра, его плечи напряглись.

– Разведи ножки в стороны, Селена.

– Что?!

Ответом мне стала одна приподнятая в вызове бровь.

– Хочу убедиться, что единственное, о чём сейчас ты будешь думать – ты, я и эта комната.

Глаза Ремингтона потемнели ещё больше, а грудь поднималась и опадала от частых вдохов. Он положил руки мне на бёдра, ладонь скользнула по внутренней стороне к животу. Я была в восторге, что его так заводят мои пышные бёдра и далеко не плоский живот.

– Боже, ты такая красивая. Ты лежишь передо мной как самое изысканное лакомство. Селена, я просто умираю от желания трахнуть тебя прямо сейчас. Но уверен, если возьму хоть раз, то не смогу остановиться, пока мы оба не будем полностью измождены. Но даже тогда не захочу покидать тебя. Поэтому пока я поимею тебя языком и сделаю всё от меня зависящее, чтобы ты никогда ни забыла этой минуты. Разведи ножки, *ma belle*.

Словно загипнотизированная этими тёмными, полными желания глазами, я задрожала, покорно раздвинув ноги. Ремингтон опустил взгляд и, как заворожённый, уставился мне между ног. С его губ сорвался стон.

— Vous êtes belle¹³, — пробормотал он, склонив темноволосую голову, и прижался губами к внутренней стороне бедра. Несмотря на ожидание прикосновения его губ к моей коже, я всё равно вздрогнула от их мягкости и от интимности ласки.

Все мысли улетучились. От его тёплого дыхания, ласкающего кожу, всё тело натянулось как тетива. Его губы прижались к моей изнывающей плоти. Ремингтон неторопливо целовал и лизал, пока я не начала извиваться на кушетке. После этого, раздвинув пальцами складочки и не прерывая ласк, стал задевать кончиком языка особенно чувствительный комочек. Выгнув спину, я застонала. Зарычав от явного удовлетворения, Ремингтон обхватил губами клитор и стал посасывать, то медленно, то быстро. Ни на минуту не останавливая свою сладострастную пытку, он скользнул в меня пальцем. Я больше не в силах была сдерживаться.

— Ремингтон, я... я кончаю!

— Чёрт, Селена, я без ума от твоего вкуса. — Руками обхватив попку, Ремингтон притянул меня ещё ближе к рту, продолжая ласкать. А потом одобрительно заворчал, и звук дрожью отозвался в моём клиторе.

— О, Боже! — Меня накрыл оргазм такой оглушительной силы, что я едва могла вздохнуть. Такое чувство, будто меня снесло бесконечными волнами удовольствия.

Когда я пришла в себя, Ремингтон лежал рядом, опираясь локтем на кушетку и подпирая голову рукой. Наклонившись, он меня поцеловал. Я застонала, ощущив свой вкус на его языке.

— Вот именно этого вида я и добивался. — Ремингтон нежно провёл костяшками пальцев по моему подбородку.
— В следующий раз, ma belle, ты кончишь с моим членом глубоко в тебе.

¹³ **You etes belle** — Ты такая красивая. (фр.)

Поцеловав меня в губы, Ремингтон поднялся и снова уложил меня на кушетке в нужном положении. Пальцы жгло от желания прикоснуться к нему, я поёрзала, внутри пылало необузданное пламя. Не в силах больше терпеть, я вытащила из-под головы руку. Просунув пальцы в петли на его джинсах, рванула Ремингтона на себя. Я до одури жаждала его. Хотела, чтобы твёрдое тело плотно прижималось к моему, а горячая кожа обжигала, клеймя.

Захваченный врасплох, Ремингтон покачнулся. Молниеносно выставив руки, он опёрся ими по обе стороны от моей головы.

– Позволь и мне о тебе позаботиться. – Моя ладонь скользнула к выпуклости на джинсах. Резко вздохнув, он прикрыл глаза, словно испытывая муки. – Ну же, Ремингтон, всего пару минут.

– Проклятье, Селена. Если ты не остановишься, я не смогу сдержаться и затрахаю тебя до потери сознания. – Впившись в мой рот, Ремингтон пососал нижнюю губу и нежно её прикусил. А потом опустился на меня, стал плавно двигать бёдрами, и меня мгновенно накрыла волна сладострастного томления. Я только что испытала оргазм, но сейчас почувствовала, как приближается второй.

– Да, я именно об этом.

– Господи, – простонал он, необузданно меня поцеловав. А потом отстранился, поправил джинсы и провёл кончиком пальца по внутренней стороне моего бедра. – Позволь я сначала тебя нарисую, а потом покажу, как прикасаться ко мне. Грубо, нежно, по-всякому, – последнее слово прозвучало как одно из семи смертных грехов. И, чёрт возьми, я как раз в настроении согрешить.

– Это ты во всем виноват, – надув губы, сказала я.

Он удивлённо приподнял тёмную бровь, а в глазах заплясали чёртики.

– Я виноват?

– Конечно. Весь такой неотразимый. Я хочу тебя и никак не могу перестать думать о твоих поцелуях и о том, когда мы, наконец... трахнемся.

– Мне нравится, когда ты говоришь «трахнемся».

Он снова взял красный шёлк и завязал один конец на моей щиколотке, потом протянул ткань между ног, прикрыв венерин холмик. Один раз обернул материалом талию и прикрыл грудь, а вторым концом связал запястья. Вытянувшись, я лежала на кушетке, а блестящая ткань прикрывавшая тело, отбрасывала дразнящие блики на кожу.

Отступив, Ремингтон посмотрел на результат и удовлетворённо хмыкнул. Быстро поцеловав меня в лоб, он отошёл.

Я почти обнажённой ходила по подиуму, позировала перед камерами, а под куском материала, прикрывавшем меня, ничего не было. Откровенно говоря, мне пришлось делать уйму вещей, от которых я чувствовала себя полностью обнажённой.

Но всё, что было в прошлом, блекло по сравнению с этим. Впервые в жизни я чувствовала себя такой открытой. Я вольготно раскинулась на кушетке и наблюдала за Ремингтоном, изучавшим меня проникновенным взглядом, от которого мне хотелось... спрятаться? Проклятье, я так чертовски неуверенна в себе. Хотя и знаю, что красива. Я потратила уйму сил, чтобы стать той, кем я была до брака с Джеймсом. Тем не менее, Ремингтону каким-то образом удаётся заставить меня почувствовать себя более чувственной, особенно, когда он смотрит на краешек выглядывающей татуировки.

– Прекрати ёрзать, Селена.

Этот голос. Мама дорогая! Скрытое предупреждение хлестнуло меня, словно огонёк пламени, заставив

замереть. Я подняла взгляд от босых ступней к обтянутым джинсами мускулистым бёдрам, а потом - к его лицу. Глаза сощурены, сама сосредоточенность и строгость, Ремингтон явно был настроен на рабочий лад.

Несколько секунд спустя он поспешил отойти в сторону, и через считанные секунды из скрытых на потолке динамиков полилась печальная классическая музыка. Повернув голову набок, я посмотрела на Ремингтона. С лёгкостью подняв мольберт, он шёл ко мне.

- Классика?

Он кивнул.

- Сергей Прокофьев. Нравится? - спросил он, махнув рукой в сторону динамиков.

Окружённые музыкой, мы словно впали в напряжённое молчание. От сочетания страстного взгляда Ремингтона и гармоничной мелодии всё внутри затягивалось в томительный узел. Это самое эротичное, что я когда-либо делала. Невероятное везение, что до такого состояния меня доводит именно этот талантливый и почти идеальный мужчина.

ГЛАВА 19

РЕМИНГТОН

Я сделал пару глубоких вздохов в попытке взять себя в руки, но контроль ускользнул, и я был очень близок к срыву.

Одно неверное движение, и мне конец.

Я всё ещё чувствовал её вкус на языке. Запах заполнил мои чувства, а тело было настолько напряжено, что казалось физически больно даже думать о потрясающей красивой обнажённой женщине, лежащей напротив меня на кушетке. До сих пор мне отлично удавалось бороться со страстью и желанием сорвать с неё к чертям всю одежду.

Заполнить до отказа и трахать, пока она не станет выкрикивать моё имя. До тех пор, пока в её голове не останется ни одной мысли, кроме как обо мне. И тех ощущений, которые я ей дарю.

От образов, терзавших сознание, я сильнее сжал кисть. Сладкое тело Селены извивается подо мной, когда я вхожу в неё, и наши тела движутся синхронно. Моё дыхание стало прерывистым. Член врезался в ткань джинсов. От желания в глазах потемнело. Кисть с хрустом сломалась, вырывая меня из мира фантазий. Глянув на бесполезные щепки в руке, я сжал челюсть.

Mon dieu!

Я должен обуздать своё изголодавшееся тело, пока не закончится сеанс. Кроме того, если подойду к ней в таком состоянии, то могу напугать. Водоворот столь необычных чувств пугал даже меня. Не могу припомнить, когда испытывал нечто подобное. Я хочу эту женщину на очень многих уровнях. Страстно желаю защитить от всего мира, чтобы больше никто её не обидел. Изнываю от желания затрахать, обнять, приковать наручниками к постели, чтобы она никогда меня не покинула.

Ещё пару минут, и Селена будет полностью моей. Без вариантов, я ни за что не позволю ей уйти от меня или покинуть этот дом, пока полностью не удовлетворю свой голод. До тех пор, пока её тело не начнёт изгибаться в моих руках. Пока не заставлю Селену кончить несколько раз подряд.

Эта мысль затопила сознание, успокаивая.

Глянув на кушетку, где лежала моя Афродита, объект моей страсти, я заметил, что её взгляд вновь стал рассеянным. Она опять погрузилась в свои мысли. Похоже, мне предстоит всерьёз попотеть.

Повернувшись к мольберту, я поправил член и с улыбкой взял новую кисть.

Я принял вызов. Обязательно прослежу, чтобы она думала только обо мне. И будь я проклят, если не добьюсь того, чтобы всякий раз, прикасаясь к себе, она всегда вспоминала обо мне.

Этой ночью Селена моя, как и каждый грёбаный день в течение следующих трёх месяцев.

ГЛАВА 20

СЕЛЕНА

Закончив рисовать, Ремингтон развязал меня и прикрыл обнажённое тело тонким пледом, а сам пошёл в ванную, чтобы смыть краску. И, вернувшись только через десять минут, направился ко мне, вытирая волосы полотенцем. Босой, без рубашки и в чистеньких модельных джинсах.

Он бросил полотенце на столик и подошёл к кушетке. Приподняв плед, улёгся рядом и накрыл мои губы в ошеломляющем поцелуе. Отстранившись, Ремингтон заглянул в мои глаза, скользя ладонью по животу и легкими касаниями пальцев поглаживая кожу вокруг пупка.

– Тебе понравилось?

Я придинулась к нему ещё ближе, желая ощутить его кожу на своей.

– Это было потрясающее. Ты когда-нибудь рисовал ещё кого-нибудь, кроме меня? В смысле, обнажённой.

Его взгляд помрачнел.

– Мать Эдриена, – отвернувшись, прошёл он сквозь зубы.

Лишь представив Ремингтона с кем-нибудь другим, я ощутила острый укол зависти. Я помотала головой, внутри всё съёжилось от досады.

Боже, Селена. До встречи с тобой у Ремингтона Сен-Жермена была своя жизнь

Приподняв мой подбородок, Ремингтон посмотрел на меня пронзительным, всё понимающим взглядом.

– Раньше я никогда не делал этого вот так, ты единственная. С тобой единственной всё происходило именно так.

– Когда ты закончишь, я смогу увидеть портрет?

На его губах снова заиграла улыбка.

– Конечно.

После этого мы замолчали, но тишина дарила комфорт. Воспользовавшись моментом, я попыталась собраться с мыслями и, наконец, спросить об инциденте на дороге. Не буду скрывать, мне было чертовски интересно узнать обо всём, связанном с мужчиной, который обернул меня словно тёплый и самый надежный щит.

– Ты хорошо ладишь с Эдриеном и явно ему нравишься. Спасибо, Селена.

Улыбнувшись, я прижалась ближе к нему.

– Он чудесный малыш, которого невозможно не полюбить. Кроме того, у него хороший вкус.

Ремингтон глубоко вздохнул, взъерошив тёплым дыханием волосы у меня на затылке.

– Тогда почему рядом с тобой нет такого человека? Того, кто бы дарил тебе любовь, которую ты заслуживаешь, – размышлял он, вероятно, даже не осознавая, что произнёс это вслух.

Я пожала плечами.

– Иногда одной любви недостаточно. Порой люди спустя годы совместной жизни понимают, что не получили от своего партнера желаемого. Не знаю. – Я прикусила нижнюю губу.

Почему мне так легко откровенничать с Ремингтоном? Это из-за того, как он меня обнимает? Или потому, что всецело дарит мне своё внимание? Хотя, может причина в его голосе? Не знаю. Единственное, в чём я уверена, так это в том, что смогу с лёгкостью рассказывать ему обо всём.

— Мы с Джеймсом познакомились ещё в младших классах. Фактически, мы выросли вместе. Я была полненькой, и остальные дети смеялись надо мной. Однажды, словно рыцарь на белом коне, появился Джеймс и спас меня от постоянной травли. С тех пор он стал частью «Команды Селены», — я рассмеялась, вспомнив, как гневно сверкали глаза Джеймса, когда он бросал вызов зарвавшейся детворе. — Только благодаря Джеймсу и моей лучшей подруге Джене учёба в школе, да и жизнь в целом, стали сносными. Через два года после того, как я стала моделью, мы поженились. Тогда мне был двадцать один год. Странно вдруг проснуться и понять, что человек, которого ты знал и любил почти всю жизнь, неожиданно стал совершенно чужим.

Ремингтон крепче прижал меня к себе и поцеловал волосы.

— Джеймс хороший. Просто он хотел чего-то другого, того, что я не смогла ему дать.

— Чего-то другого?! — спросил явно обескураженный Ремингтон.

— Мы были знакомы много лет. Наверное, мне просто больше нечего было ему предложить. Не знаю. Как я понимаю, со временем любовь проходит. — Мне не хотелось рассказывать Ремингтону, что Джеймс нашёл свою любовь в объятиях другой женщины. Даже думать об этом стыдно, не то что говорить вслух.

Перевернув меня на спину, Ремингтон обхватил ладонями моё лицо.

– Любовь – это теория. Я верю, что... любовь не проходит. У тебя есть много всего, что ты можешь дать. Я каждый раз чувствую себя счастливчиком, открывая в тебе новую, даже самую крошечную грань.

В следующую секунду он меня поцеловал, по-хозяйски скользнув языком в рот. Открыто демонстрируя свои чувства. Когда Ремингтон перекатился, я почувствовала упирающийся в бедро член. Раздвинув коленом мои бёдра, он втиснулся между ними. Ремингтон целовал, покусывал и посасывал мою шею. А потом зарычал, и я вся затрепетала от сладостного предвкушения.

– Мне понравилось то, что ты проделывал руками и языком. Разве это не должно быть под запретом в любой стране мира? Это было просто фантастично!

– Не во Франции. Это страна любви и, конечно же, секса. Плюс, у меня патент. Разве ты не рада, что сейчас находишься во Франции, oui? – поддразнил он.

Я рассмеялась, но когда наши взгляды встретились, весёлость словно ветром сдуло. Ремингтон смотрел на меня так, словно видел впервые. И тогда я поняла, что он очень часто так на меня смотрит. От такого пристального внимания нервы напряглись до предела. Я подняла руку и притянула его за шею к себе, оставляя дорожку поцелуев на подбородке, а второй рукой скользнула вниз по его животу между нашими телами. Никогда в жизни мне не надоест прикасаться к нему. Его рука накрыла мою и потянула ещё ниже, к огромной выпуклости на джинсах. Я начала водить по ней рукой вверх-вниз. Отстранившись, Ремингтон отбросил плед в сторону и приподнялся на локтях так, чтобы ко мне не прикасаться.

– Расстегни джинсы и вытащи его.

Я сделала, как он велел и... Боже милостивый! Он огромный и твёрдый. Я робко провела ладонью по всей длине, наслаждаясь шелковистостью кожи.

– Так замечательно чувствовать тебя в своих руках, – прошептала я и взглянула ему лицо. Ремингтон неотрывно смотрел на мои руки, поглаживающие член. Его дыхание стало прерывистым, на шее вздулись вены.

Хм... Посмотрим, как долго он сможет себя контролировать.

Скользнув ладонью ещё ниже, я легонько сжала член у основания..

С его губ сорвался поток французских ругательств, но, несмотря на это, он так и не прижался ко мне.

– Вытащи презерватив из заднего кармана, – прорычал Ремингтон.

Я быстро выполнила просьбу. А потом, не дожидаясь дальнейших указаний, разорвала обёртку и натянула резинку на напряжённый член, после чего стянула джинсы вниз по бёдрам. Ремингтон одним движением сбросил их с ног.

– Раздвинь ножки для меня, Селена.

И я послушно развела их пошире. Втиснувшись между бёдер, он схватил меня за ноги и закинул их себе на талию. Ремингтон смотрел мне в глаза, приблизив головку члена к лону. Пульс барабанной дробью отдавался у меня в ушах. Дыхание стало прерывистым, я приподняла попу над кушеткой, стремясь почувствовать его.

Не отрывая от меня взгляда, Ремингтон медленно, сантиметр за сантиметром начал входить в меня. По лбу струился пот, выдавая, как много усилий он прикладывал, чтобы не ворваться в меня одним резким движением. Наконец войдя полностью, он застонал. Я вскрикнула, когда крошечные искорки боли разбежались по моей киске. Он огромный! Я судорожно искала, за что бы ухватиться, и, нащупав изогнутую спинку кушетки, я вцепилась в неё что есть мочи.

О боже, я готова взорваться, как воздушный шарик. Слишком много ощущений... Я извивалась и стонала, приподнимая бёдра в стремлении почувствовать его ещё глубже. Хватка Ремингтона усилилась, предупреждая.

– Не шевелись, – резко сказал он. Челюсть напряжена, глаза закрыты, словно он испытывал боль.

Прошло несколько секунд. Единственными звуками, заполнявшими комнату, были наши судорожные вздохи и бешеный ритм моего сердца. Неожиданно я напряглась, вспомнив, что в доме ребёнок.

– Эдриен, – прошептала я, не желая, чтобы мой голос разнёсся по комнате.

Ремингтон медленно открыл переполненные желанием глаза.

– Он не проснется до утра, – сильнее сжав мои бёдра, он начал лениво двигаться. – Селена, мне так хорошо внутри тебя. Твое тело – моя слабость, ma belle. Я не могу тобой насытиться. Хочу, чтобы мой член заполнил тебя до отказа. Смотри, Селена. Просто посмотри, как идеально мы подходим друг другу. – Его необузданый и грубый голос внушал благоговение, полностью сразив меня наповал.

Я мечтала об этом моменте, но Ремингтон превзошел все мои ожидания и даже самые смелые фантазии. Он проделывал со мной такие вещи, от которых тело выгибалось дугой, моля о большем.

Ремингтон переключил всё внимание на место, где наши тела соединялись воедино. И с очередным выпадом, когда он полностью вошёл в меня, на его губах заиграла полная мужского превосходства улыбка. Увидев её, я задрожала. Я добилась желаемого. На его лице читалась дикая, ничем неприкрытая необузданная страсть. Бёдра ритмично двигались, проникновения яростные. Целенаправленные.

Когда Ремингтон снова посмотрел на меня, выражение лица изменилось, и я поняла, что долго он не продержится. Больше всего на свете мне хотелось доставить ему удовольствие, чтобы Ремингтон познал такое же неземное наслаждение, какое подарил мне дважды, лаская своим умелым ртом.

Резким толчком Ремингтон вошёл в меня.

– Прекращай витать в облаках, Селена, – проскрежетал он. – Я хочу, чтобы ты была здесь, со мной. Сделай это для меня, и ты точно не пожалеешь, *d'accord*¹⁴?

Я кивнула.

Он вышел из меня и, взяв в руку член, стал его поглаживать.

Проклятье, это так сексуально.

Ремингтон сел на край кушетки, схватил меня за щиколотку и потянул к себе, а потом усадил на колени, прижимая мою спину к своей груди. Потом сжал мои бёдра своими сильными, талантливыми руками, я приподнялась на цыпочки, и он опустил меня на член. Мы застонали в унисон, когда он вошёл на всю длину.

Боже, просто великолепные ощущения.

Ремингтон обхватил одной рукой мою талию и крепче прижал к себе, пока вторая ладонь скользнула к груди, сжимая, лаская, а потом он резко потянул сосок. Вспышка боли, словно молния, отзывалась приятной сладкой истомой между бёдер. Со второй грудью Ремингтон проделал тот же фокус. Задрожав, я застонала в ответ.

И почувствовала его губы на затылке, он поцеловал меня, прежде чем начать медленно двигаться. А потом проникновения стали более сильными, и я облокотилась на него, принимая яростные толчки. Он прикусывал мою кожу, а потом стал ласкать и целовать. Сладчайшая

¹⁴**D'accord** – ладно; хорошо (фр.)

вспышка боли. Единственный её вид, который бывает, когда смешан с удовольствием. Вот бы такие моменты продолжались вечно. Но рано или поздно всему приходит конец. Приятная боль и, чёрт возьми, как же она мне нравилась. Это был дикий, безудержный секс.

Он по-особенному двигал бёдрами, вынуждая меня стонать и хныкать. Спина выгнулась дугой, отрываясь от его груди, но Ремингтон быстро притянул меня обратно к себе, прижимаясь тазом к попе.

– Ты так хороши, Ремингтон. Такой большой. Ещё. Я хочу ещё. Дай больше, – в отчаянии простонала я.

– Тебе нравится, когда тебя трахают жестко, ma belle? Ответь мне, Селена. Я хочу услышать, как ты произносишь это.

Я кивнула, не в силах выразить словами свои истинные желания. Всё происходящее было для меня в новинку. Было слишком стыдно говорить об этом вслух.

Движения Ремингтона стали мучительно медленными, горячее дыхание обожгло кожу, когда он скользнул губами по раковине моего ушка и больно прикусил мочку.

– Произнеси. Это. Вслух, – прорычал он.

– Мне нравится, – слова слетели с губ. – Да, я хочу, чтобы ты трахнул меня жёстко.

Он одобрительно зарычал в ответ. Рука соскользнула с талии, Ремингтон грубо ласкал моё тело пальцами, словно помечал территорию, исследуя изгибы и мягкие выпуклости каждой части тела. Пальцы двинулись вниз, нежно раздвинули складочки, вторую руку он убрал с груди и схватил меня за подбородок, повернув к себе лицом. Его рот обрушился на мои губы, овладевая и даря удовольствие. Я жадно принимала ласки, желая большего.

– Будь я проклят, ты приворожила меня, Селена. Даже сейчас я не могу дождаться, когда буду снова и снова

брать тебя. Одного раза для меня точно будет недостаточно.

Рука скользнула с лица, и Ремингтон обхватил мою талию обеими руками, резко дёрнув на себя.

Движения становились яростнее, с губ срывалось всё больше пошлостей, от которых я становилась мокрой. С каждой минутой я понимала, что больше не выдержу. Вторая рука Ремингтона сильнее обернулась вокруг талии, теснее прижав к себе. Я чувствовала близость оргазма. Закрыв глаза, я растворилась в ощущениях, окружающем нас запахеекса, крепком теле Ремингтона, в стонах и словах, срывающихся с его языка. Этот мужчина чертовски красноречив.

Он неистово вдалбливался в меня, заполняя до отказа. Один раз. Второй. Тело напряглось, Ремингтон прижался ртом к моей спине, заглушая крик. Я чувствовала, как он пульсирует внутри меня. Мы цеплялись друг за друга, а тела дрожали от пережитого крышесносящегоекса. Я блаженно улыбнулась. Вот теперь это был отличныйекс. И фраза «перевернуть мир» обрела новый смысл.

Ремингтон обнимал меня, пока мы приходили в себя от пережитой лавины наслаждений, и только потом уложил на кушетку. Взяв недавно отброшенный в пылу страсти плед, он сначала накрыл меня и после этого выскользнул из моего тела. Сняв презерватив, Ремингтон ушёл в ванную, чтобы его выбросить. А вернувшись через пару минут, забрался ко мне под плед, притянул к себе и, уткнувшись в изгиб моей шеи, вздохнул.

Мама дорогая, этот звук. Если бы мне пришлось описать его, я бы сказала, что в этом одном хриплом вздохе тысяча невысказанных слов.

Звонок в дверь вырвал нас из нашего маленького мирка. Нахмутившись, Ремингтон тряхнул запястьем и бросил взгляд на наручные часы, а потом медленно отодвинулся от меня. Потом схватил с пола джинсы и

натянул их. Задрожав, я поплотнее укуталась в плед, уже скучая по его тёплому телу.

– Почти десять. Кто приходит с визитом в такое время?
– пробормотал он, выходя из комнаты.

Я уронила голову на мягкий бархат кушетки и улыбнулась, как дурочка, вспоминая события последних двух часов. Боже, проводить время с Ремингтоном это совсем другая лига. Сердце сжалось лишь от одной мысли о нём. Отличный отец, любовник и, как я недавно узнала, глубоко измученный мужчина.

Потянувшись, я повернулась и посмотрела на дверь, желая, чтобы он поскорее вернулся. Я продолжала лежать, а он всё не возвращался, поэтому, закутавшись в плед, я пошла на поиски своего художника. Ремингтон стоял в коридоре спиной ко мне. Голова опущена, мышцы плеч сильно напряжены, дыхание хриплое и прерывистое, а одна рука была сжата в кулак и упёрта в бок.

Сердце ушло в пятки, когда я подошла ближе и краем глаза заметила в его руке белый лист бумаги.

– Ремингтон?

Он резко обернулся, широко распахнув глаза и нервно сжав челюсти. В глубине зелёных омутов сверкал гнев. Я опустила взгляд на лист и почувствовала подступающую тошноту. Ремингтон отдернул руку, когда я шагнула к нему, чтобы взять письмо.

– Ремингтон? – повторила я. – Мне нужно знать, что там написано.

Он продолжал смотреть на меня, в его глазах плескалась неуверенность, гнев и решимость. Впрочем, я тоже уступать не намерена. Вцепившись в плед, я посмотрела на него.

Наконец признав поражение, он выдохнул, а потом провёл рукой по волосам и протянул мне листок.

Сдерживая улыбку, я забрала у него письмо. А потом застыла.

Меня сейчас вырвет, или я грохнусь в обморок.

Но, как ни странно, этого не произошло.

Я часто дышала, всматриваясь в вырезанные из газет буквы, и несколько раз перечитала слова на французском языке.

Ты думаешь, что сможешь вернуть жену, воспользовавшись похожей на неё женщиной?

Подумай ещё раз, Ремингтон.

Избавься от неё или пожалеешь.

Моргнув, я подняла голову, пытаясь не дать боли и страху, сковавшему сердце, задушить меня.

– Так это правда? – обречённо прошептала я. – Ты заинтересовался мной лишь потому, что я напоминаю её?

Яростно замотав головой, он в отчаянной мольбе протянул ко мне руки.

– Селена, послушай. Всё не совсем так, – он замолчал и тяжело вздохнул. – Помнишь, когда мы впервые встретились в отеле? Я был в замешательстве, испытывал боль и злость. Но вы с ней разные. Она не ты, – последнее предложение он произнес шёпотом.

Я погрузилась в свои мысли, пытаясь связать всё воедино.

– Инцидент на дороге как-то связан с этим письмом?

– Жиль полагает, что да.

Я покачала головой.

– Кто бы за этим не стоял, он не сдастся. Если я останусь... Господи, Ремингтон, если с тобой или Эдриеном что-нибудь случится, я себе никогда этого не прощу.

А если сталкер, приславший письмо, следит за домом и ждёт? Борьба или бегство? Ответ пришёл мгновенно. Если от этого я буду выглядеть эгоисткой, пусть так, главное – они будут в безопасности.

– Я должна уйти, – я положила письмо на его ладонь и, развернувшись, направилась обратно в студию. Правда ранит. Наконец узнав о происходящем, меня сковали боль и страх. Я боялась того, что может произойти с Ремингтоном и Эдриеном, если я с ними останусь.

Я оделась и быстро спустилась в гостиную в поисках сумочки.

– Она в моей комнате, – тихо сказал Ремингтон. – Пожалуйста, выслушай меня, Селена. Я не впервые получаю от этого безумца письма. Скорее всего, это сделано с целью запугать меня.

Это привлекло моё внимание. Я смахнула слёзы, не в силах понять, почему мне так плохо. Мы совсем недавно познакомились с Ремингтоном, но, несмотря на это, чертовски сильно. Двумя большими шагами он преодолел разделявшее нас расстояние и обхватил ладонями моё лицо, измученный взгляд встретился с моим.

– Что ты имел в виду под «не впервые»?

Он прикоснулся губами к моим щекам, поцелуями стирая слезы.

– Каждый раз, когда я пытался с кем-нибудь встречаться, начинали приходить послания. Обычно дело обходилось сообщениями на сотовый, а теперь вот ещё и письма.

– А эти женщины, ну... тоже были похожи на твою жену?

Он очень долго смотрел на меня, а потом опустил руки и покачал головой.

Мои плечи слегка расслабились.

– Что с ними случилось?

Он явно сомневался, стоит ли отвечать.

– Как только угрозы становились серьёзными, я тут же их бросал.

Выпрямившись, я вытерла мокрые щёки.

– Я не могу оставаться, Ремингтон. Кем бы ни был этот человек... Я просто не могу подвергать тебя или Эдриена опасности. Мне следует немедленно уехать, – я направилась к двери, но не успела сделать и пары шагов, как Ремингтон неожиданно оказался на моём пути, преградив дорогу.

– Нет.

– Нет? Это моё решение, Ремингтон. Я ухожу, – я на минуту замешкалась, обдумывая, как отсюда уехать, а потом бросила на него взгляд. – Я могу вызвать такси?

– Ты... не... уходишь, Селена! – он схватил меня за руки и притянул к своей груди. – Ты не можешь уйти.

– Не делай этого, Ремингтон. У тебя сын, о котором ты должен заботиться. И ты меня знаешь недостаточно хорошо, чтобы так рисковать.

– Неправда! Я знаю тебя достаточно, чтобы защитить любым доступным мне способом.

Я затихла, оглушенная этим заявлением.

– Ты обрывал отношения с теми женщинами. И сейчас я хочу, чтобы ты сделал то же самое. Пожалуйста, прошу, Ремингтон, – обхватив ладонями лицо, я прижалась к его лбу своим. Израненная душа скрывалась глубоко внутри.

– Другие не сравнятся с тобой. И я ничего не заканчиваю.

Поднявшись на цыпочки, я приникла к его губам, но Ремингтон, крепко обняв меня, быстро углубил поцелуй.

– Я не буду рисковать вами двумя, – отстранившись, я пошла к двери. – Не мог бы ты попрощаться за меня с Эдриеном?

– Подожди!

Остановившись, я оглянулась. Видя его поверженный взгляд, моё сердце разрывалось в груди.

– Я позвоню Жилю, и он отвезёт тебя в отель, – взяв со столика телефон, Ремингтон начал набирать номер, поднимаясь по лестнице.

Через пару минут он вернулся с моей сумочкой.

– Можешь сделать одолжение? Позвони, пожалуйста, когда окажешься в номере.

Кивнув, я протянула руку за сумочкой.

Через несколько минут приехал Жиль. Не оглядываясь, я села в машину. А когда мы тронулись и отъехали с подъездной аллеи, я наконец обернулась и посмотрела в окно. Ремингтон с поникшим видом стоял на дорожке перед домом. Я помахала рукой. Он помахал в ответ, а потом расправил плечи, на лице читалась непоколебимая решимость.

Я отвернулась, глаза заволокло слезами, а тело стало тяжелее свинца. Всё шло так хорошо, пока какой-то сумасшедший не ворвался в мою жизнь. И это чёртово письмо.

Я такая же глупая, как и моё сумасшедшее сердце.

Внутри царил хаос и опустошение, но я с этим справлюсь. Не так уж и долго я знакома с Ремингтоном, так что смогу это пережить. У меня нет другого выхода. Просто буду жить своей жизнью. Я уже проходила через это.

Но почему тогда мне кажется, что в этом доме из кирпича и стекла я оставила частичку своей души?

Продолжение следует...

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я хотела бы поблагодарить очень многих людей, которые прошли со мной весь этот путь и даже больше.

Моим детям. Спасибо, за ваше терпение и за то, что так чутко чувствуете, когда мне необходимо уединение. За то, что без жалоб обходились фасфудом, особенно перед самым выпуском «Хаоса». Девочки, я безумно вас люблю и обещаю чаще быть хорошей мамой.

Моей альфа-читательнице Эми. Ты читала первые черновые наброски этой истории. Полюбила ее и попросила о большем. Милая подружка, ты просто замечательная, а твоя поддержка просто колossalная. Я тебя люблю.

Моей прекрасной подруге и ярой болельщице - Нанетт. Мы болтали, гуляли, веселились и побеждали. Не знаю, чтобы со мной было без тебя. Я тебя обожаю.

Мишель. Три коротких слова, которыми все сказано. Я люблю тебя и не могу дождаться встречи с тобой в один прекрасный день. Спасибо за поздние ночи в чате и заботу обо мне.

Некоторые особенности значения французских фраз и слов мне помогла разъяснить Стефани Уиттер. Мне очень повезло, что у меня такая подруга.

Китти Катс с блога «Помешанные на книгах». Спасибо за организацию тизеров и рекламу перед выходом «Хаоса». Я твоя должница.

Марион из «МэкинМанискриптс». Боже, женщина, я в восторге. Люблю тебя еще больше за твои отзывы и зато,

что нашла время дважды прочитать «Хаос». Еще раз спасибо. Отем из «ВордсмитПаблисити» за организацию показа обложки, блицы и отзыв. Марион и Отем, ваши отзывы помогли мне задуматься и копнуть глубже.

Эми из «АйсЭдитинг». У меня нет слов, чтобы выразить степень своей благодарности. Спасибо, что втиснула меня в свой напряженный график, когда я крайне нуждалась в твоей помощи.

Я хочу поблагодарить Бекки, Пегги и всю команду «Хот Три Эдитинг» за то, что взялись за эту историю и сделали её лучше. Намного, намного лучше. Не могу дождаться, чтобы отправить вам следующую книгу. Вы потрясающие!

Последними по счету, но не по значимости, я хотела поблагодарить блогеров, за то, что согласились и нашли время в свой напряженном графике, чтобы помочь мне распространить информацию о «Хаосе». А именно: «Дьявольски аппетитные рецензии на книги», «Романтические агенты», «Сладкие «Г» книги», «Мир джаза на книжной полке», «Обжигающие горячий книжный блог», «Безнадежно увлеченная парочкой книг», «Любовь к историям», «Книжный блог «Жили-были»», «Полная рецензия от Клэр», «Рецензия от часослова Виолетты», «Рецензия от близняшек Рокин», «Сильная грамматика», «Между строк», «Плохие парни и Сказочки на ночь», «Восхитительно греховые книги», «Влюбленные в книжных героев».

Огромная благодарность всем блогерам, что находите время и все возможными способами помогаете авторам. Серьезно, если бы не вы, нас бы не было.

ВНИМАНИЕ

Перевод не преследует коммерческих целей и является рекламой бумажных и электронных

изданий. Любое коммерческое использование данного перевода запрещено. Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.